

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
Факультет гуманитарных и социальных наук

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

**Материалы
ежегодной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых**

Москва, 6 октября 2017 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2017

УДК 316(063)
ББК 60.5
А43

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Под редакцией

доктора социологических наук, профессора *Н.П. Нарбута*;
кандидата социологических наук *Т.И. Лариной*

А43 **Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика** : материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 6 октября 2017 г. / под ред. Н. П. Нарбута, Т. И. Лариной. – Москва : РУДН, 2017. – 168 с. : ил.

ISBN 978-5-209-08336-8

В сборнике представлены статьи студентов, аспирантов и молодых ученых по результатам заочно проведенной 6 октября 2017 г. ежегодной межвузовской конференции, посвященной актуальным вопросам современной социологической науки.

ISBN 978-5-209-08336-8

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Попова Н.А. Социологический анализ путей становления и этапов формирования религиозности	6
Замбатова М.З. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля как теоретическая основа конврсационного анализа	12
Богдановская В.И. Тенденции развития современного института отцовства	18
Ильина В.В. Особенности российской социальной рекламы (на примере рекламы против абортов)	23
Сохадзе К.Г. Ценностные приоритеты и опасения российской молодежи (по данным социологических исследований последних лет)	27
Борзунов В.А., Коновалова Т.С. Свобода личности в межкультурном контексте: опыт анализа стрит-арт	37
Тупикова В.А. Проявление свободы личности на примере городов России и Европы	45
Овчинников-Лысенко Е.Г. «Открытость» ЛГБТ-комьюнити в Европе и России: опыт гарфинкелинга	51
Вернер А.Н. Спорт и физическая культура в жизни молодежи: социологические аспекты	56
Щербакова Д.А. Трудности и перспективы инклюзивного обучения в российском образовательном пространстве	63
Захарьян Д.А. История появления инклюзивного образования. Проблемы и факторы оценки эффективности его внедрения в российскую повседневность	68
Вакорина Л.Ю. Инклюзивное образование глазами российской общественности: проблемы, мнения, экспертные оценки	76
Кутилова А.А. Технологии работы с детьми с ОВЗ в общеобразовательной организации	82
Логина П.В. Привлечение молодых специалистов как основная кадровая проблема государственной службы	86
Филатова В.А. Трудовая активность российских пенсионеров (на примере московского мегаполиса)	90
Суховерова Д.В. Корпоративная культура современного вуза: определение, особенности и задачи	98
Ульянычев М.А. Опыт функционирования технопарков в международной практике инновационного развития	102
Юрош Т.Д. Государственно-частное партнерство как эффективный формат взаимодействия бизнеса и государства	106
Зеленская Д.М. Проективные методики как инструмент выявления скрытых мотивов внутриорганизационной мобильности	111

Неунылова А.С.	
Возможности социологического анализа визуального контента танца	122
Панкова А.В.	
Возможности эмпирического анализа феномена свободы в социологии	129
Субботина М.В.	
Конструирование образов в кинематографе: подходы к оценке зрительского восприятия кинолент	135
Ларионов Г.И.	
Возможности и ограничения технологии River Sampling при проведении онлайн исследований	142
Захарова С.В.	
Полуформализованное интервью в системе социологических методов: проблемы качества получаемой информации и способы их решения	146
Карзевич М. С.	
Особенности поведения экспертов во время экспертного интервью	154
Сведения об авторах	158

ПРЕДИСЛОВИЕ

В октябре 2017 года на факультете гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов в очередной раз проведена межвузовская конференция, посвященная актуальным вопросам современной социологической науки. Ее инициаторами и участниками уже несколько лет подряд выступают студенты, аспиранты и молодые преподаватели кафедры социологии РУДН. По итогам каждой такой конференции выпускается сборник научных работ. И сейчас перед Вами новый выпуск сборника.

Сборник является интересным индикатором направления развития современной отечественной социологии, поскольку репрезентирует основные научно-исследовательские интересы молодых ученых.

Так, в сборнике представлено двадцать четыре статьи, которые можно разделить на несколько тематических блоков. Сборник начинается с теоретических вопросов социологии, которые раскрываются на примере исследования тем религиозности, этнометодологии, института отцовства, плавно переходя к практическому исследованию социальной рекламы и ценностных ориентаций молодежи. Изучению вопросов, связанных с темой свободы личности, посвящено несколько статей. В фокусе интересов молодых авторов оказался и спорт, а также несколько статей серьезно освещают проблемы инклюзивного образования. Далее идут статьи, которые можно отнести к социологии управления, это темы кадровых проблем государственной службы, трудовой активности пенсионеров, корпоративная культура современного вуза, а также опыт функционирования технопарков в международной практике инновационного развития. Последний блок статей освещает методологические вопросы социологии, среди которых проективные методики, визуальные методы, методика *river sampling*, экспертное интервью, полуструктурированное интервью.

Сборник является ярким примером интереса студентов и молодых ученых к научным публикациям и исследовательской деятельности.

Н.П. Нарбут,

*доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой социологии
Российского университета дружбы народов*

Т.И. Ларина

*кандидат социологических наук,
ассистент кафедры социологии
Российского университета дружбы народов*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУТЕЙ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Н.А. Попова

В данной статье обозначены основные контексты социологического изучения религиозности, а также представлен анализ механизмов формирования и этапов становления религиозности. Автор рассматривает становление религиозности с разных сторон: с точки зрения коммуникации и как процесс конструирования личности. Помимо этого в работе процесс формирования религиозности рассмотрен через ключевые структурные составляющие религии в целом, в качестве которых выступают религиозный опыт, религиозная вера, религиозное сознание и религиозное поведение.

Ключевые слова: религия, религиозность, механизмы формирования религиозности, этапы становления религиозности.

В социологии понятие религии не нуждается в представлении. Известно, что исследование религии с научной точки зрения возможно с разных сторон. Но трактовка религии в рамках именно социологического подхода предполагает рассмотрение вопросов, касающихся не только влияния социальной группы на индивида, организации социального поведения отдельных людей, взаимодействия религии и социальной реальности. Мы также сталкиваемся и с проблемами воспроизводства религиозности, а именно касаемся вопросов проявления религиозности отдельных индивидов, социальных групп, выработки у них разнообразных религиозных норм и ценностей.

Изучение религиозности – важнейшая часть исследовательского поля как религиоведения в целом, так и социологии религии. В том числе классическая трактовка религии в социологии, вырастающая из трудов Э. Дюркгейма и М. Вебера, затрагивает проблему религиозности и ее проявления в различных конфессиональных течениях. Вариации анализа религиозности, представленные в социологических, философских и социально-психологических концепциях, описывают с разных сторон как само понятие религиозности, так и разнообразие сценариев формирования религиозности и ее отражения в социальной деятельности. Помимо этого стоит отметить, что наряду с вопросом: «Существует ли определённый путь развития религиозности у конкретной социальной группы?» возникают также вопросы, касающиеся оценки и обнаружения религиозности, а именно: «По каким критериям следует изучать религиозность?», «Какова отправная точка в изучении религиозности?». Для того чтобы ответить на данные вопросы необходимо комплексное изучение феномена религиозности с целью выявления особых траекторий формирования религиозного поведения, а также обнаружения критериев его оценки.

В современной литературе можно встретить многочисленные трактовки феномена религиозности. Согласно И.Н. Яблокову: «Религиозность – социальное качество индивида или группы, представляемое совокупностью религиозных свойств сознания, поведения» [13. С. 123]. Таким образом, религиозность представляет собой не просто специфический взгляд на окружающий мир под воздействием церкви как социального института, но и некоторое многообразное в своих проявлениях социальное образование, характеризующееся либо верой в сверхъестественное, либо принятием определенных наказов и предписаний. Так, следует отметить, что понятие религиозности достаточно обширное и трудно эмпирически фиксируемое, при этом очевидным остается то, что при измерении религиозности необходимо учитывать как внутренние ее субъективные составляющие, так и внешние явные проявления.

С социологической точки зрения этапы формирования религиозности связаны с дюркгеймовским понятием «сакрального». Ведь процесс «обожествления» имеет социальное начало, так весьма сложное профанное мироустройство подталкивает человека на поиск

смыслов, ответов на вопросы, и некоторую помощь в этом вопросе может оказать, например, система антропоморфизма. Так *антропоморфизм* как мировоззрение представляет собой не только священное отношение к посторонним, неодушевленным объектам, но и способность человека распознавать себя в окружающем мире. Стоит отметить, что религиозная система не во всех случаях имеет абстрактный характер. Священная, божественная реальность может иметь и *рациональную основу*. Религиозная ориентация человека заключается не столько в том, что он ищет подобные, знакомые черты в окружающем его мире, сколько в том, что он еще и обращает внимание на присутствие сверхъестественных сил в социальной реальности. Таким образом, мы приходим к мысли, что вышеуказанный антропоморфизм на каком-то этапе сплетается с рационализмом. С помощью рационального взгляда на социальную действительность человек наделяет смыслом окружающий мир, при этом сохраняя традиции и обычаи. Ведь традиционное сознание не позиционировало себя в виде главенствующей фигуры в процессе мироздания, оно лишь ощущало себя субъектом, подчиняющимся единому Космическому процессу. Другими словами в традиционном обществе не было мысли об активном создании окружающего мира и участии в установлении определенных порядков в нем. Современное же сознание несколько отличается: здесь уже у индивида другая роль, он видит себя центральной фигурой в мировом процессе. И религиозные трансформации сыграли в этом процессе немаловажную роль.

Из всего вышесказанного следует, что религиозность может формироваться, имея разные отправные точки. С одной стороны, религиозность представляет собой некоторое подобие коммуникации. Так религия позволяет нам быть рядом с кем-то и имитировать общение, даже находясь в состоянии одиночества. Коммуникация всегда предполагает наличие обратной связи; при детальном рассмотрении многообразных форм духовности становится очевидно, что эту связь и обеспечивает религиозность. Целью такого типа коммуникаций является обнаружение в сознании индивида отдельного единого религиозно-моленного пространства. В конечном итоге такая коммуникация направлена на единение индивида с Абсолютом. Но пути, указывающие на стремление к достижению связи человек-Абсолют, разнятся в зависимости от направленности. Рассматривая формирование религиозности с точки зрения коммуникации и *как процесс конструирования личности, религиозной идентичности*, следует отметить каждое из возможных направлений:

а) Как отмечалось выше, религиозность предполагает некоторого вида коммуникацию. И в первую очередь следует указать на стремление индивида к восстановлению связи со своим «Сверх-Я» (Фрейд), Абсолютом и «единения в единстве» (Хайдеггер) [12. С.70]. Процесс идентификации, причисления себя к определенной группе (в т.ч. и религиозной) всегда напрямую связан с отождествлением. В свою очередь, принцип отождествления включает в себя различия, так как идентифицируя себя с другими, мы одновременно противопоставляем себя какой-либо социальной группе, воззрения и положения которой не совпадают с нашими. Иными словами, отождествляя себя с социальной группой придерживающейся определённого типа духовности, мы в той или иной мере вынуждены отказаться от противоположных религиозных взглядов. Таким образом, философское «единение в единстве» с точки зрения формирования религиозности включает в себя и принадлежность к церкви, чувство веры, то есть здесь мы уже имеем дело с ситуацией, когда религиозность переходит из разряда внутреннего переживания и приобретает компоненты, которые характеризуют ее как социальный институт. Соответственно, индивиду незачем искать религиозную идентификацию вовне и стремиться к ее трансляции. Таким образом, происходит переход к другому уровню направленности религиозности – стремлению к восстановлению социального пространства.

б) Принадлежность к церкви не является показателем или способом измерения религиозности, но, тем не менее, может выступать средством ее трансляции и передачи. Такими объектами сакрализации нередко выступают общественные институты или социальные группы, выделенные на основании какого-либо социального представления. И здесь мы скорее имеем дело с формированием религиозности другого порядка. Ее

образование может основываться на идеологии, в данном случае процесс формирования религиозности будет базироваться на социальных доминантах, преобладающих в каждой отдельной общности и выражающих ее основные нормы, приписываемые каждому члену сообщества в соответствии с объектом сакрализации. Религиозность данного порядка связана с обожествлением лидеров и их учений.

с) Наконец, формирование религиозности может иметь космоцентрическую направленность, которая отличается от ориентации на социум или на самого себя. Религия, так или иначе, направлена на поддержание связи не только с внутренним «Я», но и с Богом, во всеобъемлющем смысле этого слова, то есть с Космосом, вселенским изобилием божеств. Взглянув на подобную модель религиозности под определенным углом можно усмотреть в ней и эгоцентрическую ветвь (направленность индивида на поиск самого себя), отличия же этих траекторий могут являться особенностями религиозных практик. Ведь религиозность, направленная на поиск Космоса, в каком-то смысле еще на ранних этапах своего формирования была связана с социальными институтами, а также с людьми, выступающими посредниками между индивидом и Богом. Таким образом, и организации, имеющие религиозную направленность и люди, находящиеся в координирующих слоях общества выступают проводниками к Божественному началу. Формирование религиозности имеет свою отправную точку именно на этом этапе. Критерии конструирования религиозной идентичности, религиозности формируются на протяжении поколений.

Таким образом, следует отметить, что все три указанные формы «религиозного» являются некоторыми элементами формирования и становления религиозности, а также религиозной идентичности в ходе образования социальных связей. Характер направленности той или иной социальной структуры определяет схемы и траектории формирования религиозности, сама же религия, исходя из вышеуказанных положений, не просто ведет к процессу самоидентификации, но и с социальной точки зрения этот процесс является ее сущностью. Другими словами, в социальном пространстве, где процессы формирования религиозности и религиозной идентичности отсутствуют, не может существовать и сама религия в общем смысле этого слова.

Следует отметить, что помимо процессов коммуникации немаловажную роль в процедурах формирования религиозности играют процессы символизации. Бесспорно, религия – одна из сфер общественной жизни, которая наиболее подвержена символизации. Символ – некоторый принцип обобщения чего-либо, более того, его содержательно-формализованная структура включает в себя всю суть человеческой деятельности. Тот факт, что духовность неразрывно связана с символизацией, дает право полагать, что этот процесс может выявить пути формирования религиозности. Символ иллюстрирует ситуацию, когда все многообразие существующих объектов и явлений сводится к одному понятному и принятому большинством и наделяется определенным смыслом. Определенно, религия не только пропитана духовными и социальными символами, но и она сама функционирует в рамках символизации. Так, Э. Кассирер в своей работе «Философия символических форм» заявляет, что человек – символическое существо и весь социальный мир следует охарактеризовать, как некую символическую систему [6. С.55]. Р. Белла, занимаясь изучением религиозных верований, предложил классификацию этапов становления религиозной системы в зависимости от дифференциации конструктов религиозных символов [1. С.116-177]. Таким образом, например, на примитивном уровне религиозное действие содержит отождествление себя с чем-то сверхъестественным, то есть имеет место участие в некотором священном процессе. И здесь мы снова сталкиваемся с примером коммуникации «человек – Бог» во всех ее проявлениях. В этом случае дистанция между верующим и «религиозным» сокращается как и социальная дифференциация. Здесь явно просматривается хайдеггеровское понятие «все единое во всем», ведь как сакральное едино в профанном, так и светское едино в священном [12. С.70]. Анализируя последующие этапы становления религиозного, стоит отметить, что со временем мирское и священное отдаляются друг от друга и эти понятия уже иллюстрируют разные стороны единого социального пространства.

Помимо этого, примечательно, что религиозные символические системы участвуют и в процессе осмысления человека общего мироустройства, другими словами подобные духовные символы обеспечивают осмысленную деятельность человека и помогают отыскать суть каких-либо жизненных обстоятельств. При таких условиях, человек оказывается огражденным от мирских страданий, несправедливости, смерти. В свою очередь, религиозные символы организуют такую модель мироздания, при которой элемент, вовлеченный в эту систему (верующий), чувствует себя защищенным и понимает ее определенным образом. То есть негативные эмоции заключаются в те рамки общей картины мира, в которых социальный опыт обретает некоторое объяснение и уже он дает нам эмоциональное утешение.

Таким образом, роль символов в религиозной системе нельзя недооценивать, они иллюстрируют реальную социальную деятельность индивида, группы, общества и формируют некоторый идеал, который можно применять к социальной реальности. Они, несомненно, выводят нас за черту повседневности в область сакрального; «Религиозные символы могут быть использованы для выражения опыта предельности и первоисточника всякого человеческого могущества и разума – опыта, который может возникнуть в момент, когда проблемы умысла достигают наибольшей остроты» [6. С.116-117]. Следовательно, религия является символической системой, моделью, формирующей личный и социальный опыт человечества.

Но, несмотря на вышеописанные механизмы становления религиозности и на многочисленные исследования в области социологии религии, крайне сложно выявить какую-либо одну траекторию формирования религиозности, то есть свести все этапы ее развития к основополагающим координатам. Вышеуказанные механизмы формирования религиозности, а именно *антропоморфизм, рационализация, коммуникация и символизация* не являются в полной мере системами, описывающими пути реализации этого явления и не описывают в достаточном объеме характеристики и сущность процесса оформления религии в особую траекторию развития. Но, тем не менее, значимость этих механизмов велика: они являются определенным каркасом со своими линиями развития данного явления. Такая особенность формирования религиозности связана с тем, что этот феномен имеет разнообразные проявления, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. И этот процесс не сводим к одному лишь психологическому измерению. Таким образом, на данном этапе не представляется возможным свести процессы формирования религиозности к какой-либо единой формуле.

Религиозность есть выход за рамки субъекта в мир коллективных представлений, в сферу священных действий. Следует указать, что, рассматривая феномен религиозности с этой точки зрения, мы сталкиваемся с ярким примером существования и реализации коллективных представлений. Религиозные представления не рождаются из субъективного опыта и личных переживаний, они являются результатом совместных переживаний и представляют собой первичную форму общественного сознания. Таким образом, религиозность всегда социцентрична, она является не только полем для выражения личных взглядов, но и результатом «общего дела». Отличительной особенностью любой системы религиозных взглядов является то, что она включает в себя символические выражения социальной реальности, которая в свою очередь участвует в процессе осмысления человеком своей индивидуальности и общности как чего-то большего, обладающего исключительной ценностью.

Как уже было сказано выше, феномен религиозности не только представляет собой сложнейшее социокультурное образование, но этот процесс также является и трудно описуемым. При описании возможных механизмов религиозности, указанных ранее, мы опирались скорее на философско-социологическую концепцию. Таким образом, религиозность можно описать как принятие определённого состояния отдельных людей или общностей, характеризующееся верой в сверхъестественное, приверженностью

определенным взглядам, следованию кодексам, писаниям, выполнению некоторых обрядов и ритуалов [8. С 53-54].

Но наравне с философией и социологией изучением религиозности занимается также и психология. С этой точки зрения представляется возможным попытаться раскрыть логику процесса формирования как индивидуальной религиозности, так и социальной. Отечественный исследователь психологии религии А.М. Двойнин рассматривает процесс формирования религиозности через ключевые структурные составляющие религии в целом: *религиозный опыт, религиозную веру, религиозное сознание и религиозное поведение*. Данные компоненты отражают суть формирования религиозности [4. С.10-12.].

Религиозный опыт – это явление, включающее в себя весь комплекс религиозных чувств, личностных концепций, это совокупность действий и описаний, поддерживающих веру в сверхъестественное отдельного индивида. Если мы говорим об индивидуальной, личностной религиозности, то истоки ее формирования следует искать именно в религиозном опыте того или иного субъекта. У. Джемс в работе «Многообразие религиозного опыта» отмечал, что религия в мирском смысле является совокупностью чувств и действий отдельной личности [5. С.432]. Таким образом, мы акцентируем внимание на том, что личная религиозность оказывается первичнее социальных институтов религии и имеет, несомненно, большее влияние на первых этапах религиозной социализации. «Всякая церковь однажды учрежденная живет после этого, опираясь на традицию, но «основатели» каждой церкви всегда черпали свою силу из непосредственно личного общения с божеством» [5. С.432]. Так, мы можем судить как о связи религиозного опыта с индивидуальным, так и о формировании траектории религиозности через личностный религиозный опыт. На основании религиозного опыта, совокупности религиозных чувств формируется *религиозная вера* – частный случай веры как таковой. Проблему религиозной веры можно анализировать как феномен внутреннего мира личности, но важен и тот факт, что предметом религиозной веры всегда является существование сверхъестественного. Здесь мы снова возвращаемся к диалогическому характеру религиозности, к ее коммуникативной функции, так как развитие религиозности всегда связано с взаимоотношением верующего и сверхъестественного. Таким образом, мы можем определить религиозную веру как выбор определённого взгляда на социальную реальность, определенного мировоззрения. Так, религиозная вера – первая ступень познавательной деятельности индивида. Также, бесспорно, религиозная вера – феномен, связанный с субъективным миром личности, на формирование которого оказывают влияние социальные факторы (условия социализации, окружение и т.д.). Говоря о механизмах формирования религиозности и их связи с религиозной верой, следует акцентировать внимание на том, что в этом процессе одним из основных моментов является наличие сакральных отношений типа «человек – Бог». И в какой-то мере погруженность в эти отношения и определяет характер и степень личностной религиозности.

Следующим компонентом образования религиозности с точки зрения психологии является религиозное сознание. *Религиозное сознание* представляет собой процесс надления мира религиозными идеями и чувствами, то есть сверхъестественным смыслом. Религиозное сознание в какой-то мере включает в себя содержание учений, представленных в сознании самого верующего в виде каких-либо понятий и представлений. Наконец, *религиозное поведение* – компонент, участвующий в формировании религиозности; то поведение, которое регулируется и подкрепляется религиозными нормами, оно же и определяет религиозное сознание. Критериями религиозного поведения с социальной точки зрения можно считать абсолютно разные феномены: принадлежность к церкви и частоту ее посещения, отношение к религии как таковой, отношение к своей конфессии, какой-либо религиозный опыт, помощь церкви и т.д.

Таким образом, религиозность формируется, реализуется и превращается в некую траекторию тогда, когда имеет место вера в сверхъестественное. Предпосылками появления и развития религиозности может быть как воспитание в религиозной семье, так и трагическая ситуация или поиск смысла жизни. Но важным фактором перерождения религиозности в определенную социальную реальность является обращение к сверхъестественному миру и его вхождение в профанную, социальную реальность.

Исходя из вышеуказанных положений, можно сделать вывод, что анализ взаимодействия религии и общества в рамках социологии возможен с различных сторон и теоретико-методологических позиций. Было выявлено, что анализ религиозности является одной из центральных, осевых тем при изучении социологии религии. Помимо этого была предпринята попытка определения и характеристики такого феномена как религиозность. Религиозность – сложнейшее социокультурное, символическое, рациональное явление. Трактовать данный феномен можно, опираясь на разные концепции. В широком понимании религиозность – это весь внутренний и внешний комплекс проявления веры, включающий в себя институт священнослужения и религии в целом, обрядовость, соблюдение определенных норм, следование обычаям и традициям, коммуникацию, символизацию и т.д. Рассматривая этот феномен в рамках социологии, мы обращаем внимание на воспроизводство религиозности, то есть на ее транслирование в социуме. Также мы можем изучать данное явление во всем его многообразии на этапах как личностного, так и коллективного становления религиозности. В данной статье были рассмотрены возможные пути становления религиозности, а именно детально проанализированы такие механизмы формирования религиозности как: *антропоморфизм, рационализм, коммуникация и символизация*. Помимо этого было высказано предположение, что при исследовании религиозности в рамках социологии необходимо иметь в виду ее структурные составляющие, такие как: *религиозный опыт, религиозную веру, религиозное сознание и религиозное поведение*.

Исходя из всего вышесказанного, следует отметить, что религия и религиозность были и остаются сложнейшими социокультурными явлениями, которые требуют дальнейшего социологического изучения, несмотря на то, что мы имеем огромное количество трудов социологов и других ученых, посвященных этой обширной теме. Анализ механизмов формирования и этапов становления религиозности является одним из важных объектов притяжения исследовательских интересов для социологии религии, который можно рассматривать как с теоретической стороны с привлечением обширного исторического материала, так и в эмпирическом ключе, в том числе в рамках конкретных социологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белла Р. Социология религии //Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- [2] Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М., 2007.
- [3] Геффдинг Г. Философия религии. М., 2011.
- [4] Двойнин А.М. Ценностно-смысловые ориентации личности в контексте религиозной веры: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- [5] Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
- [6] Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М., 2002.
- [7] Мюллер М. Введение в науку о религии // Классики мирового религиоведения: антология. Т.1. М., 1996.
- [8] Овдиенко В.И. Сидоренко Н.С. Религиозность как социокультурное явление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №2.
- [9] Угринович Д.М. Введение в теоретическое религиоведение. М., 1973.
- [10] Угринович Д.М. Психология религии. М., 1986.
- [11] Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
- [12] Хайдеггер М. Закон тождества // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
- [13] Яблоков И.Н. Психология религии // Теоретическая и прикладная социальная психология. М.,1988.
- [14] Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979.

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ ГАРОЛЬДА ГАРФИНКЕЛЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНВЕРСАЦИОННОГО АНАЛИЗА

М.З. Замбатова

В статье раскрываются особенности методологии разговорного анализа, теоретической основой которого выступает этнометодология Г. Гарфинкеля. Как показано в статье, этнометодология изучает обыденные, повседневные действия людей, правила поведения, смыслов языка в рамках повседневного социального взаимодействия. Этнометодология сыграла решающую роль в становлении разговорного анализа, основателем которого является американский социолог Харви Сакс. Разговорный анализ является одним из наиболее последовательных форм этнометодологии. История разговорного анализа как метода и исследовательской парадигмы насчитывает уже более четырех десятилетий. За этот период разговорный анализ успел стать одной из дискуссионных тем. Основные идеи классиков данного направления – Х. Сакса, Э. Шеглофф., Г. Джефферсон, Дж. Хэридейдж – позволили открыть новые феномены в организации взаимодействия, а также внесли значимый вклад в исследования повседневной жизни.

Ключевые слова: этнометодология, фоновые ожидания, разговорный анализ, обыденный разговор, система организации очередности институционального взаимодействия.

Появление этнометодологии Г. Гарфинкеля связано с именем А. Шюца, и его феноменологией, оказавшей влияние на взгляды Г. Гарфинкеля. Этнометодология предполагает, что в процессе взаимодействия его участники создают социальный порядок, причем делают они это в текущей ситуации локально. Социальные факты создаются за счет непрерывной, постоянной практики его участников. Этнометодология изучает исследования повседневной рациональности, разговорного языка и ежедневных событий. Таким образом, этнометодология — это исследование методов, которые используют участники группы, для того, чтобы понять и осмыслить коммуникацию, принять решение, рационально объясняя действия людей.

Гарфинкель определяет этнометодологию следующим образом: «Этнометодологические исследования анализируют повседневные действия как используемые их участниками методы представления этих действий наглядно рациональными и сообщаемыми для любых практических целей, то есть «понятными» с точки зрения организации обыденных повседневных действий» [1. С.20]. Это означает, что члены социальной деятельности в повседневной жизни создают свои действия (вербальные и материальные) для того, чтобы эти действия для самих себя и остальных участников деятельности казались рациональными и разумными.

Гарфинкель ставил перед собой цель понять, как может осуществляться рациональное корректное описание повседневных практических социальных взаимодействий. Значимость и неоднозначность данной проблемной ситуации определяется, по Гарфинкелю, следующими предпосылками:

- каждое описание для воспринимающей аудитории будет являться осознанным лишь тогда, когда оно будет обозначать общее для всех участников знание контекста;
- употребление однозначных терминов для описания социальной ситуации (для того, чтобы предотвратить появление альтернативных объяснений);
- некоторые элементы описания даже при очевидном их формулировании могут полностью реконструироваться только тогда, когда описание будет полностью закончено;
- описания должны конструироваться последовательно и систематически;

— значение элементов и материалов описания может быть зависимо от контекста порядка следования материалов в ходе описания, или от биографии участника, или от восприятия социальной [1].

Следовательно, социология, согласно Гарфинкелю, должна изучать все аспекты повседневной социальной жизни. По мнению автора, совместное понимание индивидами социальной жизни не только приходит извне путем принятия общих ценностей и культурных норм, но и может конструироваться и изнутри. «Социальный порядок — это продукт собственной спонтанной активности индивидов, который получается таким, каким его создали сами участники социального взаимодействия. Разумеется, с учетом ранее обретенных правил и знаний, полученных от их культурной группы. Иными словами, локальное производство социального порядка людьми, обладающими собственной, по словам Гарфинкеля, «практической рациональностью», — ключевой постулат этнометодологии [4. С.511].

Гарфинкель считает, социальная структура воздействует на сознание индивида благодаря «фоновым ожиданиям». Эти ожидания «видимы, но не заметны», то есть не осознаются участниками взаимодействия и остальными членами общества. Фоновым ожиданиям люди придают личностный, рациональный смысл, изменяют, а время от времени и существенно деформируют. Индивид не подозревает о том, что в обыденной деятельности он становится субъектом социального взаимодействия и участником социальной реальности. Дело в том, что люди всегда ограничены конкретными фоновыми ожиданиями в своих социальных действиях, что в итоге отражается на социальной реальности и социальных действиях.

Социальная жизнь представляется упорядоченной лишь потому, что члены общества придают смысл всему тому, что совершается в ходе взаимодействия. С точки зрения этнометодологии, социальная жизнь демонстрирует человеческую активность в контексте конструирования постоянно меняющейся социальной действительности, выходя в итоге на изучение фоновых ожиданий. Существует четыре категории обыденной рациональности:

объяснимость или постижимость — суть заключается в том, что человек в повседневной жизни может истолковать, чем он занимается или в какой ситуации находится, дать понять, почему поведение приняло именно такой характер, конституирует нормальные ситуации обыденной жизни;

рефлексивность — члены общества регулярно сопоставляют аспекты ситуаций и деятельности с предполагаемыми образцами и доказывают существование этих образцов обращением к регулярным случаям их проявления. Следовательно, они формируют отчет о социальном мире, который придает смысл, объясняет и создает этот мир;

индексичность — выражения, смысл которых зависит от речевой ситуации, то есть устанавливается местом, временем и обстоятельствами высказывания. Выражения типа «ты», «там», «завтра» являются индексичными;

документальный метод — заключается в выделении определенных аспектов неопределенного количества черт, которые содержатся в контексте или ситуации, или определений их конкретным образом и рассмотрении их в качестве свидетельства, рассматриваемого образца. Документальный метод заключается в разборе актуальной видимости как «документа», как «указывающего «на», как «свидетельствующего в пользу» предполагаемого рассматриваемого образца [2].

Ключевым моментом теории Гарфинкеля является идея взаимодействия людей на основе здравого смысла. Хотя эти взаимодействия не всегда поддаются рефлексии и понимаются самими действующими индивидами. Гарфинкель пишет, что общее понимание индивидами социальной жизни приходит не только извне, через принятие общих культурных норм, оно может конструироваться изнутри. Локальное производство социального порядка людьми, обладающими собственной практической рациональностью — основное положение этнометодологии.

Проводя необычные эксперименты, получившие название «гарфинкелинги», Гарфинкель стремился сознательно разрушить нормальный ход социального взаимодействия. Во время экспериментов подробно фиксировалась необычная реакция людей на нехарактерное поведение экспериментаторов. Эксперименты в этнометодологии, вторгаясь в привычную жизнь, продемонстрировали, как люди сопротивлялись, когда подвергалось сомнению большое количество самоочевидных рутинных способов действия [2. С. 292-295].

Конверсационный анализ — одно из приложений к этнометодологическому методу Гарфинкеля в социологии. Слово «conversation» с английского переводится как разговор, речь, беседа, переговоры, может означать общение в разных областях, как на формальном, так и неформальном уровне. Конверсационный анализ впервые был предложен американским социологом Х. Саксом.

Метод анализа разговоров, изучения структуры и формальных свойств языка, относится ко всем направлениям этнометодологических исследований. В конверсационном анализе первоначально проводили исследования исключительно устной речи, помимо этого, изучались только разговоры между несколькими собеседниками. Х. Сакс обратил внимание ученых на то, что разговоры центральны для социального мира [4].

Одной из основных причин обращения к естественному речевому взаимодействию у конверсаналитиков и этнометодологов заключается в том, что в подобных взаимодействиях может быть обнаружено больше деталей и материалов для анализа, чем можно себе представить. В повседневном взаимодействии человек постоянно вовлечен в те или иные институциональные сферы деятельности. Со временем «институциональный фон» иногда вовсе перестает замечаться. Люди ходят в поликлинику, посещают лекции и участвуют в семинарах, выступают свидетелями в суде, принимают участие в дискуссиях, дебатах и т. д., — все эти обстоятельства говорят о том, что они взаимодействуют в институциональных контекстах. В этом смысле употребление языка необходимо для решения повседневных задач, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни, являясь профессионалами (доктор, адвокат, учитель, продавец) или клиентами (пациент, студент, покупатель) данных институтов. Таким образом, институционально обусловленное взаимодействие является повседневным — как повседневный разговор людей, только умещенный в определенный контекст.

Обыденное общение является наиболее стабильной формой взаимодействия. Для осуществления повседневного разговора нет нужды соблюдать какие-либо иные дополнительные правила, помимо тех, что являются универсальными для любого разговора, предположим, среди друзей или с незнакомыми. Система организации очередности реплик в обыденном разговоре характеризуется высокой степенью гибкости:

- любой участник разговора имеет право говорить, что и когда хочет;
- любой участник имеет возможность лично отдавать предпочтение моменту вступления в разговор либо, до тех пор, пока в разговор не вступит другой участник;
- повседневный разговор, инициирование реплики и получение права голоса проверяется, обычно, всеми участниками в одинаковой мере, в соответствии с логикой выстраивающегося контекста здесь и сейчас.

Дж. Херитейдж, пишет, что обыденный разговор устойчив и укоренен в жизни общества, а также отдельного индивида, а порядок, который воспроизводится нашими действиями или высказываниями, не может определяться заранее [9]. Во всяком случае, на гораздо меньшем уровне, чем в ситуации с институциональным разговором. Следовательно, «институциональное взаимодействие достаточно сильно отличается от повседневного, обыденного разговора» [7]. Система организации очередностей характеризуется предсказуемостью в той или иной степени, связанной с контекстом, который зависит от конкретной ситуации при коммуникации. К примеру, в аудитории на занятиях, в кабинете у врача, в зале судебного заседания, во время интервью.

П. Дрю и Дж. Херитейдж утверждают, что обыденная беседа считается «нормальной», «непроизвольной», в такой беседе нет ограничений с размерами последовательности, нет и содержательных ограничений, тогда как институциональное взаимодействие, как правило, включает подобные ограничения. Исходя из этого, обыденный или повседневный разговор — форма разговора, в которой участники в одинаковой степени свободны от содержательных и структурных ограничений со стороны других участников коммуникативной ситуации и контекста взаимодействия [8].

Определим основные черты институционального взаимодействия:

- разговор должен быть организованным;
- предполагает наличие порядка, благодаря которому не надо постоянно его объяснять в ходе обмена репликами;
- порядок нужен для того, чтобы произнесенное было понято участниками беседы;
- в разговоре проявляется социальная, интерактивная компетентность людей, которые пытаются объяснить свое поведение и собеседника;
- впоследствии самые незначительные детали беседы становятся средством актуализации социальных институтов.

Особенности разговорного анализа можно охарактеризовать следующим образом:

- разговорный анализ строится на эмпирии без заранее сформулированных гипотез (по возможности);
- мельчайшие детали текста являются аналитическим ресурсом для изучения;
- порядок в организации повседневной речи нужен как исследователям, так и для людей, которые конструируют эту речь.

Таким образом, главным отличием идей Сакса от классической социолингвистики, в которой повседневные разговоры считались неподходящим объектом для исследования, будучи перегруженными случайными факторами, делающими любую попытку анализа проблематичной, было то, что он сумел показать осмысленность естественного разговора, его тонкость и сложность организации [3].

Дж. Херитейдж выделяет следующие особенности разговорного анализа:

- вербальное взаимодействие структурно организовано;
- особенности естественной речи актуализируются в каждой детали взаимодействия, таким образом нельзя пренебрегать ни одной из них как не существенной, «неправильной» или случайной;
- вклад, который вносит каждый участник во взаимодействие, контекстуально ориентирован;
- процесс индексирования высказываний к контексту неизбежен [9].

Сакс формулирует следующие правила процедуры проведения разговорного анализа [10]:

- определяя, что произошло, прежде чем решить проблему, исследователь не должен позволять личному представлению судить о том, что могло случиться;
- в любом анализе реконструкцию реальности, с точки зрения участников, исследователь не должен заслонять своими идеями;
- Х. Сакс в качестве примера приводит английскую грамматику, где 6-летний ребенок может запросто построить предложения, которые трудно адекватно объяснить, таким образом, простые повседневные вопросы совсем не обязательно описывать с такой же простотой.

Дополнительные шаги к аргументированным правилам описываются только в очень общих терминах, поскольку они берутся из поведения участников и развиваются постепенно, по мере выявления структуры определенного объекта. Тип описания, применяемый в

конверсационном анализе, применяют последовательно к звуковым и визуальным элементам. Так, немецкий лингвист Й.Р. Бергманн, в качестве первого шага рекомендует группе интерпретаторов подвергать анализу небольшой сегмент данных, не перескакивая вперед или назад по транскрипции [5]. Интерпретативные гипотезы разрабатывают, утверждают или, наоборот, отклоняют совместно. Целью интерпретации является идентификация объектов — лингвистических и нелингвистических высказываний, вдобавок, их анализируют как компоненты упорядоченного события, создаваемого участниками. В конверсационном анализе упорядоченную природу активности рассматривают как результат методологического решения некоторых структурных проблем в социальной организации взаимодействий, иными словами — как ответ на предыдущий вопрос.

Таким образом, конверсационный анализ, руководствуясь гипотезой о строении лежащих в основе проблем, реконструирует те повседневные методы, которые участники применяют при решении определенной проблемы и для производства наблюдаемого порядка действий. Для того, чтобы проверить валидность интерпретации, изучают серию случаев. Отправным пунктом является представление участников о релевантности.

Основной компонент в системе интеракций — организация очередности, которая применяется в конверсационном анализе. Сакс, Щеглофф и Джефферсон [10] утверждают, что необходимо найти контекстно-свободную и контекстно-чувствительную систему организации вклада в разговор. Свободный контекст, потому что доступна формальная система, которую можно применять ко всем возможным ситуациям разговора, а чувствительный, так как система одновременно учитывает контекстуальные факторы. Таким образом, система содержит два компонента:

- компонент конструкции реплики (могут быть предложения);
- компонент расположения реплики, и правила их комбинирования.

В конверсационном анализе понятие «реплика» употребляют для того, чтобы обозначить высказывание (или последовательность высказываний) одного говорящего со времени, когда он получил право говорить, до момента, когда это право получил следующий говорящий. Также слушатели распознают компоненты и получают возможность оценить дальнейший вклад в диалог. Первый возможный вывод о типе конструкции — это место передачи реплики (МНР). Среди компонентов расположения выделяют компоненты, с помощью которых говорящий выбирает себя сам для следующего вклада, и компоненты, за счет которых говорящие выбирают следующих говорящих.

В дополнение к этому, формируются два правила. Первое правило подразделяется на следующие три пункта [6]:

- если вклад в разговор содержит инструмент для выбора говорящего, то говорящий, которого выбрали, имеет право сделать следующий вклад;
- если реплика не содержит инструмента выбора другого говорящего, то говорящий может выбрать себя сам, и тот, кто начинает говорить первым, получает возможность для следующего вклада;
- если реплика не содержит инструмента для выбора другого говорящего, то ныне говорящий может продолжать. Это не имеет отношения к тем случаям, когда в разговор вступает другой человек.

Второе правило подразумевает, что если на первом месте передачи реплики говорящий никого не выбирал, если никто не начинал говорить, а также если говорящий продолжает разговор, то при следующем удобном месте для смены реплики рекурсивно будет использоваться первое правило.

Таким образом, говорящий представляет право говорить следующему участнику, решающую роль при этом играет интонация. Следующий говорящий принимает этот выбор другого участника и произносит свою реплику. Важно рассматривать различные последовательности интеракций между участниками, которые выходят за предыдущие

границы. В соответствии с этим были разработаны концепты предпочтительной организации условной релевантности.

Термин «предпочтительная организация» употребляется конверсационалистами для описания того факта, что не все допустимые реакции на лингвистическую деятельность имеют одинаковую ценность. Например, существует разница между предпочтительной и непредпочтительной деятельностью. Если после вопроса следует ответ, то это считается предпочтительной структурой, а если за вопросом следует встречный вопрос, то непредпочтительная. Первым предпочтительную деятельность начал изучать Щеглофф, который рассмотрел предпочтения само коррекции говорящего по отношению к коррекции другими говорящими. Несомненно, с помощью категорий предпочтительной организации и условной релевантности метод конверсационного анализа имеет дело с широкими и сложными контекстами. Условная релевантность обозначает зависимость между двумя репликами. Скажем, приветствие предполагает ответное приветствие, после вопроса ожидается ответ и т.д. [6]

Следовательно, по Щеглоффу, конверсационный анализ включает:

- 1) эмпирическое изучение языковых текстов, которые совершаются в ситуациях естественной коммуникации;
- 2) фиксацию аудио/видео электронными средствами и накопление в памяти;
- 3) транскрибирование в связи с особенностями структуры процесса коммуникации, действий участников разговора, а также создаваемых ими смысловых предпосылок. [6]:

Возникновение конверсационного анализа является одним из приложений к этнометодологическому методу Гарфинкеля в социологии. Конверсационный анализ по праву занимает прочные позиции среди исследовательских методов и становится самостоятельной дисциплиной, которая оказывает влияние на многие науки. Наряду с конверсационным анализом разрабатывается также этнографический конверсационный анализ, схожий с социолингвистикой, который стремится учесть социальный контекст общения. В анализе разговоров большое внимание уделяется транскрипции: в записях фиксируются не только языковые элементы, но и употребляемые участниками невербальные данные и характеристики произносимого (темп, динамика, мелодика, паузы различной длительности), качество голоса, существенные моменты внешней обстановки разговора перебивания собеседниками друг друга и т.д. Разговоры записываются с помощью электронных средств аудио и видеозаписи, затем транскрибируются для того, чтобы исследователь работал не с говорящими субъектами, а с уже готовыми транскриптами. Объектом конверсационного анализа являются разговоры во взаимодействии, а также разговоры в институциональной сфере и случайные разговоры. Целью его является описание структуры, упорядоченности и линейные модели интеракции.

Таким образом, этнометодология создала теоретические предпосылки для разработки методологии, способной в процессе исследования повседневных взаимодействий определить формальные механизмы и принципы, с помощью которых участники осознанно координируют, упорядочивают и структурируют свои собственные действия, а также действия других. Данный подход обращён на понимание воспроизводства социального порядка. Он привязан к определенному контексту языкового и неязыкового взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007.
- [2] Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. 2006. № 1-2.
- [3] Ионин Л.Г. Этнометодология Г. Гарфинкеля // История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3. / Ответ. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон, 1997. С. 292-295.

- [4] Исупова О.Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология 4М. 2002. № 15.
- [5] Кравченко С.А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения: Учеб. пособие для вузов. М.: Экзамен, 2002.
- [6] Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Изд-во: Питер, 2002. 688с.
- [7] Улановский А.М. Феноменология разговора: Метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. №1 (27).
- [8] Drew P., Heritage J. Analyzing Talk at Work: An Introduction // Talk at Work / ed. By P. Drew, J Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [9] Heritage J. Conversation analysis and institutional talk: Analysing data// Qualitative Research: Theory, Method and Practice / Ed. D. Silverman. London: Sage, 1997.
- [10] Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplist for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА

В.И. Богдановская

В статье рассматриваются проблемы, связанные с родительством и социальными функциями мужчины в семье: кем является отец в обществе, каковы его роль, место и значимость. Современный этап развития общества характеризуется трансформацией гендерных ролей и идеалов, стиранием границ мужского и женского. Выявив основные признаки современного родительства, автор описывает феномен «нового отца», что позволяет выделить тенденции в трансформации института родительства, в частности, отцовства.

Ключевые слова: отцовство, родительство, институт семьи и брака, гендер.

Социология семьи занимает важнейшее место в исследовании социальной жизни. Изучение проблем брака, семьи и родительства является одной из наиболее развитых отраслей социологического знания. Полноценная личность – это самое большое общественное богатство, которое создается в семье. Самое значительное влияние на детей оказывают именно родители, которые являются первыми воспитателями. Благодаря крепким отношениям с родителями у детей формируются ощущение уверенности, опоры, надежности и поддержки.

Возникновение новых моделей семьи и изменение социально-экономических и политических условий приводит социум к переоценке отцовских функций в семье. Повысилась тенденция самоустранения многих родителей от воспитания собственных детей. В современном обществе семья и семейное развитие начали испытывать существенные трудности, среди которых: разрушение нравственных представлений о семье и браке, утрата традиционного восприятия родительства и детства, потеря семейных традиций, деформация сферы семейного воспитания [14. С.9].

Рассматривая феномен родительства, разберем вопрос касающийся его соотношения с семейной жизнью. Общепринятое понимание семьи подразумевает супружескую пару и детей. Семья представляет собой исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, а также родителями и детьми [14. С.15].

Существует множество разных определений понятия родительства, например, И.В. Ткаченко в статье «Семейные ресурсы личностного развития родителей» говорит, что это интегральное социологическое образование личности, включающее совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля воспитания, строящиеся на основе осознания духовного единства с брачным партнером по отношению к своим или приёмным детям [16. С.39].

Родительство в настоящее время воспринимается как целостный феномен, в котором интегрируются позиции материнства и отцовства. Во многом такое понимание базируется на общности свойственных родителям проявлений, к которым относятся, в частности, концентрация на ребёнке, установление оптимального эмоционального контакта при реализации родителями равноправной родительской позиции, возникновение чувства самопожертвования в случае восприятия ребенка как несамостоятельного и зависимого и т.д.

Важность проблем родительства обусловлена трансформацией взглядов общества и государства на семью. Родители – это субъекты жизнедеятельности и воспитания, создающие благополучное пространство жизни ребенка, среду эмоционального благополучия, комфорта и коммуникаций с ребенком, обеспечивающие адекватные возрасту и личности ребенка условия воспитания, обучения и развития. Родители выступают для ребенка идеалом отца и матери, носителями социокультурного опыта человека. Они несут государственную и моральную ответственность за жизнь, здоровье и воспитание ребенка [10. С.163].

Отцовство изучается в современной науке в различных аспектах: как новообразование в жизни мужчины, как специфическое состояние с точки зрения психологических изменений и др.[3. С.45]. Значимость данной тематики связана с тем, что современное определение отца и мужчины в обществе не соответствует тому, что люди слышат и говорят при повседневном общении, а также видят в средствах массовой информации. Целью изучения феномена отцовства в современной семье выступает всестороннее и наиболее полное теоретическое исследование таких понятий как «семья», «родительство» и «отец».

Феномен отцовства – это малоизученная отрасль социологии и демографии семьи и брака. В последнее время наблюдается повышение интереса исследователей к данному вопросу. Ключевым местом таких работ служит роль отца в социализации детей, проблемы социализации, адаптации и др. [15. С.78]

В современной науке отцу и формированию образа мужчины в семье отведено очень маленькое место [15. С.84]. Образы «мужа» и «отца» обычно анализируются в сравнении с образами женщины и матери, словно они вторичны по отношению к этим социальным ролям и общественным образам. Изучение этой проблемы в историческом контексте показали, что трансформацию претерпевала не только степень участия отца в жизни семьи и ребенка, но и качество отцовской заботы [15. С.95].

Активно стали изучать отцовство в 80-е г. XX века, тогда наметились два подхода к изучению отцовства: отцовство как социальный институт и отцовство как практики мужчин по уходу и воспитанию детей [6. С.76].

Отцовство в научной литературе анализируется как совокупность социальных ролей, в рамках исследования представлений и стереотипов, в аспектах гендерной психологии и психологии личности, как фактора, который влияет на изменения личностных характеристик, а также в рамках детской психологии исследуется влияние отца на развитие личности ребенка [9. С.7].

Многие ученые пишут о том, что ролевые функции отца и мужчины в семье могут изменяться в зависимости от особенностей семейного уклада, который принят в обществе [4. С.16]. Именно с этой точки зрения отцовство рассматривается как социокультурный феномен.

И.С. Кон и В.Ф. Ануринов считают [5. С.4], что собственно появление на свет ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине как отцу шанс самому социализироваться, шанс саморазвития. Но для этого мужчине необходимо время, чтобы почувствовать, испытать и ощутить себя в новой роли, понять и осмыслить ситуацию. Это проблема развития себя как личности, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля.

Сравнительный анализ поведения мужчин из России и Европы, позволяет увидеть явные и значимые различия. У европейских мужчин может наблюдаться увлеченный интерес и более высокий уровень участия в воспитании детей. Во Франции, Италии, Австрии всюду можно встретить мужчин с коляской и с детьми на руках на прогулке [9. С.3].

В России же после распада СССР стали чаще встречаться отцы - домоседы. Это связано нестабильной социально-экономической обстановкой. В данной ситуации некоторые женщины стали брать на себя традиционно мужские обязанности в семье – зарабатывать деньги – так как они быстрее могут адаптироваться, устроиться на новую работу. Безработные мужья начинали перенимать женские обязанности и роли в семье и вести хозяйство, ухаживать за детьми.

В современной городской семье традиционные ценности отцовства заметно слабеют под давлением таких факторов, как женское равноправие, вовлечение женщин в профессиональную работу, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено места и присутствует пространственная разобщенность труда и быта. Сила отцовского влияния в былые времена основывалась на том, что он был воплощением власти и инструментальной эффективности. В сегодняшних условиях это положение изменилось. Когда работает отец, дети его не видят, а количество и значимость его внутрисемейных обязанностей значительно меньше, чем у матери [10. С.161-162].

Со временем, рано или поздно, многие мужчины начинают задумываться о том, как стать хорошим отцом. Есть ряд основных характеристик, которым обязан соответствовать любой, кто становится родителем:

- бескорыстная любовь к своим детям, независимо от жизненных обстоятельств;
- открытость к общению и готовность поделиться с чадами своим жизненным опытом;
- нужно проводить с детьми как можно больше времени, ведь ни деньги, ни подарки не заменят отцовского внимания;
- стойкость и терпение, даже если малыши капризничают и отказываются слушаться;
- необходимость быть хорошим примером для своих детей;
- не стоит быть чрезмерно серьезным в общении с малышами, ведь всегда должно быть место веселью;
- способность обеспечить детей всем необходимым для полноценной жизни;
- постоянное самосовершенствование и личностный рост, что откроет новые возможности не только для отца, но также и для детей [7. С.351].

В современных условиях эталоны маскулинности, сказывающиеся на поведении мужчин в роли отца, стали менее жёсткими, строгими и однозначными. Трансформации в сфере гендерных отношений, происходящие в последние десятилетия, способствовали развитию новых образов и типов отцовства, содержащих черты модернизированной мужественности. Новая модель поведения не такая четкая, как традиционная, в ней больше вариаций и индивидуального своеобразия. Самая важная отличительная черта содержится в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах.

Первые теоретические работы по изучению отцовства начали возникать на Западе. Термину «отцовство» стали уделять большое внимание. Значимо различие английских терминов «fatherhood» и «fathering». «Fatherhood» – социальный институт, система прав, обязанностей, предъявляемых к мужчине как родителю, которые заложены в нормативной системе культуры и в структуре семьи. «Fathering» подразумевает мужчин, которые занимаются уходом и воспитанием детей [4. С.305]. Эти два подхода взаимосвязаны, так как рассматривается один феномен, но с разных точек зрения и функций. Если анализировать отцовство с первой точки зрения, то акцент ставится на влияние отца на развитие ребенка, во втором случае акцент ставится на дополнительную функцию отцовства – самореализацию мужчины.

Среди ученых сформировался комплексный подход на основе психологического, социологического, исторического и культурного контекста. Такой подход особо ярко можно проследить в гендерных исследованиях, основывающихся на парадигме социального конструктивизма. Данный подход дает возможность обратить внимание на ряд важных

факторов: зависимость от общественных условий и социокультурную обусловленность отцовства, влияние гендерных стереотипов на психологическое самочувствие отцов [1. С.325].

Трансформация института отцовства коснулась и изменения гендерных ролей [3. С.107]. Если некоторое время назад роль отца в первые годы жизни ребенка рассматривалась как главным образом вспомогательная, то есть вторичная, то уже в конце XX в. в странах Европы и США вырисовался «образ нового мужчины», который был во многом антагонистичен традиционному [6. С.77]. Отличия, преимущественно, заключались в отношении к маленьким детям – новая модель отцовства имела в виду участие в уходе, внимание, проявление заботы, умение вступать в контакт с ребенком. И.С. Кон свидетельствует, что даже по сравнению с 70-ми годами, в конце XX в. уровень отцовской вовлеченности в жизнь семьи и его доступность для ребенка существенно выросли [1. С.296].

М.Н. Эпштейн, И.С. Кон и М. Мид выделили следующие параметры «нового отцовства» [3. С.41]:

- вовлеченность отца в непосредственный уход за ребенком;
- общение отца с ребенком, совместные игры, развлечения, занятия;
- доступность отца для ребенка;
- эмпатия, доверие, эмоциональная близость в отношениях между отцом и ребенком;
- ответственность отца за материальную поддержку, воспитание и принятие соответствующих решений.

Исследования подтверждают [18. С. 37], что отцы способны обеспечить неплохой и полный уход за ребенком, и он не будет уступать уходу матери. Они могут благополучно реализовывать все необходимые действия по уходу за ребенком, такие как кормление, пеленание, купание и др. Отцы способны тонко настроиться на ребенка, уловить все эмоциональные сигналы.

Термин «отцовство» в научной лексике начинает применяться только в конце 80-х годов XX в. Трансформация отцовства заметна уже на протяжении нескольких поколений [3. С. 117]. Уже предыдущее поколение постепенно отошло от стандартной модели поведения отца. Для советского общества характерна была ситуация, когда мужчина был «дополнительным ребенком в семье» [17. С.78]. Как результат, нормальное материнское поведение современными женщинами понимается как авторитарное. Материнская роль при этом выступает основой самооценки женщины. Ситуация во многом осложнена тем, что сами женщины воспринимают отцов как личных заместителей, часто мужчина вообще не включается в заботу о маленьком ребенке, хотя этот период – самый важный для установления взаимоотношений ребенка и отца. Тем не менее, потом от отца требуют участия в воспитании этого же ребёнка, с которым он не привык общаться. С другой стороны, мужчина-отец обязан обеспечивать семью материально, и если для матери общество делает возможным и даже указывает на обязанность ухода за ребенком и гарантирует женщинам специальный отпуск, то мужчины в этом случае менее свободны от своих обычных обязанностей. Часто отцы просто не могут себе позволить «отвлекаться» на уход и воспитание за ребёнком.

По мнению ряда ученых [16], отцовство, когда оно интернализовано, влияет на полоролевою идентификацию мужчины, на его мировоззрение, а также его удовлетворенность жизнью. Мужчины, увлеченные воспитанием своих детей, показывали менее ригидное понимание мужской роли и стереотипа мужественности. Они рассматривали отцовство как важнейший фактор своей мужской роли. Кроме того, мужчины, которые принимают существенное участие в воспитании собственных детей, больше удовлетворены жизнью и собой. Такие люди обладают более высокой самооценкой, они уверены в себе. Также была обнаружена взаимосвязь между самоуважением и принятием отцовской заботы о детях.

Следовательно, принятие роли отца играет важную роль в выполнении отцовских, функций, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит в основном после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают формироваться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком.

В 80-е годы XX в. в Европе и США ведущие социологи и психологи зафиксировали процесс формирования «НОМ» – нового образа мужчины. Он способен к постоянному контакту со своими детьми, может всегда быть в курсе всех дел и проблем детей, а также проводить с ними максимум времени, играть с и помогать им в учебе [6. С.169].

Таким образом, проблемы, связанные с социальными функциями мужчины в семье дают сильный толчок к изучению отцовства. Современный период характеризуется изменением идеалов полов и стиранием границ между мужским и женским. Остаются по-прежнему актуальными традиционные патриархальные устои: мужчина должен материально обеспечивать семью и выполнять другие ответственные задачи. Современная семейная социология и психология отбросила далеко позади давнюю недооценку отцовского влияния и типичные корреляционные исследования 70-80-х годов XX в. Хотя многие исследования дают значительно больше вопросов, чем ответов. Доказано, что, несмотря на стереотипы, влияние отца и влияние матери на ребенка не являются альтернативой, они дополнительны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Астахов: число неполных семей в РФ за последние годы возросло до 30%. URL: <http://ria.ru/society/20120426/635705515.html>. Дата обращения: 27.12.2015.
- [2] Бронзино Л.Ю., Витковская М.И. Гендерная идентичность на фоне классического и постмодернистского феминизма // Социологический журнал. 2013. № 4.
- [3] Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
- [4] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
- [5] Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. 2008. №2 (94).
- [6] Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- [7] Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности. Материал к размышлению // Демоскоп Weekly. № 237 – 238. 6 - 19 марта 2006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php>. Дата обращения: 20.09.2017.
- [8] Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М., 1988.
- [9] Левенских И.А. Ролевые позиции отца в современной семье // Вестник Омского университета. 2012. №1.
- [10] Мид М. Мужское и женское: Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004.
- [11] Отцовство как фактор развития личности. URL: http://rl-online.ru/articles/rl02_06/537.html. Дата обращения: 20.09.2017.
- [12] Смыслов Д.А., Доценко И.В. Отцовство как общественный и социально-психологический феномен // Ученые записки. 2011. №7.
- [13] Сувилова А.Ю. Семейное воспитание и функции отца в пренатальный период // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 2.
- [14] Тимонина И.В. Семья и семейное воспитание в зеркале художественной литературы и педагогической практики: учебное пособие / И.В.Тимонина; Кемеровский государственный университет.- Кемерово, 2013.
- [15] Титова О.Ю. Феномен отца-одиночки в социально-психологическом контексте // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. №2 (13) Т.4.

- [16] Ткаченко И.В. Семейные ресурсы личностного развития родителей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 9.
- [17] Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3
- [18] Явон С.Ф. Проблема отцовства в современном мире // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. № 13.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ПРОТИВ АБОРТОВ)

В.В. Ильина

Статья посвящена социальной рекламе, которая становится все более популярна в России – как с точки зрения оценки ее роли в обществе, так и в плане решения практических задач ее конструирования и выбора наиболее эффективных каналов ее трансляции. В качестве кейса автор рассматривает изображение в социальной рекламе неоднозначной с моральной точки зрения проблемы аборта: оценивает характер подачи информации в соответствующей социальной рекламе, способ привлечения внимания, выбор целевой аудитории и т.д. В частности, автор приходит к выводу о доминировании гендерного «измерения» в конструкции подобной социальной рекламы.

Ключевые слова: социальная реклама, эффективность рекламного воздействия, аборт как социальная проблема, гендерные стереотипы, целевая аудитория.

Сегодня рекламу мы встречаем практически на каждом шагу, рекламный рынок предельно широк и разнообразен: то на листовке мы читаем о достоинствах какого-то салона красоты, то на рекламном щите красуется новый жилой комплекс, по телевизору каждые двадцать минут, а то и чаще транслируются видеоролики о разных продуктах, средствах бытовой химии и т.п. В последние десятилетия свои позиции в мире рекламы упрочило и особое направление – социальная реклама, основное отличие которой состоит в ее цели – это формирование социально-приемлемых/одобряемых/желаемых представлений о событиях и действиях в обществе [2. С.48-51]. Необходимость социальной рекламы обусловлена тем, что развитие человечества порождает все новые и новые проблемы, связанные с окружающей средой, физическим и психическим здоровьем людей. Активная вовлеченность индивида в современную систему социальных коммуникаций влечет за собой расширение репертуара социальных ролей и утрату многих морально-этических, идеологических, правовых и других норм и ценностей, казавшихся прежде незыблемыми [1. С.41-44]. Соответственно, миссия социальной рекламы – оповещение людей о насущных проблемах и поддержание общечеловеческих ценностей и норм в качестве поведенческих ориентиров.

Социальная реклама – явление, достаточно хорошо изученное: о ней пишут многие авторы в монографиях и учебных пособиях, обосновывая собственное понимание социальной рекламы. В целом сегодня принято выделять следующие ее характерные черты: соответствие государственным интересам; направленность на актуализацию проблем; нацеленность на распространение одобряемых обществом ценностей и норм; ориентация на широкие слои населения [10. С.204]. Иными словами, социальная реклама «оказывает влияние на ценностные ориентации, мировоззрение, поведенческую модель целевой аудитории» [1. С.42] и состоит из двух основных компонентов: указание на социальную проблему (реально существующее общественное противоречие, отраженное в обращении) и мотивация (отображенная система мотивов, воздействующих на установки реципиента) [10. С.222].

Представляется, что наиболее актуальные социальные проблемы, которые затрагиваются сегодня российской социальной рекламой, – это курение, алкоголизм, чрезвычайные ситуации, насилие в семье, невыполнение гражданами их обязанностей и несоблюдение их прав, аборт и личная безопасность [7. С.33]. Заказчиками социальной рекламы выступают как государство, так и некоммерческие организации (НКО). В России в основном заказ на создание социальной рекламы формирует государство или крупные международные некоммерческие организации, таких как «Гринпис» или «Всемирный фонд дикой природы» [10. С.213-214].

Каждая социальная реклама нацелена на конкретную целевую аудиторию, хотя, как правило, это достаточно широкая общность. Массовость социальной рекламы объясняется тем, что она должна ориентироваться на самые разные слои населения, в том числе на тех, кто пока не является ее непосредственной целевой аудиторией [10. С.217]. Исходя из особенностей целевой аудитории, создатели рекламы составляют текст, сюжет и определяют характер будущей рекламы: выбираются источники, пользующиеся доверием определенных групп общества, а поскольку для социальной рекламы особенно важна эффективность, необходимо обеспечить обратную связь с целевой аудиторией [1]. Эффективность социальной рекламы зависит от умения ее создателя найти подход к конкретной группе, задействовать ее основные ценности и мотивы. Например, реклама об усыновлении детей из детского дома будет ориентирована скорее на людей среднего возраста, о проблемах насилия в семье – на мужчин [10. С.218]. Кроме того, в силу своей сензитивности и явно выраженного психологического аспекта социальная реклама должна быть предельно корректно «построена»: необходимо верно сформулировать идею, описать проблему таким образом, чтобы затронуть чувства целевой аудитории и предложить возможный вариант ее решения, а не запугать или обидеть людей.

Социальная реклама, как и коммерческая, распространяется по классическим каналам: телевидение, радио, печатные средства массовой информации. Обычно в крупных акциях по привлечению внимания населения к той или иной проблеме заказчики пытаются использовать сразу все возможные каналы распространения информации [10. С.219].

Спектр социальных проблем, отраженных в социальной рекламе, довольно широк: одни проблемы связаны с этикой, другие – с правом, третьи – с медициной и т.д. Одна из ярких социальных проблем, которая объединяет все эти аспекты и актуализировалась после общественного обсуждения законопроектов об отмене бесплатного прерывания беременности (исключения его из списка услуг, оказываемых в рамках программ обязательного медицинского страхования), – аборт. Юридически аборт – это «искусственное прерывание беременности» без уточнения срока [4. С.43]; в медицине – не только искусственное, но и самопроизвольное прерывание беременности до наступления 28-недельного срока [4. С.44]; с моральной точки зрения это весьма неоднозначное явление.

Проблема абортов исследуется долгие годы, по ней накоплено немало статистических данных. Так, еще в 1999 году Институт Алана Гуттмахера в США провел исследование, в ходе которого выяснилось, что из 210 млн. беременностей в год около 46 млн. (22%) заканчиваются искусственными абортами. Согласно общемировым данным, большинство женщин делают аборт хотя бы раз в жизни до момента, когда им исполняется 45 лет [4. С.44]. Россия занимает одно из первых мест в мире по количеству абортов – ими заканчивается 60% беременностей, причем около 10% женщин после аборта становятся бесплодными. Криминальные аборты (внебольничные) составляют 40% от общего числа абортов [4. С.44]. Количество ежегодно сделанных абортов в России в три раза превышает ежегодное число абортов во всех европейских странах вместе взятых: каждые две минуты в России рождается 6 детей и прерывается 5 беременностей [9. С.31]. Причинами аборта могут быть как медицинские показания, так и экономические, социальные и психологические причины.

Исследования историков, культурологов и социологов доказали высокую степень воздействия государства на сексуальную жизнь общества, женскую репродуктивную сферу,

а также на практики материнства в большинстве индустриальных стран [3. С.78]. Сокращение количества аборт – крайне важная задача любого государства, поскольку уровень абортов определяет «цивилизованность» (уровень и качество жизни) страны: искусственное прерывание беременности – в первую очередь, решение женщины, а оно, как правило, определяется тем, насколько комфортно материнство в стране, насколько распространены практики контрацепции и осведомленность женщин о своих правах и возможностях. В целом репродуктивное поведение женщины определяют социально-экономические (33%), медико-организационные (32%), социально-когнитивные (22%), медико-биологические (10%) и семейные факторы (5%), т.е. в основном государственная поддержка [9. С.31].

Безусловно, в религиозной этике преобладает отрицательное отношение к аборту. Католики и буддисты считают, что не может быть никаких исключений в запрете аборта: он недопустим даже в том случае, если беременность и роды опасны для жизни матери. Они полагают, что жизнь начинается с оплодотворенной яйцеклетки, поэтому уже на этом этапе развития она должна защищаться абсолютным образом. Представители православной, протестантской, иудейской и мусульманской религий придерживаются «смягченной» антиабортной позиции: выступают против искусственного прерывания беременности, но допускают исключительные случаи, в которых данная операция возможна. Немаловажен тот факт, что религиозный тезис о начале человеческой жизни с момента зачатия подтверждается наукой [8. С.19-20].

Сегодня социальная реклама против абортов все чаще встречается в медицинских учреждениях и в сети Интернет в качестве баннеров и видеороликов. Но поскольку эта тема достаточно чувствительна, в российском обществе она несколько табуирована, поэтому ее вряд ли можно назвать распространенной в социальной рекламе – подобная реклама почти не встречается на телевидении, в отличие от, скажем, рекламы против табакокурения. Значительное влияние на характер освещения проблемы искусственного прерывания беременности в обществе в целом и в социальной рекламе в частности оказывают гендерные стереотипы. Проблема абортов, а также напрямую связанная с ней проблема контрацепции, нередко репрезентируются в общественном мнении и социальной рекламе как сугубо женская. Например, поскольку именно девушки школьного возраста становятся юными матерями и стигматизируются за незапланированную беременность и аборт, то на девушек, а не на обоих партнеров возлагается ответственность за любое принятое решение (аборт или рождение ребенка) [5. С.7]. Российская социальная реклама против абортов имеет явно выраженный гендерный характер даже будучи адресована не только женщинам, но и мужчинам (первые принимают окончательное решение, но вторые способны на него повлиять). Теоретически по данной проблеме возможно создание, по крайней мере, двух рекламных обращений, отличающихся способом мотивации целевой аудитории и аргументацией ключевого послания [10. С.218], однако в России доминирует прямое обращение именно к женщине.

Первая реклама протиабортной направленности появилась в Советском Союзе и набрала популярность к 1950-м годам. Она печаталась на плакатах, как и большая часть рекламы того времени, и пропагандировала ценность материнства. Один из ярких примеров – плакат А.Н. Доброва 1961 года, на котором изображен милый младенец и улыбающаяся мать, а надпись сверху гласит «А я хотела сделать аборт...» [11. С.48]. Данная реклама имеет «мягкий» вербальный и визуальный характер и основана на положительной мотивации, что резко отличает ее от современной социальной рекламы, где превалирует акцент на безнравственности аборта как поступка: женщину изображают как мать-убийцу, ее отрицательный образ подчеркивается такими словами, как «смерть», «жестокость», «детоубийство» («Аборт не аннулирует беременность. Он делает тебя матерью мертвого ребенка и оставляет отпечаток на всю жизнь!»; «Аборт – узаконенное детоубийство!» и др.) [12. С.89]. В целом в нынешней социальной рекламе тексты протиабортной направленности имеют агрессивный и слишком прямолинейный характер. Например, баннер

с текстом «Мама убила лялю. Вы готовы говорить ребенку правду?»: в качестве источника текста выступает всем известная детская учебная книга – букварь, а всем знакомая фраза «Мама мыла раму» трансформируется в «Мама убила лялю». Слово «аборт» написано рядом с изображением буквы «А» и типичным для букваря изображением арбуза, а «ляля» – слово из детской речи и обозначение ребенка. Таким образом, в плакате имитируется гипотетическая оценка рожденным ребенком убийства нерожденного. Вопрос «Вы готовы говорить ребенку правду?» должен заставить потенциальных адресатов задуматься о ситуации, когда они будут объяснять детям, что произошло. Данная реклама явно провоцирует целевую аудиторию на чувство стыда, как бы постулируя: «аборт – это преступление, которое влечет за собой тяжелые моральные последствия» [5. С.84-89].

Несомненно, в России встречаются и менее жесткие по тональности и содержанию социальные рекламы (и целые рекламные кампании, включающие в себя множество мероприятий) против аборт, и именно они должны доминировать в решении данной проблемы, особенно учитывая высокую ценность семьи для россиян [13]. Так, в городе Усть-Катаве в 2015 году был реализован социальный проект «Мама, я хочу жить»: целевой аудиторией были девушки и женщины в возрасте 12-25 лет; было проведено несколько мероприятий, включая распространение листовок, создание групп, рассказывающих о вреде аборта, в социальных сетях, конкурсы среди школьников на лучший плакат и лекция «Жизнь без абортов» [14. С.413-414]. При подключении к единой городской транспортной сети wi-fi в общественном транспорте Москвы пассажиры также наталкиваются на социальную рекламу, в которой говорится, что каждая третья женщина в нашей стране прерывает хотя бы одну беременность, и предлагается использовать контрацептивы определенной марки (это совмещение коммерческой рекламы с социальной), – используемый в ролике эффект беседы не дает сильной эмоциональной нагрузки на реципиента.

Таким образом, российская социальная реклама против абортов, как правило, ориентирована на женщин и имеет обвинительную тональность, заставляя женщин чувствовать вину за «детоубийство». Доминирующая модель социальной рекламы против абортов имеет обвиняюще-стигматизирующий характер, а не формирует социально желаемые паттерны репродуктивного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Земсков С. Социальная реклама как коммуникационный ресурс управления // Власть. 2009. №10.
- [2] Калачева И.И. Социальная реклама как инновационная технология в работе с молодежью по преодолению социальных угроз // Социальная защита и здоровье личности в контексте реализации прав человека. Минск, 2016.
- [3] Ловцова Н.И., Ярская-Смирнова Е.Р. Демографическая проблема: кто виноват и что делать? // Мир России. 2005. №4.
- [4] Михайличенко С.И. Криминологический анализ репродуктивного поведения и отношения к проблеме небезопасного аборта среди студенток г. Чита // Вестник ЧитГУ. 2011. №12.
- [5] Мокеева Е.А. Проблемы отбора тем в социальной рекламе: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2010. №2.
- [6] Моллок А.Э. Использование прецедентных текстов в российской социальной рекламе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Екатеринбург, 2016.
- [7] Николайшвили Г.Г. Социальная реклама некоторые вопросы теории и практики // Общественные науки и современность. 2009. №1.
- [8] Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореферат дисс. к.ю.н. Казань, 2006.
- [9] Радзинский В.Е., Журавлева В.И. Аборты в России // Практическая медицина. 2009. №34.

- [10] Реклама: теория и практика / Под ред. В.В. Тулупова. Воронеж, 2011.
- [11] Сазонова Е.С., Волкова О.А. Социальная реклама как инструмент продвижения традиционных семейных ценностей в России // Социология и социальные технологии. 2014. №5.
- [12] Терских М.В. Специфика концепта семья в дискурсе социальной рекламы // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №12.
- [13] Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. №3.
- [14] Шалашева Т.С. Социальный проект «Мама, я хочу жить» // Россия сегодня: безопасность, сотрудничество, развитие, взгляд молодых. М., 2016.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ОПАСЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)*

К.Г. Сохадзе

Молодежь – неизменный объект изучения социологов с теоретических, методологических и прикладных позиций. Автор обозначает основные тематические акценты социологических исследований молодых поколений россиян за несколько последних лет. В качестве таковых выступают: проблемы профессионального самоопределения, сложности социального взаимодействия, мировоззренческие доминанты и ценностные ориентации, вовлеченность в разные форматы гражданской активности и общее социальное самочувствие. В статье представлены результаты социологических исследований, позволяющие реконструировать основные черты образа современного молодого россиянина.

Ключевые слова: молодежь, социальное самочувствие, система ценностей, проблемы и опасения молодежи, опросный метод, эмпирическое исследование.

В социологии сложилось несколько основных подходов к определению молодежи [19. С.48]: первый рассматривает молодежь как особую поколенческую группу, т.е. возраст – основная характеристика молодежи, которая нивелирует различия внутри молодых поколений, а социальное взросление – доминантная черта молодежи, выступающая в качестве группообразующего признака, поэтому сторонники данного подхода видят детерминанты сознания и поведения молодых людей преимущественно в психобиологической сфере. Второй подход определяет молодежь как определенный этап жизненного цикла и называет в качестве базовых характеристик молодежи социальные и психофизические свойства молодости как самого активного периода социализации и обретения человеком субъектности. По мнению представителей данного подхода, молодость имеет разное значение в зависимости от социально-политических и культурных условий, определяющих структуру личности молодых людей, соответственно, молодежь здесь – это «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих (а в более зрелом возрасте уже усвоивших) общеобразовательные, профессиональные и культурные функции и подготавливаемых (подготовленных) обществом к усвоению и выполнению социальных ролей» [6. С.7].

Третий подход оценивает молодежь через особенности ее социокультурного статуса и положение в социальной структуре, определяемое возрастом, т.е. это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик,

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект №15-03-00573 «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)».

особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [5. С.385]. Четвертый подход считает молодежь определенной субкультурой – со специфическими ценностями, нормами и образцами поведения, отличающимися от доминирующей культуры, т.е. молодежи приписывается функция самоорганизации – она повышает самостоятельность группы, упорядочивая ее внутренние и внешние связи [19. С.48]. И, наконец, пятый подход рассматривает молодежь с точки зрения ее места и роли в общественном воспроизводстве: отличительное качество молодости – способность воспроизводить и совершенствовать социальную структуру, благодаря чему происходит становление молодежи как активного социального субъекта с особыми группообразующими функциями – воспроизводственной, инновационной и трансляционной.

Перечисленные подходы объединяет выбор оснований для выделения молодежи в самостоятельную социальную группу – это задачи социального взросления (молодежь как особая возрастная группа), социализации (переходный характер группы), обретения социального статуса (неполнота и неоднородность статусных характеристик), самоорганизации (молодежная субкультура) и т.д. Данные функции тем более важны, что молодежь составляет значительную часть общества. Так, по данным Росстата за 2017 год, доля молодежи в российском населении составила 17,9% [18], хотя в последние годы наблюдается снижение этого показателя: в 2014 году он составляла 20,5%.

Согласно Стратегии государственной молодежной политики, утвержденной Правительством Российской Федерации, к молодежи относятся граждане в возрасте 14-30 лет [15]: нижняя возрастная граница задана тем, что с 14 лет наступает физическая зрелость и открывается доступ к трудовой деятельности; верхняя – тем, что в 30 лет человек достигает трудовой и социальной стабильности (экономическая независимость, профессиональное самоопределение, семейно-родительский статус). Как специфическая социально-демографическая группа молодежь характеризуется не только возрастными рамками, но и особенностями социального становления: все это, с одной стороны, отличает молодежь от других групп, с другой – позволяет ей объективно занимать своеобразное место в обществе.

Некоторая неоднозначность трактовки молодости в разных дискурсах (научном, официальном и пр.) не отменяет необходимости социологического анализа молодежной проблематики, который может решать разные типы задач – диагностические и управленческие. В первом случае речь идет об обращении к социологическим методикам для выявления мировоззренческих доминант молодежного сознания, определяющих устойчивые поведенческие паттерны, цели и ценности молодых поколений и их принципиальные отличия от поколений «отцов» и «дедов», причем социологов интересуют и самооценки молодежи, и ее восприятие другими социально-демографическими группами [17]. Так, по мнению трети россиян, среди современной молодежи больше тех, кто не ставит себе конкретных целей, а просто «плывет по течению» (34%); примерно столько же убеждены, что среди молодежи, наоборот, преобладают те, кто ставит перед собой четкие цели (совершенствование в профессии и карьера (18%), получение образования по востребованной специальности (16%), деньги и богатство (12%), материальное благополучие и достойная жизнь (6%), создание семьи (6%) и т.д.) и стремится их достичь (30%) [12]. По данным ВЦИОМ [3], молодежь считают законопослушной и положительно относящейся к властям (сами молодые люди чаще считают себя циничными и агрессивно настроенными), в 2017 году по сравнению с 2014 годом выросла доля тех, кто приписывает молодежи честность, трудолюбие, культурность, бережливость (молодежь же отмечает рост патриотических чувств и отсутствие интереса к политике).

По данным всероссийского опроса ВЦИОМ за 2017 год [7], в иерархии ценностей молодежи (18-34) первые три места занимают доход (15%), порядок и стабильность (11%) и самореализация (8%) (Рис.1).

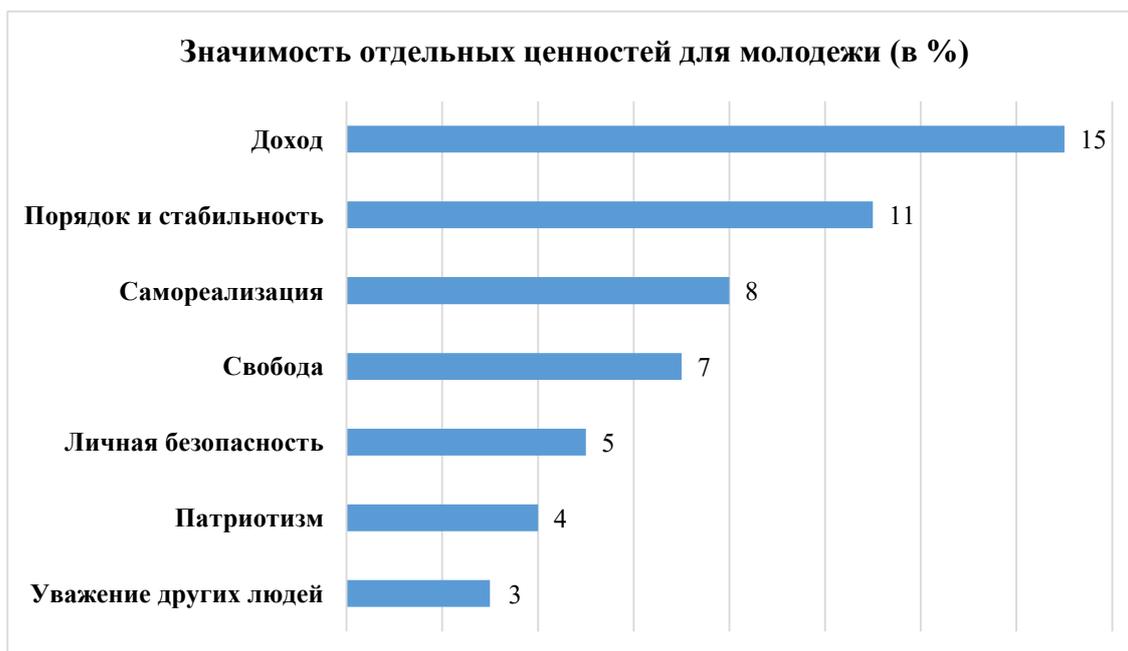

Рис. 1

Молодежь преимущественно не имеет кумиров/героев/людей, с которых берет пример (57%), причем и старшие поколения затрудняются назвать тех, кто является для молодежи образцом для подражания (56%), хотя лишь 14% полагает, что у нынешней молодежи кумиров нет. Всего 1% людей респондентов старше 35 лет полагают, что молодежь берет пример с родственников и близких людей, тогда как среди молодежи этот образец для подражания лидирует (8%) [13] (Рисунок 2).

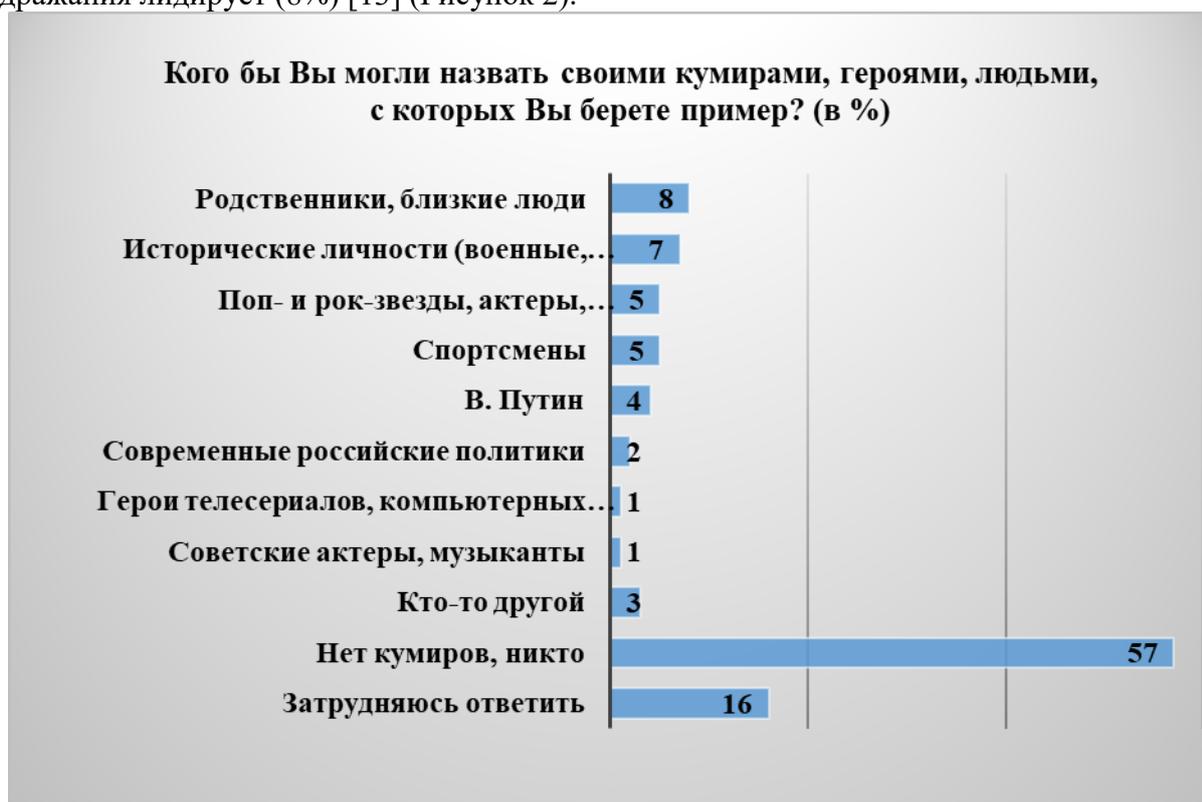

Рис. 2

По мнению молодежи, большинство из них сталкивается с такими проблемами, как зависимость от компьютерных игр (72%) и негативное влияние интернета (69%), конфликты с родителями (67%) и ровесниками (64%), алкоголизм и наркомания (64%), конфликты родителей между собой, развод (60%), негативное влияние телевидения, радио, газет (59%), несчастная любовь (59%), слабость воли (56%), одиночество, нехватка общения» (50%) (Рис.3). В данном списке упущен важный блок социальных проблем, который мы использовали в 2016 году в нескольких тематически различающихся опросах, проведенных на квотной выборке студентов Российского университета дружбы народов. Так, больше трети студентов (35%) считают, что наиболее остро перед молодежью стоит проблема безработицы, каждый пятый отмечает недоступность образования (22%), однако лидирующие позиции занимают такие проблемы, как алкоголизм (60%), наркомания (51%) и курение (46%), а также морально-нравственная деградация общества (41%). Практически каждый пятый респондент назвал также преступность (20%), экономическую ситуацию в стране (18%), нехватку материальных средств (17%), коррупцию власти (17%) отсутствие взаимопонимания с родителями (16%) (Рис.4).

Рис. 3

Рис. 4

Одной из важнейших проблем современной молодежи в целом, а не только студенчества является трудоустройство. По официальным данным Росстата, среди 15-24-летних уровень безработицы в 2015 году составил 16%, что порождает неуверенность и опасения молодежи: многие респонденты обеспокоены угрозой потери работы (59%), хотя при этом каждый второй убежден, что найдет другую работу в случае потери нынешней (52%) [4. С.56]. В условиях нестабильного положения на рынке труда и неудовлетворенности материальным положением молодежь соглашается пренебречь трудовыми гарантиями ради более высокого заработка: в 2015 году доля молодых людей, не оформленных на своей основной работе официально, составила 10,2% [4. С.62].

Значительная часть молодежи сегодня озабочена поиском работы, оформлением на нее, увеличением заработной платы, вопросами карьерного роста и т.д., т.е. в обществе формируется особая социальная группа – NEET-поколение («Not in Employment, Education or Training») – это молодые люди 15-29 лет, которые экономически неактивны, не учатся и не охвачены профессиональной подготовкой – около 19% молодых россиян в 2015 году [2. С.75]. В основном это молодежь со средним образованием, хотя и выпускников вузов среди них тоже достаточно. Суть проблемы в том, что на рынок труда выходит большое количество специалистов невостребованных профессий: молодые люди не могут применить полученные навыки и знания и пополняют ряды «прекариата – нестабильно занятого, депривированного слоя» [2. С.77]. Не находя работу, соответствующую их ожиданиям по уровню должности и зарплате, молодежь устраивается на временную работу в надежде в скором времени перейти на другую позицию, т.е. пребывает в нестабильном состоянии.

Трудоустройство на неинтересную и бесперспективную работу объясняется тем, что молодые люди обеспокоены возможностью оказаться «не в состоянии обеспечивать себя и свои семьи самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев» (61%); при этом каждый второй высказывает недовольство своим материальным положением (52%), а каждый четвертый отмечает его снижение (24%) [2. С.58]. Несомненно, возрастные группы различаются восприятием окружающей действительности: в старших возрастах, когда

молодые люди создают семьи, они более критично оценивают свое материальное положение, будучи больше озабочены будущим: «в когорте 25–29-летних 69,7% озабочены, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в ближайший год, тогда как среди самых юных 15–19-летних – менее половины (47,2%)» [9. С.250].

По данным 2016 года [8], значительная часть молодежи (60%) убеждена, что сегодня молодому человеку сложно добиться успеха, реализовать себя. Больше всего молодежи мешает безработица и сложности трудоустройства (22%), нехватка денег, бедность (9%), коррупция, взяточничество и протекционизм (9%), инертность, отсутствие целеустремленности, избалованность, инфантильность (6%), платное образование (6%), плохая молодежная политика, мало заботы о молодежи (4%) и т.д. (Рис.5).

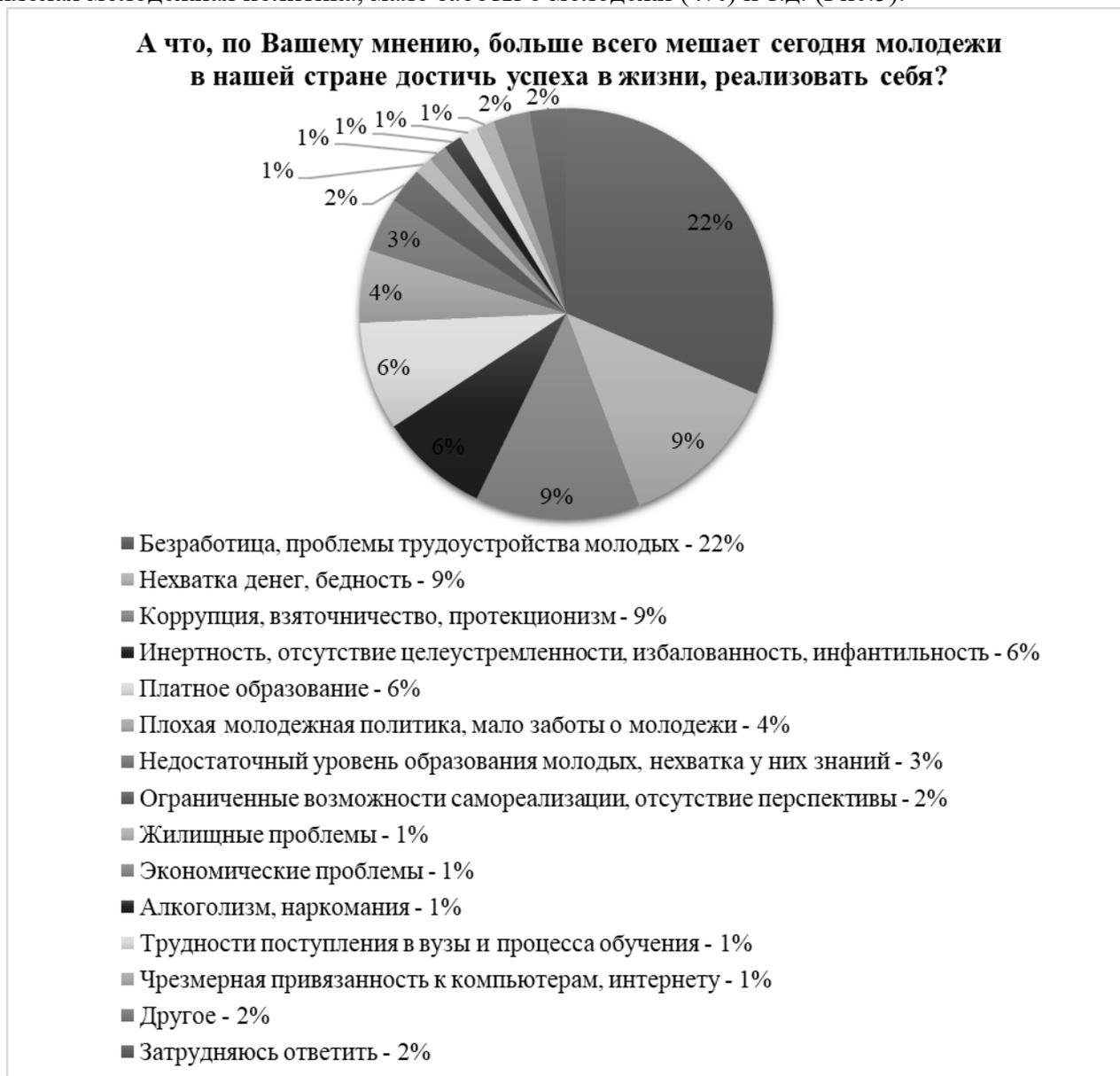

Рис. 5

К общим проблемам, которые не могут быть решены без специальных усилий государства, респонденты относят безработицу, отсутствие хорошей работы (26%), жилищные проблемы (17%), трудности получения образования и повышение его качества (17%), алкоголизм и наркоманию в молодежной среде (8%), тяжелую жизнь, низкие зарплаты, нехватку денег (7%) и т.д. (Рис.6).

На Ваш взгляд, сейчас у молодежи есть какие-то общие проблемы, которые не могут быть решены без специальных усилий государства, или таких проблем нет? И если есть, то что это за проблемы?

Рис. 6

При констатации значительного количества социально-экономических проблем молодежь категорически не готова участвовать в акциях протеста: лишь каждый пятый в принципе допускает такую возможность [12]. В целом уровень участия молодежи в деятельности общественных организаций – как политического характера, так и не связанных с политикой – невысок, что ощущается и на повседневном уровне, без отсылки к статистике и социологическим данным, если представить круг своих знакомых [17]. Невысокую вовлеченность молодежи в социальную активность подтверждают общероссийские данные Фонда «Общественное мнение» за 2017 год [14]: 65% молодых россиян никогда не участвовали в работе волонтерских организаций и не занимались благотворительностью; 74% никогда не участвовали в массовых мероприятиях или флешмобах; 65% не подписывали петиции/коллективные письма; лишь 16% молодых респондентов когда-либо участвовали в митингах, демонстрациях или акциях протеста; 62% не допускают подобной возможности,

поскольку подобные мероприятия затрагивают не актуальные для них и их близких проблемы.

Опираясь на результаты общероссийских и собственных опросов в РУДН (в том числе методом полуструктурированного интервью с участниками молодежных объединений и общественных движений), обозначим основные причины неучастия (незаинтересованности) молодежи в общественной деятельности: это отсутствие материальной выгоды, отсутствие интереса/желания/времени/мотивации, недостаточная информированность и негативный образ общественных объединений. Среди студентов РУДН эти причины распределились следующим образом: нет времени на общественную активность; считают, что их личное участие ничего не изменит; не желают тратить время на посторонних людей – по 34%; основная работа отнимает слишком много времени и сил у 32%; 26% социальные инициативы не нужны, их все устраивает, у стольких же нет на это денег; все силы уходят на поддержание приемлемого уровня жизни для себя и своей семьи (25%); никому не верят (24%); тратят много времени на помощь родным и близким (21%); считают свою работу общественно значимой, достаточным вкладом в жизнь общества или просто нет сил (по 20%); считают, что каждый должен быть сам за себя (19%) или уверены, что простые люди ничего не могут изменить (19%); убеждены, что государство и общество не готовы к гражданской активности (18%) (Рис.7).

Негативный (вернее неоднозначный) имидж общественных организаций, конструируемый российскими средствами массовой информации, обуславливает то, что они не вызывают доверия у большинства опрошенных: менее половины отметили, что полностью или скорее доверяют общественным организациям (45%); аналогична доля доверяющих международным неправительственным организациям, которые работают в России (43%), только доверие благотворительным фондам выше (52%).

Несомненно, вовлеченность молодежи в общественную активность зависит не только от ситуации в обществе или ценностных приоритетов молодежи, но и от ее социального самочувствия. Несмотря на широкий спектр называемых молодежью актуальных для своего поколения проблем, доля респондентов, удовлетворенных своей жизнью в целом, составляет около 63% [2. С.75]. Студенты РУДН в будущее смотрят либо с надеждой и оптимизмом (41%), либо спокойно, без особых надежд и иллюзий (35%); существенно меньше доля тех, кто испытывает тревогу, неуверенность (18%) или страх и отчаяние (7%). Впрочем, в оценках ситуации в стране студенты менее оптимистичны: лишь 17% считают, что жизнь становится все лучше и безопаснее; каждый третий полагает, что ничего не меняется, каждый четвертый – что жизнь становится все хуже и опаснее [11]. Тем не менее, нынешнюю (кризисную) ситуацию в России спокойной и нормальной называют 28% молодых респондентов, почти четверть уверена, что страна будет развиваться успешно (23%) [1].

Почему, на твой взгляд, люди НЕ участвуют регулярно в деятельности общественных организаций/в общественных инициативах? (в %)

Рис. 7

Таким образом, современная российская молодежь, действительно, как считают старшие поколения, беспокоится о своем материальном благополучии и ориентируется на материальные ценности (стремится к высокому доходу), однако не менее значимы для нее стабильность и самореализация, а примерами для подражания остаются близкие люди. С одной стороны, молодежь, выросшая в эпоху электронных массовых коммуникаций, обеспокоена своей зависимостью от компьютерных игр и негативным влиянием Интернета; с другой стороны, ее волнуют и общие для всех поколений проблемы – взаимоотношения с родными и близкими, одиночество и нехватка общения, безработица и недоступность образования, алкоголизм и наркомания. Значительная часть молодежи неуверенно чувствует себя на рынке труда, обеспокоена возможностью потерять работу, озадачена поиском работы, перспективами карьерного роста и т.д., тогда как одновременно в обществе формируется социальная группа, которая экономически неактивна, не учится и не работает – так называемое «NEET-поколение». Ни одна из групп не собирается активно бороться за изменение существующей социальной системы, тем более в составе общественных партий или объединений, потому что, с одной стороны, не видит в этом никакой выгоды

(материальной или имиджевой), с другой – в целом удовлетворена своей жизнью и в будущее смотрит с оптимизмом или спокойно.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.15 / Отв.ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [2] Голиусова Ю.В., Ключарев Г.А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [3] Даешь, молодежь! 2017 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116284>.
- [4] Козырева П.М., Смирнов А.И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [5] Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- [6] Лисовский В.Т. Эскиз к портрету. Жизненные планы, интересы, стремления советской молодежи. М., 1969.
- [7] Молодежь и политика: точки соприкосновения. 2017 // https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-22_cennosti.pdf.
- [8] Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни. 2016 // URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>
- [9] Мукомель В.И. Ксенофобия в молодежной среде // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [10] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. №2.
- [11] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. №4.
- [12] О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности. 2014 // <http://fom.ru/TSennosti/11748>.
- [13] Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи, 2016 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996>.
- [14] Социальная и политическая активность молодежи. Какие виды активности распространены среди молодых? 2017 // <http://fom.ru/TSennosti/13286>.
- [15] Стратегия государственной молодежной политики от 18.12.2006 г. №1760-р.
- [16] Троцук И.В., Савельева Е.А., Салех А.А. Семья, брак, любовь – равноценные или несвязанные понятия для молодых россиян? // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. №3.
- [17] Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. №20.
- [18] Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
- [19] Чупров В.И., Зубок И.А. Социология молодежи. М., 2011.

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА СТРИТ-АРТ*

В. А. Борзунов, Т. С. Коновалова

Вопрос свободы личности в социологии является одним из актуальных в современном обществе. Проявление свободы личности влияет на возможность самореализации и самовыражения индивида. Оно может быть абсолютно разным, как один из факторов был рассмотрен стрит-арт - вид уличного искусства, которое отражает общественное настроение. В рамках изучения данного вопроса, был проведен анализ истории развития стрит-арта, отношения к нему жителей и самих художников России и Европы.

Ключевые слова: свобода личности, стрит-арт, Россия, Европа.

«Граффити — это одно из немногих средств самовыражения, которое ты можешь себе позволить, даже если ты не имеешь ничего. И даже если ты не расправишься при помощи граффити с мировой нищетой, ты можешь заставить кого-то улыбаться»

Р. Бэнкс «Banksy»

Свобода (личности) — способность человека совершать поступки в соответствии со своими целями, интересами и идеалами. Свобода человека выражается в возможности выбрать и воплотить в жизнь решение в той или иной ситуации.

Стрит-арт (от англ. *Streetart* — уличное искусство) — направление в современном изобразительном искусстве, отличительной особенностью которого является ярко выраженный урбанистический характер.

Свобода — один из основных компонентов мирового стандарта демократии и критерий общественного прогресса (свобода слова, собраний, печати; религиозная свобода, свобода совести и т. п.). Свобода необходима человеку для реализации его социального предназначения. Ощущение свободы оказывает влияние на жизнь человека: свободные люди, в основном, удовлетворены ею. Существует множество трактовок термина «свобода личности», и первые из них, конечно, появились в русле философии. В истории общественной мысли категория свободы всегда занимала важное место. Стремление к обретению свободы сопровождалось поисками устойчивого равновесия между свободами и интересами всех членов общества. Во Всеобщей декларации прав человека говорится, что при осуществлении своих прав и свобод человек должно подвергаться только таким ограничениям, которые обеспечивают признание и уважение прав других людей.

Если рассматривать свободу личности в рамках гуманитарного знания, то стоит отметить, что в социологии важным является условие того, что границы возможностей задаются ограничителями свободы. Так как общество полно ограничений и поиск свободы от общества заранее обречен на провал. Как утверждал Р. Эшби: «Чтобы представить мир без привычных ограничений, нужно обратиться к сказкам или фильмам, но даже в них присутствуют ограничения, а без ограничений в мире бы воцарился хаос» [8]. Проблема свободы — одна из основных в социологии и философии. Поиск путей освобождения от любых форм принуждения, цензуры и ограничений, которые выходят за рамки естественной

* Статья подготовлена в рамках реализации Инициативной НИР РУДН № 100235-0-000 (рук. – проф., д.с.н., профессор кафедры социологии Пузанова Ж.В.)

необходимости самосохранения общества, является значительным завоеванием философии разума [3].

По результатам опроса ФОМа 2012 года (по заказу журнала Psychologies) следует отметить, что человек чувствует себя свободным, если он в отпуске, в кругу семьи, имеет возможность заниматься любимым делом, материально независим, обладает возможностью выбора и может свободно выражать свое мнение. Несколько реже наши сограждане говорят, что для того чтобы чувствовать себя свободными, им нужна возможность перемещаться (выбирать место жительства), независимость от других людей и отсутствие обязательств. Отсутствие свободы у россиян чувствуется на работе и во время учебы, также при тяжелом финансовом положении [5].

Реализация свободы личности в современном российском обществе основана на Конституции, но далеко не ограничена ей. Общественное мнение значимо влияет на представления людей о том, «что можно», и «чего нельзя». Причем эти негласные нормы зависят от конкретного общества, именно поэтому в современном мире существуют различия между пониманием свободы в России и в Европе. Факт, что социально одобряемые рамки самореализации человека в контексте европейской культуры значительно шире, чем в России. Это обусловлено духовными и историческими факторами. Одной из форм проявления свободы личности является неформальное искусство: стрит-арт. С. А. Высоцкий и А. А. Медынцева считают, что граффити — это источник важных сведений об истории, культуре, письменности [4]. Стрит-арт давно признан социальным явлением, видом уличного искусства, которое отражает общественное настроение. Искусство стрит-арта многообразно, и предоставляет полную реализацию свободы личности, так как тематика рисунков может быть протестной, развлекательной, политической, эстетической, социальной и т.д. Но в любом случае этот вид искусства отвечает на вызовы, которые поступают индивидам от урбанистической среды [7].

Стрит-арт включает в себя множество видов художественной деятельности: шрифтовое и сюжетное расписывание стен, потолков, дорог, вагонов и т.д., перформанс и хэппенинг - художественный акционизм, который стимулирует привлечение внимания общества к определенным проблемам (в парках, на площадях и т.д.), также возможен флэш-моб — рисование вместе с участвующей в процессе толпой. Справочным сервисом 2ГИС для карты Москвы, был создан слой со стрит-артом, чтобы любители данного искусства и туристы могли увидеть фотографии граффити, или найти на карте те, что находятся неподалеку и увидеть лично. Со слов стрит-артеров на создание рисунков их вдохновляет история, люди, события. «Граффити — это территория свободы, где каждый волен выразить мысли и чувства, которые владеют им в конкретный момент» [9].

Искусство стрит-арт считается одной из разновидностей социального протеста. Протест является своеобразным откликом на модернизационные процессы, происходящие в обществе, который отражает уровень осознания необходимых перемен в базовых и инструментальных ценностях общества. Если культура вообще определяет нормы поведения людей, то протестная культура непосредственно связана с критикой, а иногда и полным отрицанием существующих в обществе норм и ценностей, доминирующих идеалов. Отвечая на вопрос, что такое протест, западные социологи сходятся на позиции, что протестные акции — это организационная форма, вынужденно возникающая вне обычных политических институтов, то есть это политика, осуществляемая неполитическими средствами [1]. Граффити похоже на гражданский протест людей, выступающих на уличных демонстрациях, такой же недолговечный, но все-таки эффективный протест. Многие художники райтеры признаются, что стрит-арт для них — это свобода. Многие из них художники по образованию, в остальные — обычные люди с привычными профессиями: менеджеры, врачи, учителя. Но их всех объединяет желание творить, украшать, модифицировать мир, раскрывая свое видение мира, социальных проблем и путей их преодоления.

Есть шанс, что стрит-арт закрепится как некий культурный пласт и спустя какое-то время он может стать классикой для будущих поколений. В сфере рекламы давно поняли преимущества работ в стиле стрит-арт и стали привлекать свободных художников к раскрутке своих брэндов, продвижению линий молодежной одежды, аксессуаров, продуктов питания. Такое сотрудничество уличных художников и властей выгодно обеим сторонам. Работы уличных художников даже могут претендовать на защиту по закону об авторских правах. Но чтобы творить на законных основаниях, автору нужно получить разрешение от собственников недвижимости и у административных инстанций. Любое несанкционированное творчество могут отнести к административным правонарушениям или даже к уголовно наказуемым деяниям.

По данным социологического опроса, проведенного ФОМом в 2014 году, граффити людям чаще не нравятся, чем нравятся: 46% против 37%. Соответственно считают, что граффити город украшают, 37%, что портят – 47% респондентов. Между тем, за запрет граффити выступают только 5% опрошенных, 73% полагают, что граффитчикам просто следует получать разрешение властей, 14% – что никаких разрешений не нужно, граффити должны быть повсеместно [6].

Защитники воспринимают граффити как способ преобразования общественного пространства или как открытую демонстрацию произведений искусства; их оппоненты считают граффити нежелательной помехой или актом вандализма, которое требует значительных средств на восстановление испорченного имущества. Как считают сами уличные художники, главное различие между искусством стрит-арта и вандализмом — это то, как это воспринимает общественность. Вандализм — это тогда, когда разрушается чужая собственность, уродуются здания и т.д. «Настоящий художник никогда не полезет с баллончиком краски разрисовывать какое-то здание в центре, он будет заниматься любимым делом, там, где это дозволено. Те, кто оставляют свои рисунки, где попало — это обычные хулиганы, а не люди искусства, и они должны быть наказаны в соответствии с законом» [2].

Вандализмом признается осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества в общественном транспорте или общественных местах. Чтобы избежать ответственности, уличному художнику необходимо доказать, что в результате создания граффити не произошло осквернения территории, а только улучшился его внешний вид. В соответствии с Уголовным кодексом, граффити можно квалифицировать по ч.1 ст. 214 УК РФ «Вандализм». Несмотря на то, что большинство людей считает множество работ откровенной провокацией, тем не менее, все они жизненные и правдивые. Ведь в своём разноплановом творчестве художники мастерски отражают реалии будней, акцентируя внимание на происходящем вокруг, или же просто украшают унылые улицы и фасады.

В марте 2017 года было проведено исследование «Реализация свободы личности на примере стрит-арта в Европе и России», целью которого было изучить реализацию свободы личности на примере стрит-арта в России и Европе (на примере Голландии, Чехии, Австрии, России). Объектом исследования являлись: Здания, центральные площади, дворы домов, общественные места, музей стрит-арта. А предметом исследования выступили: Граффити, настенные надписи и т.д.

Гипотеза: Стрит-арт объекты носят провокационный характер, затрагивающие социальные проблемы общества и художников.

Проводя исследования в городах Москва, Амстердам, Прага, Вена, был использован метод контент-анализа с помощью которого мы проводили сравнение стрит-арт искусства между Россией и Европой. Нами были поставлены задачи:

- определить места, где встречаются граффити.
- провести контент-анализ граффити

Гипотеза 1. Граффити отражают социальные проблемы и конфликты общества такие, как безработица, проблемы бездомных, расовая дискриминация. Чаще провокационные граффити встречаются на старых улицах Вены и Амстердама.

Гипотеза 2. В Праге затронуты темы безработицы и прочих бытовых проблем.

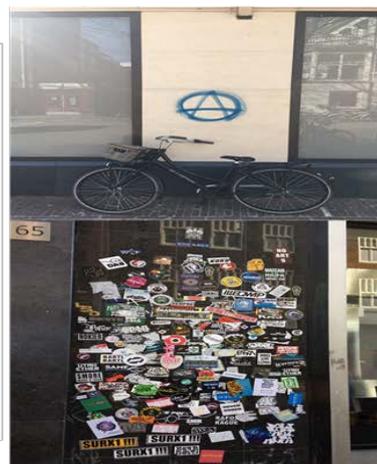
Гипотеза 3. В Амстердаме затронуты темы Феминизма, Нетрадиционной сексуальной ориентации и другие ситуации носящие «анти-нравственные» принципы.

Гипотеза 4. В Вене стрит-арт носит художественно-смысловой характер. Чаще всего художники изображают мифических существ и людей с футуристическими лицами.

Гипотеза 5. В Москве чаще всего в граффити затрагиваются темы неформальных движений(футбольных хулиганов) и национальных праздников(День победы).

В ходе проведения первой задачи нами были посещены центральные городские площади (Площадь Дам, Староместская площадь, Дунайский канал, Арбатская улица) т.к. именно в этих местах по мнению жителей зафиксирована наибольшая активность граффитчиков. В ходе проведения в г. Амстердам можно отметить, что основную часть стрит-арт объектов составляет граффити, в основном объекты расположены не в туристических местах, чаще всего художественные граффити нанесены на фасады зданий. Проводя наблюдение, мы зафиксировали нанесение трафаретного рисунка на мусорные урны, рисунок был выполнен в стили классических библейских картин поверх которого был нанесен неформальный знак анархии. Говоря о размере стрит-арт объектов то в Амстердаме, граффити в основном встречаются маленького размера(меньше 5-и метров) и говоря о стилистике художников Амстердама, они наносят граффити по всей площади фасадов и в основном объекты стрит-арта носят цветной характер. Если говорить о содержания объектов то в Амстердаме чаще всего затронуты темы неформальных движений, написанные с помощью каллиграфического способа лозунги неформальных движений. Преобладали знаки анархистских сообществ, в основном такие знаки были нанесены в виде стикеров или с помощью каллиграфии на маленьком пространстве или поверх других граффити. Продолжая тему объектов стрит-арта в Амстердаме, наблюдались некоммерческие постеры (стикеры) чаще всего они были нанесены на фонарные столбы по периметру туристических маршрутов, говоря о смысле этих стикеров то они несут в себе, как рекламный так и неформальный смысл. В Амстердаме нам попались так называемые графические коды мирового сообщества стрит-арт художников. Они были нанесены поверх граффити, встречались возле выставки «Banksy». Анализируя данные коды (TEOF, 4CE, TCS) нами были найдены целые сообщества в социальных сетях (twitter, instagram) в которых художники обмениваются своими работами, обсуждают новые тенденции, договариваются на совместные работы.

Распределение данных по стрит-арту в Амстердаме

Движение стрит-арта в Амстердаме недостаточно развито, более 45% граффити носят неформальный смысл и содержат лозунги

Рис.1

Подводя итоги, движения стрит-арта в Амстердаме достаточно развито, около 50% граффити носят неформальный смысл, 17% граффити носят художественный характер (см. рис. 1). Следует отметить, что в Амстердаме в объектах стрит-арт искусства практически не затрагиваются социальные и политические темы. Исходя из этого можно сказать, что **Гипотеза 3 подтвердилась т.к. в г. Амстердам затронуты темы неформальных групп.**

В ходе посещения Праги нами было выявлено, что основным объектом стрит-арт искусство в Праге каллиграфические надписи содержащие в себе неформальные движения и лозунги, так же популярностью среди графических работ пользуются рекламные граффити и за небольшим процентом объекты стрит-арта носят радикальный смысл. Затрагивая тему расположения стрит-арт объектов то они расположены по всему периметру города и расположены как правило в переулках и в основном не располагаются на фасадах зданий, часто встречались граффити расположенные около железнодорожных путей и носят в себе тематику и лозунги неформальных групп. Так же в Праге как и в г. Амстердаме мы столкнулись с графическими кодами международного сообщества стрит-арт художников. Так же нами было обнаружено знаменитое граффити известного граффитчика «Blue» рядом с его рисунком было нанесено много радикальных и неформальных граффити. Достаточно большое кол-во граффити носят в себе рекламную тематику, как правило подобную рекламу используют магазины по продаже краски для граффити. По результатам контент-анализа в Праге достаточно сильно развито футбольное движение, которое разрисовывает большинство железнодорожных путей в стиле своих клубов и эмблем своих сообществ так же они используют стикеры, которые размещают в барах. Большинство стрит-арт объектов в Праге носящие неформальный смысл, подразумевают под собой сообщества анархистов, которые использует стрит-арт искусство для обозначения своей позиции, примерами могут служить надписи с помощью каллиграфического способа или стикеры, носящие радикальный или неформальный смысл и лозунги. В результате наблюдения в Праге не зафиксированы политические стрит-арт объекты, так же можно отметить, что среди граффити Праги наблюдается достаточно маленькое кол-во социальных стрит-арт объектов.

Распределение данных по стрит-арту в Праге

Основной объект стрит-арт искусства в Праге – каллиграфические надписи (61%), которые относятся к категории "неформальные движения" и так же содержат разные лозунги

Рис.2

Подводя итоги можно сказать, что движение стрит-арт искусство в Праге можно считать развитым, наиболее выделяются стрит-арт объекты более половины граффити связанные с неформальными движениями (футбольные фанаты) и с радикальными группами (см. рис. 2).

Гипотеза 2 подтвердилась т.к. в г. Прага в граффити были отражены проблемы неформальных движений.

В результате посещения Вены можно выделить, основную часть объектов стрит-арта составляют граффити, наиболее популярным местом среди стрит-арт художников, является Дунайский канал, который представляет собой место проявление свободы личности в стрит-арте, данное место властями Вены представляется, как место для легализованного стрит-арта, на протяжении всего канала, можно встретить трафаретные знаки Голубя с ветвью в клюве, которые подразумевают под собой разрешения, рисовать на этой поверхности, стоит отметить, что в результате наблюдения мы выделили стихийное изменение рисунков на стенах канала т.к. художники практически в любое время пишут свои работы, будь то призыв к поддержке антифашистов или слоганы и знаки неформальных групп. Можно выделить две основные группы граффити на протяжении всего канала это художественные работы, которые не несут в себе смысловой нагрузки, а представляют из себя лишь видение художника каких-либо пейзажей или мультипликационных героев, так же есть и второй тип граффити которые преобладают на Дунайском канале это неформальные эмблемы и слоганы, в ходе проведения исследования в Вене, Дунайский канал являлся основным местом получения данных т.к. именно там наибольшая активность стрит-арт объектов, следует отметить, что в Вене в основном преобладает граффити и стикеры, за редким исключением можно встретить каллиграфические надписи. Говоря о стикерах, нам часто попадались стикеры местных футбольных сообществ, как правило они располагались в местных пабах и в нетуристических местах, так же нами были замечены стикеры носящие в себе призывы ненависти к футбольной организации ФИФА и УЕФА. На улицах города можно часто встретить символы и лозунги анархии, причем в ходе исследования нами было установлено нанесения подобных надписей и лозунгов на городские памятники, которые располагались в центре города. Большой популярностью как и в Праге тут пользуется движение Антифашистов, отражение данного движения можно увидеть в стикерах, граффити расположенных по всему городу, за исключением Дунайского канала, но там можно объяснить отсутствие данного движения, за счет стихийного изменения рисунков, из-за счет повышенной активности художников.

Распределение данных по стрит-арту в Вене

Рис.3

В общем по городу можно выделить основную группу граффити, которая несет в себе неформальную и радикальную символику, если сравнить между городами исследования, то в Вене наиболее развит стрит-арт и носит наибольшее проявление свободы личности по сравнению с другими городами участвующих в исследовании (см. рис.3).

Гипотеза 4 не подтвердилась т.к. в г. Вена стрит-арт объекты несут не только художественный характер, но и неформально-радикальный.

В ходе проведения исследования в Москве нами была замечена, большая активность стрит-арта по всему городу больше 80% стрит-арт объектов являются – граффити, в частности в центре города, большинство фасадов украшены граффити несущих в себе социальный характер, в спальных районах были выявлены расписанные трансформаторные на тематики посвященные национальным праздникам(9 мая) либо же граффити содержат в себе художественный смысл. Отмечаем что в Москве зафиксировано наибольшая активность неформальных групп по сравнению с городами участниками исследования, активность это выражается в граффити на протяжении прилегающих к вокзалам железнодорожных путей. Так же по всему городу встречаются стикеры на которых напечатаны лозунги и эмблемы неформальных сообществ, зачастую это футбольные фан-сообщества, которые в свою очередь разрисовывают заброшенные здания и стены в спальных районах в стиле своих футбольных клубов. Следуют отметить, что так же как и в Вене, в Москве местные власти, активно коммуницируют со стрит-арт художниками и даже делают заказы, по росписи местных площадок, к национальным праздникам, по всему городу на фасадах зданий написаны портреты выдающихся личностей России и СССР, героев войны.

Распределение данных по стрит-арту в Москве

По результатам исследования в г. Москва объекты стрит-арта зачастую затрагивают патриотический и социальный смыслы, но так же охватывают и неформальную тематику(футбольные болельщики и т.д.)

Рис. 4

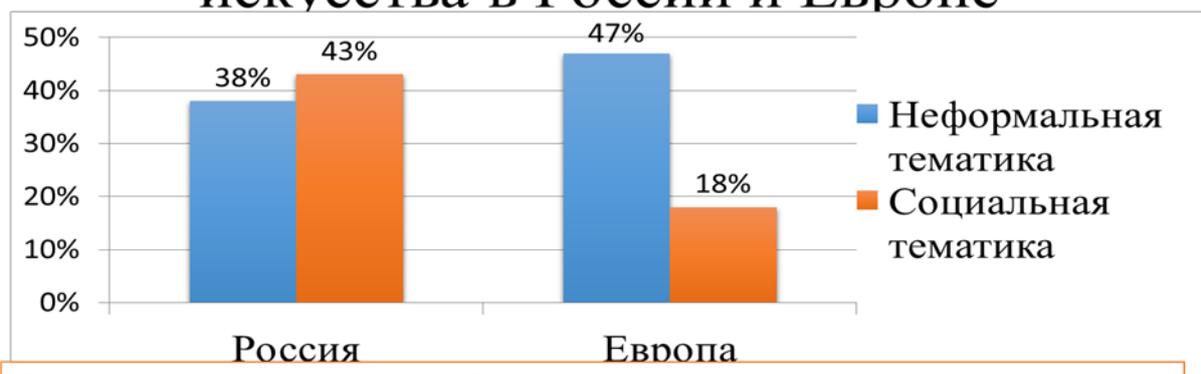
Подводя итоги можно выделить, что стрит-арт объекты в Москве несут более социальный и неформальный характер (см. рис. 4). В частности особой популярностью стрит-арт направления пользуется в среде футбольных фанатов.

Гипотеза 5 подтвердилась т.к. по результатам исследования в г. Москва действительно стрит-арт затрагивает неформальные движения(футбольные болельщики) но так же зачастую граффити несут патриотический и социальный смысл.

Проводя сравнения стрит-арт искусства в России и Европе, можно выделить тот факт, что движение стрит-арта в России только набирает свою популярность, но при этом уже

пользуется достаточным интересом со стороны молодежи, которые видят в стрит-арте проявления своих мыслей и переживаний. Отличительной особенностью Российского стрит-арта является его узко направленность по социальным и неформальным темам. Так же Российский стрит-арт носит в себе более спокойную форму проявления в граффити, в отличие от европейского стрит-арта где используется зачастую провокационные слоганы и эмблемы, в частности европейский стрит-арт сильно насыщен радикальными призывами и эмблемами в том числе и символикой анархического движения, что в России встречается, но не так часто, как в той же Европе. Следует отметить, что Российские художники больше используют, яркие и насыщенные цвета в своих работах в отличие от Европы, в частности в Праге больше 60% стрит-арт объектов является либо однотонными либо черно-белыми. Москва по своему направлению в стрит-арте больше схожа с г.Вена т.к. и там и там используются по большей мере художественное направление стрит-арт объектов, но так же встречаются неформальные группы с их символикой и лозунгами. Амстердам не смотря на свою либеральность и вседозволенность, оказался менее развит в направлении стрит-арта, Прага показала себя как очень закрытый город в направлении стрит-арт движения т.к. они используют графические коды непонятные постороннему движению, так же по результатам контент-анализа мы можем сделать вывод о разделении населения по вопросу поддержки таких неформальных движений, как «антифашисты». Вена оказалась наиболее популярным городом по отношению к стрит-арту, по результатам исследования мы можем отметить Вену, как самый свободный город по отношению к стрит-арту т.к. там встречается абсолютно все категории, которые мы выделили в нашем исследовании и примерно в равном соотношении (см. рис.5).

Сравнение направлений стрит-арт искусства в России и Европе

Движение стрит-арта в Европе населением воспринимается как искусство. По словам местных художников *«Жители поддерживают данное направление и выделяют, то что стрит-арт объекты позволяют разнообразить городской ландшафт, а так же людям нравится мысль о том, что каждый может прийти и нарисовать то что он хочет»* Отличительной особенностью российского стрит-арта, является его узкая направленность на социальную тематику. Направления нередко оцениваются как акты вандализма (зачастую беспокойство выражает старшее поколение).

Рис. 5

Несомненно отношения европейцев к стрит-арту можно назвать как отношению к искусству т.к. в результате многих случайных разговоров с жителями городов представленных в исследовании, они поддерживали данное направление и выделяли то что в написании стрит-арт объектов может принять участие каждый, а главное что нет никаких рамок ограничений и ты можешь совершенно спокойно выражать свои мысли. В России старшее поколение выражает обеспокоенность по поводу стрит-арт объектов т.к. считает это

актом вандализма, люди младше 30-и выделяют стрит-арт как площадку, которая позволяет украсить фасады серых скучных зданий тем самым разнообразить наш облик города, закрыв потрескавшиеся фасады домов, лицами героев победы тем самым обратить внимание жителей на проблемы патриотизма. Из этого следует: **Гипотеза:** *Стрит-арт в Европе населением воспринимается как искусство, в то время как в России нередко оценивается как вандализм не подтвердилась.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Афиша Daily. Интервью с Б. Грайсом. Думаете, западная публика любит современное искусство? 01.06.2012 // <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/boris-grojs-o-pussy-riot-fundamentalistah-i-zasil-e-videorolikov/>
- [2] «Вечерний Петербург». Граффити – это территория свободы! // <http://www.vppress.ru/stories/Graffiti--eto-territoriya-svobody-18577>
- [3] Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. Психологический журнал. Том 21, №1, 2000
- [4] Мединцева А.А. Древнерусские надписи новгородского софийского собора. XI-XIV века. М., 1978.
- [5] ФОМ. Без чего свобода невозможна. 12.02.2014. <http://fom.ru/TSennosti/11343>
- [6] ФОМ. Москвичи о граффити. 30.10.2014 // <http://fom.ru/posts/11787>
- [7] Чистякова М. Г. Измени пространство измени жизнь: социально-антропологические контексты стрит-арта. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. № 10 / 2013 // <http://cyberleninka.ru/article/n/izmeni-prostranstvo-izmeni-zhizn-sotsialno-antropologicheskie-konteksty-strit-art>
- [8] Эшби Р. У. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения, 1962.
- [9] The Village. Появилась карта стрит-арта Москвы. 06.04.2016 // <http://www.the-village.ru/village/city/city/234483-strit-art>

ПРОЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ РОССИИ И ЕВРОПЫ

В.А. Тупикова

Проявления свободы личности в обществе, уровень дозволенности и открытости являются одними из основных тем для изучения в современном обществе. В данной статье будут представлены данные исследования, проводимого в России (г. Москва) и Европе (Амстердам, Голландия; Прага, Чехия; Вена, Австрия), в которых отражено отношение местных людей к видимым проявлением того, что принято считать свободой личности.

Ключевые слова: свобода личности, употребление алкоголя, употребление психоактивных веществ, пирсинг, татуировки.

Способность человека действовать в соответствии со своими интересами и желаниями [3] не всегда является идет в унисон с принятыми в современном обществе нормами, что и создает поле для изучения в социологии.

Представленные данные были получены в ходе реализации полевого этапа исследования свободы личности в г. Москва и трех европейских городах (Амстердам, Голландия; Прага, Чехия; Вена, Австрия).

За проявления свободы личности, в соответствии с философией [1], правом [2] и социологией, было решено принять действия, подходящие под следующие категории:

- Употребление алкоголя в общественных местах;
- Употребление психоактивных веществ в общественных местах;
- Демонстрацию личных отношений в общественных местах (поцелуи, объятия и пр.);
- Наличие татуировок, пирсинга, неестественного цвета волос и т.д.;

С помощью включенного наблюдения, анализа невербальных признаков и вопросов к местным жителям и туристам в заявленных местах проведения исследования, было изучено отношение людей к проявлению свободы личности в каждой конкретной стране.

Респонденты выбирались случайно, исследователь завязывал с респондентом разговор, либо притворяясь потерявшимся туристом, либо пытаясь познакомиться. Далее, по ходу разговора, он начинал задавать вопросы по теме исследования. Разговор вёлся на английском и русском языках, в зависимости от возможностей как респондента, так и наблюдателя. В ходе исследования вопросы были заданы мужчинам и женщинам, в возрасте от 18 до 50 лет.

По ходу разговоров с респондентами, исследователями поднимались темы, затрагивающие отношение респондентов к представителям нетрадиционных отношений и демонстрации личных отношений, татуировкам и другим модификациям тела, употреблению психоактивных веществ и алкоголя. Примеры вопросов:

1. У моей сестры [много татуировок/цветные волосы/есть девушка], и наша мама этому не очень рада.
2. Мой друг постоянно выпивает, не прикрывая бутылку, я волнуюсь за него.
3. У вас есть татуировки?

И другие.

Также представителями исследовательской группы были смоделированы некоторые ситуации, которые имитировали проявление свободы личности (демонстрация личных отношений, модифицированная внешность).

Далее для удобства ход исследования будет разделён по городам, на четыре части соответственно. Курсивом выделены переведённые или прямые цитаты из разговоров с местными жителями или туристами.

Москва. Наблюдение и опрос в Москве происходили в Парке Горького, Коломенском парке и на Красной площади. Места были выбраны потому как являются равно популярными как у туристов, так и у местных жителей, а также они являются местами для посещения как молодых людей, так и людей старшего возраста. Наблюдаемые и респонденты молодого возраста (до 25 лет) не проявляли никакой реакции по отношению к демонстрации личных отношений и спокойно относились к наличию татуировок или пирсинга. Была зафиксирована негативная реакция со стороны более старшего поколения: *«Разве это красиво», «На ЗЭКа похож».*

Более бурная реакция последовала в ходе обсуждения нетрадиционных отношений. Однако, вопреки гипотезе, респонденты демонстрировали нейтральное отношение, изредка проявляя однозначно негативную или позитивную реакцию: *«Да, это нормально, на каждом углу встретить можно», «По-моему, это противно».*

Амстердам. В ходе посещения мест досуга местных жителей и туристов были зафиксированы следующие наблюдаемые категории проявления свободы личности: употребление алкоголя и психоактивных веществ в общественных местах, демонстрация личных отношений, наличие татуировок, пирсинга, неестественного цвета волос.

Чаще всего были замечены употребление психоактивных веществ (см. рис 1 и 2).

Рис. 1. Молодые люди в возрасте 20-30 лет употребляют психоактивные вещества в общественном месте (парке).

Судя по вербальным и невербальным реакциям людей, отношение к подобным проявлениям свободы оказалось нейтральным со стороны местных жителей (не обращали внимания). Со стороны туристов, у людей старшего возраста вызывало удивление, у молодых людей – нейтральная реакция, либо одобрение.

В диалогах всего поучаствовало 10 человек. 6 человек – традиционные пары старшего возраста, 4 человека – молодые мужчины до 30 лет. Из них, две пары – туристы, одна – местные жители, двое мужчин – туристы, двое – местные.

При разговоре с туристами, наблюдателем отмечалось удивление в сторону проявления свободы личности как у людей старшего поколения, так и у молодежи: *«Мы знали, что тут люди очень развязные, но не знали, что настолько»*, *«Я удивился, когда увидел, что они тут на каждом шагу употребляют»* и пр. Не высказывали удивления туристы не в первый раз приехавшие в Амстердам: *«Я тут не в первый раз, так что привык»*.

Местные жители при разговоре в основном высказывали нейтральную оценку подобным проявлениям. Несколько респондентов высказали недовольство по поводу *«слишком сильной легализации»* свобод; позднее в разговоре выяснилось, что данные респонденты были иммигрантами.

Рис.2. Демонстрация личных отношений, употребление психоактивных веществ в общественном месте

По результатам Амстердам – город, где наиболее ярко демонстрировалась свобода во всех её проявлениях, в сравнении с другими городами, учувствовавшими в исследовании. Однако, это так же единственный европейский город где была зафиксирована негативная реакция на проявление этой самой свободы.

Прага. В ходе посещения мест досуга местных жителей и туристов были зафиксированы следующие наблюдаемые категории проявления свободы личности: употребление алкоголя в общественных местах, наличие татуировок, пирсинга, неестественные цвета волос.

Чаще всего было замечено употребление алкоголя в общественных местах.

Судя по вербальным и невербальным реакциям людей, отношение к проявлениям свободы так же оказалось нейтральным либо положительным со стороны местных жителей. Со стороны туристов внимание было направлено на культурные объекты, т.к. в местах туристического интереса проявлений свобод личности замечено не было.

Всего диалог состоялся с 6 людьми. Из них 4 молодых до 30-ти лет, двое старшего возраста. Одна молодая женщина и три мужчины, двое мужчин старшего возраста. Трое молодых мужчин были русскими туристами, остальные – местные жители.

При разговоре с туристами, наблюдателем отмечалось отсутствие положительной либо отрицательной реакции на проявление свободы личности. Данный вывод можно сделать из фраз: *«Да, есть такое», «Не обращали внимания», «Бывает».*

Местные жители при разговоре в основном высказывали нейтральную оценку подобным проявлениям: *«Здесь это происходит достаточно часто, так что мы уже и не замечаем».*

Рис. 3. Карлов Мост. «Туристическое место». Можно заметить отсутствие явных проявлений свободы личности.

Прага оказалась самым консервативным городом из исследования, образ мышления населения схож с российским, и ярко выраженных проявлений свобод, за все время пребывания, выявлено не было (см. рис. 3).

Вена. В ходе посещения мест досуга местных жителей и туристов были зафиксированы следующие наблюдаемые категории проявления свободы личности

Рис. 6. Употребление алкоголя в общественных местах

употребление алкоголя и психоактивных веществ в общественных местах, вандализм, наличие татуировок, пирсинга, неестественные цвета волос, демонстрация личных отношений (см. рис. 5 и 6).

Чаще всего были замечены вандализм и употребление психоактивных веществ в общественных местах.

Судя по вербальным и невербальным реакциям людей, отношение к проявлениям свободы оказалось нейтральным либо позитивным со стороны местных жителей. Со стороны туристов внимание было направлено на культурные объекты, на проявления свободы личности внимания не обращалось.

При разговоре с туристами, наблюдателем отмечалось отсутствие положительной либо отрицательной реакции на проявление свободы личности.

Местные жители при разговоре в основном высказывали нейтральную и положительную оценку подобным проявлениям: *«Здесь такое любят, да», «У нас за это не накажут».*

Рис. 5. Проявление вандализма. Процесс интервьюирования.

Вена, по уровню свобод и их проявлений не уступает Амстердаму, пусть это выражено не так ярко, но в свою очередь это выливается в отсутствие отрицательной реакции со стороны власти и общества.

Таким образом, с помощью исследования удалось выяснить, что стереотипы о грубости и неприязни ко всему людям из России и толерантности людей из Европы оправдали себя не полностью. Между «развязным» Амстердамом и «консервативной» Москвой существует большего общего, чем может показаться сначала: и там, и там присутствуют и ярые сторонники проявлений свободы личности, и ярые противники. Меньше сходств можно заметить между Москвой и Австрией: австрийские граждане оказались сдержаннее во мнениях и более заинтересованными в собственных проблемах, чем в окружающих их пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бердяев Н. А. Философия свободы. - М., 1990;
- [2] Избранов А. А. Энциклопедический словарь конституционного права. - Мн.: Изд. Суров В. М., 2001.
- [3] Российский энциклопедический словарь: РЭС: в 2 кн./ Гл. ред. А. М. Прохоров, редкол.: В. И. Бородулин, А. П. Горкин (Зам. гл. ред.), В. М. Карев [и др.]. — М.: Большая Рос. энцикл., 2001.

**«ОТКРЫТОСТЬ» ЛГБТ-КОММЬЮНИТИ В ЕВРОПЕ И РОССИИ:
ОПЫТ ГАРФИНКЕЛИНГА*
Е.Г. Овчинников-Лысенко**

В статье рассматривается свобода личности в обществе на примере его отношения к нетрадиционным парам. При помощи социального эксперимента этнометодологической школы, было проведено исследование и анализ полученных данных по Москве и трём крупным европейским городам (Амстердам, Прага, Вена).

Ключевые слова: этнометодология, гарфинкелинг, толерантность, свобода, ЛГБТ, Москва, Прага, Вена, Амстердам.

Отличительной чертой современного общества является тесная связь между человеческими ценностями и свободами, которые так же разнятся в понимании людей различных обществ. Сам термин «свобода» не является однозначно определяемым и понимаемым всеми членами общества, поэтому неоднозначность трактовок иногда рождает различные социальные противоречия. Таким образом, изучение понимания смысла, который вкладывают люди в термин «свобода», является неотъемлемой частью изучения самого общества.

Тем не менее, понимание свободы личности, а тем более ее реализации в современном мире зачастую формируется благодаря общественному мнению. Причем эти негласные нормы зависят от конкретного общества, именно поэтому в современном мире существуют различия между пониманием свободы в России и в Европе. Что может свободно делать житель европейских стран, будь то (несанкционированный) митинг, вступление в однополый брак и т.д., является неприемлемым для жителя России. Однако, не всё так однозначно, зачастую люди скрывают своё истинное мнение по темам подвергшимся стигматизации, опасаясь, что в случае выражения одобрения, общественное недовольство может затронуть и их тоже. Так результаты опроса 2011 года показывают, что несмотря на бытующее мнение об однозначной нетерпимости граждан Российской Федерации к представителям ЛГБТ-сообщества, респонденты напротив продемонстрировали высокий уровень толерантности, хотя и высказались против легализации однополых браков [1].

Однако, стоит отметить что, став на путь демократизации и либерализации, и вместе с переоценкой основных общественных ценностей, жители России по-прежнему за редким исключением, проявляет предельную толерантность к представителям сексуальных меньшинств. Гомофобия в России сегодня имеет умеренный характер по сравнению с временами советской власти. Если в годы СССР общество в своей основной массе относилось к гомосексуалистам непримиримо и требовало избавить народ от «извращенцев», то сегодня отношение к меньшинствам стало более толерантным и равнодушным. По большому счету россиян наличие людей нетрадиционной ориентации в социуме вообще мало интересует. Гомосексуалисты воспринимаются большинством населения не как преступники, а как «больные» люди, страдающие определенными психофизическими отклонениями, но не более того. Идея о гомосексуализме как норме сексуального поведения не укоренилась среди российского обывателя: отношение к ним остается спокойным, но вместе с тем достаточно настороженным и отчасти брезгливым. К врожденной гомосексуальности отношение россиян вполне терпимое – как к своеобразной «ошибке природы», досадному генетическому сбою. К ним может выражаться сочувствие или даже жалость, как к больным или инвалидам. Иное дело – гомосексуалист по убеждению. В случае, когда речь идет об осознанном выборе и добровольно принятой сексуальной ориентации. В глазах среднестатистического россиянина это уже «содомия», результат

* Статья подготовлена в рамках реализации Инициативной НИР РУДН № 100235-0-000 (рук. – проф., д.с.н., профессор кафедры социологии Пузанова Ж.В.)

нравственной распущенности, болезненное извращение. И уж совсем недопустимо, если это «болезненное извращение» позиционируется обществом как норма поведения, транслируется молодому поколению, рекламируется и пропагандируется [2].

Если говорить о иностранных исследованиях об отношении России к представителям ЛГБТ-сообщества, то выходит, что Россия в 2016-ом году заняла второе место по нетерпимости. По мнению авторов исследования организации, ILGA-Europe [3]. В это же самое время в большинстве европейских стран уже узаконены однополые браки или имеют другие узаконенные формы союзов. Если привести в пример Чехию, то большинство населения уже готово к легализации однополых браков - по данным центра опросов CVVM, за такие браки высказывается большинство чехов [4].

Более глубокое исследование социокультурных предпосылок формирования свободы может быть использовано для совершенствования культурного взаимодействия российского и европейского общества.

Весной 2017 года кафедрой социологии было реализовано кросс-культурное исследование, посвященное изучению представления о свободе личности в российском и европейском контекстах. В рамках исследования был реализован эксперимент (гарфинкелинг). Цель эксперимента: пронаблюдать и изучить проявленную реакцию на демонстрацию традиционных отношений посетителей мест проведения досуга для нетрадиционных отношений в Москве, Вене, Амстердаме, Праге

Для проведения эксперимента были выбраны следующие места:

Москва: Boyz Club, Амстердам: Taboo Amsterdam, Прага: Escape Club (Один из старейших гей-клубов Праги, основанный более 15 лет назад.), Вена: Kiss Bar Vienna.

Данные заведения удовлетворяют запросы исследования ввиду своей направленности на представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. Они пользуются популярностью как у местных жителей, так и у туристов, однако специфика нашего исследования позволяет не проводить четкого разграничения между ними.

Объект эксперимента: посетители мест проведения досуга для нетрадиционных гендерных отношений в Москве, Амстердаме, Праге и Вене.

Предмет эксперимента: реализация свободы личности на примере реакции нетрадиционных пар на демонстрацию традиционных отношений.

Гипотеза эксперимента: посетители мест проведения досуга для определенной аудитории, несмотря на толерантную направленность заведений, проявят негативную реакцию со своей стороны в сторону провокаторов, демонстрирующих традиционные отношения.

Ход эксперимента:

1. Москва. Московским полем исследования явился столичный ночной клуб «Boyz Club» поскольку одним из первых выходил на поисковой запрос о ночном клубе для представителей нетрадиционных отношений [5]. Представлял собой двухэтажное помещение на 2 зала общей вместимостью до 800 человек.

Участниками исследования стали посетители и обслуживающий персонал ночного клуба. Задачей исследователей, далее называемыми «раздражители», стала попытка продемонстрировать традиционные отношения тем самым нарушая установленный социальный порядок участников исследования. Реакцию зрительно фиксировали и подтверждали экспериментаторы, ввиду запрета на фото и видеосъемку.

Положительными реакциями считались улыбки по отношению к «раздражителям», отрицательными – невербальные проявления раздражения, которые выражаются в следующих проявлениях: Брови опущены и сведены. Между бровями появляются вертикальные морщины. Нижние веки напряжены, они могут быть или не быть приподняты. Верхние веки напряжены, они могут быть или не быть опущены в результате

Рисунок 1 Посетители

опускания бровей. Губы могут находиться в двух основных состояниях: плотно сжаты, уголки губ прямые или опущены вниз; либо губы могут быть раздвинуты (образуя прямоугольный рот) и напряжены — как при крике [6]. Из жестов наблюдается сжимание предмета в руке/сжимание руки, поза – дистанцирование от провокатора, откидывание туловища назад.

Эксперимент длился на протяжении трёх часов.

В ходе эксперимента «раздражители» находились в главном зале на первом этаже, двигаясь вокруг бара, который находился в центре зала и где на протяжении всего эксперимента находилось максимальное количество людей.

«Раздражители» демонстрировали традиционные отношения стараясь при это не сильно привлекать к себе внимание чтобы выглядеть

естественно. Зафиксировав реакцию окружающих, экспериментаторы перемещались в другую часть

зала вокруг бара, и повторяли свои действия.

В целом реакция на «раздражителей» была дружелюбной, однако несмотря на это, было зафиксировано несколько проявлений негативной реакции со стороны гостей, варьирующихся от недоумения до откровенной неприязни. Например, компания, состоящая из молодых людей и пары девушек заметив экспериментаторов переместилась в другую часть зала окидывая их взглядами.

Реакции со стороны персонала на «раздражителей» не поступало, так же нейтрально повели себя гости мужчины, в то время как посетительницы лет 20, схожие по возрасту с раздражителем – девушкой, демонстрировали бурную реакцию: отводили взгляд, начинали переговариваться с гостями. Пытались дистанцироваться. После разговора с девушками стало понятно, что они отрицательно относились к «раздражителям», так как те перенимали на себя внимание их друга (см. рис. 1).

За всё время эксперимента к «раздражителям» не поступило ни одного замечания со стороны гостей или персонала.

Подводя итог, в московском клубе нарушение коммуникативных норм поведения незнакомых людей не осталось незамеченным и действительно было воспринято некоторыми как своеобразное «нарушение», однако реакция в общем ключе была нейтральной, что лишь частично подтверждает нашу гипотезу. Данный факт может быть обусловлен ограничением прав и свобод, а также притеснением со стороны общества, что в свою очередь выливается в стремление представителей ЛГБТ оградить своё сообщество и негативную реакцию на представителей извне.

2. Амстердам. Местом для проведения эксперимента был выбран бар Taboo Amsterdam [7], расположенный на одной из центральных улиц города и целиком состоящий из заведений, ориентированных на представителей ЛГБТ- сообщества, о чем свидетельствуют флаги радужной раскраски, расположенные над входом.

Бар находился в самом центре улицы и представляет из себя небольшое помещение занимающее первый этаж жилого дома с огороженной территорией перед входом, где располагались дополнительные столики для гостей.

Внутри, не смотря на будний день, заведение было полно гостей и по интерьеру ничем не демонстрировало направленность заведения. Посетители, состоящие преимущественно из мужчин, обратили внимание на «раздражителей» сразу после входа последних внутрь заведения. В ходе эксперимента посетители не обратили внимания

провокации в виде демонстрации традиционных отношений, были дружелюбны и сами начинали разговор и попытки завязать знакомство, что было обусловлено возрастом «раздражителей», который был заметно младше, чем у остальных посетителей. Так к одному из участников эксперимента обратился посетитель и с улыбкой поинтересовался откуда он

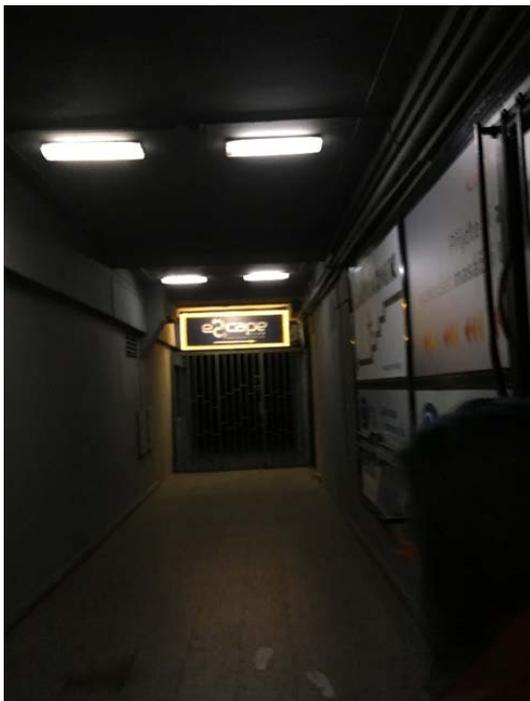

Рисунок 2 Вход в клуб "Escape"

прибыл, проявил удивление узнав, что экспериментатор прибыл из России, но быстро утратил интерес и поспешил завершить разговор пожелав приятного вечера после того как «провокаатор» сказал, что пришел с девушкой.

В целом, царившая дружелюбная атмосфера давала понять, что для посетителей не важна ориентация. За всё время эксперимента не было зафиксировано ни одной негативной реакции.

Принятие со стороны власти и общества, а также наличие широких прав и свобод позволяет представителям ЛГБТ чувствовать себя открыто и не принужденно, люди не боятся открыто проявлять свои чувства и присутствие гетеросексуалов никак их не стесняет.

3. Прага. В Праге удалось заранее выяснить о закрытости ЛГБТ-комьюнити в стране, несмотря на разрешение и одобрение на законодательном уровне.

Была предпринята попытка посетить один из старейших гей-клубов Праги Escape club [8], однако после прохождения домофона со встроенной видеокамерой, охранник сообщил что: «это заведение

вряд ли подойдет таким как мы» и попросил уйти (см. рис 2).

Также группой было обнаружено несколько подобных заведений, которые ничем не выделялись, и даже наоборот пытались скрыть свое существование и подчеркивали закрытость, о чем говорит наличие видеокамер и домофонов на входе, а также отсутствие вывесок.

Рисунок 3.Вход в бар "Kiss bar"

Подводя итог по Праге, можно прийти к выводу что декларируемая свобода прав ЛГБТ еще не перешла на уровень общественного сознания, что выливается в закрытость и

анонимность сообщества, что в свою очередь не позволило провести исследование в полной мере.

4. Вена. Венским экспериментальным полем выступил Kiss Bar Vienna, небольшое кафе, расположенное далеко от центра города, так же, как и в Праге заведение никоим образом не раскрывало своей направленности (отсутствие флагов, нейтральная вывеска) (см. рис. 3).

В ходе эксперимента «раздражители» в виде парня и девушки заняли столик в центре зала. Эксперимент продолжился на протяжении двух часов, в ходе которых парень и девушка экспериментаторы демонстрировали отношения (объятия, поцелуи, держания за руки). В целом реакция на «provocаторов» была нейтральной, несколько раз были замечены недоуменные взгляды в сторону столика, но не более. Никто не проявил резко негативной реакции или сделал замечание. «Раздражители» были восприняты как случайно зашедшие туристы не знакомые с характером заведения (см. рис. 4).

Рисунок 4 Реакция посетителей

Таким образом нарушение негласных «норм» заведения не осталось незамеченным, однако никакой реакции или эмоций (будь они положительными или отрицательными) замечено не было.

Таким образом, в ходе серии экспериментов, реализованных путем создания провокационных ситуаций в местах досуга, ориентированных на ЛГБТ-сообщество, было установлено, что из всех городов наиболее бурно реагировали московские респонденты, из чего следует вывод что, чем негативней в стране относится к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации, тем более ревностно эти представители относятся к посторонним («не своим»), или стремятся максимально скрыть своё присутствие как, например в Праге, где права и свободы ЛГБТ-комьюнити имеют значимые ограничения. В странах где принимают гомосексуалистов и считают их равноправными членами общества, как в Австрии или Голландии, негативная реакция отсутствовала полностью.

На основании полученных данных можно прийти к выводу, что первоначальная гипотеза, что посетители мест проведения досуга для определенной аудитории, несмотря на толерантную направленность заведений, проявят негативную реакцию со своей стороны в сторону провокаторов, демонстрирующих традиционные отношения, подтверждается лишь частично, и негативная реакция проявляется только в странах, где общественное мнение

осуждает ЛГБТ, и эта реакция служит своего рода защитным механизмом в ответ на негативное в отношении со стороны общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ростова А. В. Представители сексуальных меньшинств: особенности социальной дистанции в современном российском обществе (по результатам исследования в Г. О. Тольятти) // Вестник ВУиТ. 2011. №8
- [2] Кортунов В. В., Зорина Н. М., Краснова О. Н., Котоков С. А. Социокультурные и мировоззренческие истоки гомофобии в России // Сервис +. 2015. №4.
- [3] Источник: отчет Международной ассоциации лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов(англ. International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association, сокр. ILGA) // URL: <https://rainbow-europe.org/country-ranking>
- [4] Тихомиров Д. А. Либерализация половой морали в современном мире // ЗПУ. 2015. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-polovoy-morali-v-sovremennom-mire>
- [5] Источник: Официальный сайт ночного клуба “Boyz Club”: URL: <https://www.boyz.info/aboutus>
- [6] Экман П. Психология эмоций. 2-е изд. – СПб: Питер, 2012.
- [7] Источник: Официальный сайт бара “Taboo Amsterdam” : URL <http://www.taboobar.nl/>
- [8] Источник: Официальный сайт ночного клуба “Escape club”: URL: <https://escapeclub.com/>

СПОРТ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.Н. Вернер

В работе проведен анализ теоретических концепций, затрагивающих аспекты социологии спорта, проанализированы имеющиеся социологические исследования, приведены результаты опросов общественного мнения по вопросам здорового образа жизни и места спорта в жизни молодежи. Отражены главные моменты развития программы ГТО в современной России, ее основные цели и задачи.

Ключевые слова: социология спорта, здоровый образ жизни, комплекс «Готов к труду и обороне», физкультура, спорт.

Укрепление и охрана здоровья людей и молодежи в частности – тема довольно часто обсуждаемая на всех уровнях: от индивидуального до государственного. Формирование здорового образа жизни – процесс, на который направлена деятельность федеральных и региональных программ в России. «Именно здоровье людей должно служить главной «визитной карточкой» социально-экономической зрелости, культуры и преуспевания государства. С этих позиций формирование системы сохранения и укрепления здоровья должно стать определяющим направлением деятельности государства» [1.С.54]

Спорт и физическое развитие играют важную роль на индивидуальном, общественном, национальном и глобальном уровнях. На индивидуальном уровне спорт улучшает личностные навыки и умения, здоровье и самопознание. На национальном уровне спорт и физическая активность способствуют экономическому и социальному росту, улучшают здоровье нации. На глобальном уровне оказывают положительное и продолжительное влияние на развитие и здоровье общества.

В современном мире спорт стал культурным явлением широкого масштаба и степени сложности. Спорт проник во все сферы жизни общества и взаимосвязан с различными общественными институтами, включая образование, экономику, здоровье, искусство,

политику, средства массовой информации и дипломатию. Его диапазон очень велик: почти каждый имеет какое-либо отношение к спорту, если не прямое, то косвенное.

В связи с тем, что спорт как социальное явление еще малоизучен, можно точно говорить, что этот термин несет разное значение. Спорт следует рассматривать как распространенное понятие, которое включает в себя множество значений воедино. Поэтому термин спорт в социологической интерпретации можно анализировать с четырех сторон: спорт как игровое событие, как формализованная игра, как социальный институт и как форма социального вовлечения [2. С.32-34].

- Спорт как игровое событие - спорт это определенные виды спорта, спорт является специализированным типом игры, элементарной единицей спорта является реальное игровое событие.

- Спорт как формализованная игра - характерная долговременная форма культуры и социальной структуры, представляющая собой единое сложное целое, где элементами являются нормы, ценности, правила, роли, санкции и правила.

- Спорт как социальный институт - организованная общественная система, которая контролирует, направляет и организует деятельность человека в спортивных ситуациях. Все спортивные организации являются частью спортивной системы.

- Спорт как форма социального вовлечения - любой социальный контекст, в рамках которого человек имеет отношение к спорту, формирует осмысленные намерения и более или менее приводит их в жизнь.

Знания в сфере социологии спорта, прежде всего, необходимы для осуществления тренерской деятельности. Прежде всего, эта наука ориентирована на поддержку тренеров, которые в процессе своей работы, тесно общаясь со спортсменом, вынуждены разрешать ситуации идеологического, культурного, этического и национального рода. Физическая реальность уступает место социокультурной. Каждый спортсмен обладает не только физическими качествами, но и уникальными социальными характеристиками. Также в этих знаниях нуждаются преподаватели и учителя физической культуры. Они должны подходить к процессу общения с учащимся или студентом, принимая во внимание социокультурные аспекты. Специфика работы преподавателя в том, что он работает с большим количеством учащихся, из которых не каждый заинтересован заниматься физической культурой. Этим отличается работа учителя от тренера, который работает с небольшим количеством спортсменов, занимающихся спортом профессионально, заинтересованных в достижении высоких результатов. И в-третьих, данная сфера близка к деятельности специалистов, работающих в сфере управления в спортивных организациях и клубах.

Спорт, как массовая деятельность, как любительский спорт, должен привлекать большое количество молодёжи, пропагандировать занятия физической культурой и ведение здорового образа жизни. Для этого необходимо понять, какие функции выполняет спорт в общественной жизни людей, какие цели преследуют общественные массы, занимаясь физической активностью и насколько важен уровень физического развития общества для государства.

Профессиональный спорт, в свою очередь, главной задачей ставит воспитание олимпийского резерва, профессиональных спортсменов, которые представляют страну на международных соревнованиях. Основной целью для профессиональных спортсменов является завоевание высших мест пьедестала на Чемпионатах Европы, Мира, Олимпийских Играх и Кубках, в составе сборной команды своей страны.

В процессе развития социологии спорта как науки, изучающей спорт как социальный институт, как социальное явление, взаимодействующее с другими сферами общественной жизни, ученые использовали различные подходы и теории в своих исследованиях.

К.Воквейн-Каплан, опираясь на исследования в области физической активности и спорта предлагает взять за основу ряд теорий в изучении данного явления:

- 1) Теорию функционализма (с точки зрения вклада спорта в развития общества);
- 2) Теорию конфликтов (анализ спорта с точки зрения экономики: деньги, статус);

- 3) Критическую теорию (влияние спорта на изменение культуры и социальных отношений);
- 4) Теорию интеракционизма (вопрос взаимодействия индивидов в процессе занятия спортом);
- 5) Феминистскую теорию (занятие спортом в зависимости от половой принадлежности) [10.С.19-24].

Сегодня интересом социологии физической культуры и спорта являются проблемы и вопросы развития и функционирования физической культуры и спорта, влияние на укрепление личностных качеств индивида, определения критериев физической культуры личности. Их можно сгруппировать в две основные, это - выяснение субъективного отношения различных социально-демографических групп общества к физической культуре и спорту; вторая - определение реально существующего мнения и отношения населения к занятию спортом, то есть реальная активная включенность индивидов в массовую физкультурно-спортивную деятельность. Под включением индивидов стоит понимать разновидности поведения индивидов, их реакции, желание познать положительное влияние спортивной деятельности.

Социологи выделяют следующие виды вовлечения: «поведенческое», «познавательное» и «эмоциональное». Также важным критерием определения вовлеченности нужно выделить активное занятие физической деятельностью. [4.С.21-23] Для определения спортивной активности населения используют понятия «частоты», «продолжительности» и «интенсивности» физкультурно-оздоровительной деятельности. Анализ включения населения дает представление:

1. О составе социальных групп, вовлеченных в сферу физической культуры и спорта, и их отношения к ней.
2. О различных формах включения в данный вид деятельности.
3. О факторах, положительно или негативно влияющих на процесс включения сферу физической деятельности.
4. О тенденции и динамике спортивной активности социальных групп, личности и общества в целом.

Исследования этой дисциплины играют важную роль в общественной жизни человека и дают ценную социологическую информацию. Методами сбора данных являются методы, используемые социологией: анализ документов, наблюдение за группами индивидов, а также устные и письменные опросы (интервьюирование и анкетирование).

Идея о необходимости сохранения и развития здоровья людей и формирования у них здорового образа жизни не является новой. Важно отметить, что отношение студента, да и любого другого человека, к своему здоровью – это внутренний механизм саморегуляции деятельности и поведения. То есть с одной стороны отношение к здоровью отражает опыт индивида, а с другой – оказывает существенное влияние на его поведение. Молодые люди достаточно уверенно ставят здоровье на первые места в иерархии жизненных ценностей и приоритетов [5.С.88-94], но при этом, как показывают социологические исследования, они не особо следят за его состоянием. Причина такого несоответствия заключается в том, что зачастую здоровье воспринимается как нечто безусловно данное, само собой разумеющееся, и потребность в нем возникает только в ситуации дефицита. То есть при полном физическом, психическом и социальном благополучии потребность в здоровье не замечается ни студентами, ни людьми в целом. Потребность в здоровье просыпается лишь в случае необходимости по мере его утраты.

Здоровье студентов во многом определяется особенностями студенческого периода, который, в свою очередь, сопровождается особыми психическими нагрузками и повышенными требованиями. Вместе с тем не может не вызывать тревогу низкий уровень здоровья студенческой молодежи. Ежегодно до 70% абитуриентов, поступающих на первый курс различных вузов страны, имеют те или иные отклонения в состоянии здоровья, причем за время обучения в вузе у студентов происходит дальнейшее ухудшение здоровья,

обусловленное как объективными, так и субъективными причинами [3.С.10-14], что подчеркивает актуальность рассматриваемой проблемы. О социальной значимости данной проблемы свидетельствует и тот факт, что снижение показателей здоровья молодежи отрицательно отразится на состоянии здоровья в последующие периоды их жизни, что приведет к вступлению в активный трудоспособный возраст одного нездорового поколения за другим. Именно поэтому вопросы сохранения и укрепления здоровья молодежи являются особенно актуальными.

Термин «здоровый образ жизни» может интерпретироваться по-разному. Это достаточно широкое понятие, которое включает в себя множество взаимосвязанных элементов, помогающих человеку чувствовать себя активным, сильным и здоровым. Представители философско-социологического направления рассматривают здоровый образ как глобальную социальную проблему, составную часть жизни общества в целом. В психологии и педагогике рассматривается с точки зрения сознания и мотивации человека, в медицине - как способ укрепления и поддержания здоровья. Здоровый образ жизни можно определить как все те действия в поведении человека, которые благотворно влияют на его здоровье и способствуют его сохранению и укреплению. Можно выделить следующие элементы ЗОЖ: прежде всего, это установка жизненных целей индивидом и мотивация, стремление их выполнять, далее воспитание с раннего детства здоровых привычек и навыков, отказ от вредных привычек, здоровое и правильное питание. Важнейшим элементом, в совокупности с ранее перечисленными, является физическая активность, то есть занятия спортом или физкультурой. Все эти элементы взаимосвязаны между собой, и если человек, стараясь вести здоровый образ жизни, не исключает ни один из них, это эффективно влияет на его здоровье, улучшает состояние физической формы. Формирование здорового образа жизни, как основы хорошего самочувствия индивида и улучшения состояния физической формы осуществляется на трех уровнях:

1. Социальном: пропаганда ЗОЖ и информационно- просветительская работа в обществе и его отдельных подсистемах (СМИ, реклама в учебных учреждениях и т.д.)

2. Инфраструктурном: создание комфортных условий в основных сферах жизнедеятельности. Сюда относится не только обустройство площадок и профилактических учреждений, но и наличие свободного времени и материальных средств для занятий спортом, правильного питания и здорового сна.

3. Личностном: система ценностей и жизненных ориентиров индивида, стандартизация бытового уклада. Человек в своем подсознании должен следовать элементам ЗОЖ, перестраивать свои привычки, отказываясь от курения, алкоголя в пользу правильного питания и правильного режима.

В современном обществе постоянно развивается тенденция вести здоровый образ жизни, связано это, прежде всего, с увеличением нагрузок на организм человека и усложнением общественной жизни.

Помимо таких элементов ЗОЖ как отсутствие вредных привычек, правильное питание, соблюдение режима, нам следует заострить внимание на физической активности молодёжи. В наше время ведется активная пропаганда отказа от курения (будь то сигареты или получившие широкое распространение вейпы) и распития алкогольных напитков, но, к сожалению, многие молодые люди подвержены негативному влиянию со стороны сверстников и не могут отказаться от пагубных привычек. Из-за неправильного питания большинство молодых людей страдают от лишнего веса, что негативно сказывается на работе внутренних органов. Курение плохо влияет на работу легких и сердечно-сосудистой системы. В сложившейся ситуации именно спорт помогает студентам и школьникам держать себя в хорошей физической форме, что напрямую влияет на их самочувствие. Даже при отсутствии материальной возможности заниматься спортом в секциях или фитнес-клубах, в распоряжении молодых людей есть огромное количество стадионов, дворовых спортплощадок и тренажеров, где можно в любое удобное время выполнять физические упражнения. Многие берут пример с Запада - бегают в парках, на набережных или просто на

улице. Кто-то предпочитает заниматься спортом в домашних условиях, например, йогой или гимнастикой цигун. У школьников и студентов первых курсов есть занятия по физкультуре. Какой именно разновидностью физической активности заниматься каждый решает сам, в соответствии со своим темпераментом, возрастом и возможностями. Это также могут быть: спортивная ходьба, велопрогулки, занятия в бассейне и т.д. Именно регулярные занятия спортом и физкультурой становятся определяющим фактором в улучшении здоровья молодого человека, его самочувствия и профилактики различных заболеваний.

По данным ежедневного опроса «ВЦИОМ-Спутник», уровень вовлеченности в спортивную жизнь в нашей стране растет с каждым годом: регулярно делают упражнения уже около четверти россиян. ВЦИОМ представляет данные исследования о физической активности россиян и соблюдении определенного режима питания. Доля физически активных граждан заметно выше среди 18-24-летних (97%) в сравнении с людьми преклонного возраста (67%). Из них лишь 20% занимающихся спортом молодых людей, выбирают в качестве места для занятий свою квартиру или дом. С 2006 года общие показатели регулярных занятий спортом увеличились с 9% до 23% на 18 мая 2017г. Больше половины наших сограждан соблюдают тот или иной режим питания, 30% стараются есть здоровую пищу, практически каждый четвертый опрошенный сетует на отсутствие возможности следить за своим рационом ввиду нехватки денежных средств.

Для современной российской молодежи, вступающей во взрослую жизнь, здоровый образ жизни и спорт очень важны. Это ценности, оказывающие влияние на их ежедневное поведение. Молодые отказываются от алкоголя и курения, занимаются спортом, следят за своим питанием» [8].

Однако стоит отметить, что в наше время спорт стал не только залогом здорового образа жизни, он стал коммерческим видом деятельности, где помимо социальных связей возникают экономические отношения между индивидами, спортивными организациями, крупными корпорациями и государством. Спортивная сфера привлекает большую массу денежных ресурсов страны. Многие социальные объекты строятся за счет материальных вложений государственных компаний и фондов поддержки. Это дает толчок в развитии детского спорта и способствует популяризации физической культуры среди населения.

Мировой профессиональный спорт привлекает сотни миллионов зрителей. Здесь уже речь идет о спорте, как о предпринимательской деятельности, как о способе зарабатывания денег. Деньги и спорт стали практически тождественными понятиями в современном мире. Возникает потребность в изучении разных слоёв населения, в их возможности и желании тратить деньги на различные спортивные мероприятия. Можно смело предположить, что занятие физической активностью зависит от уровня доходов семьи или отдельного индивида. Если доход небольшой вряд ли человек сможет оплатить занятия в спортивной секции или купить абонемент в фитнес клуб.

Спортсмены стали одними из самых богатых и популярных людей на планете, которые задают тенденции моды, манеры поведения. Абонемент в элитный фитнес клуб за сотню тысяч рублей - норма для представителей высшего класса. Их потребность не является обычной потребностью в занятиях спортом, это скорее показатель их материального положения: покупая дорогой абонемент, они стараются стать объектом общественного мнения, объектом обсуждений.

По статистике ВЦИОМ лишь каждый пятый владелец абонемента фитнес клуба посещает его регулярно. Здесь можно отметить нежелание самих граждан заниматься спортом или отсутствие потребности. Хотя некоторые считают, что имея абонемент в спортивный зал, они относятся к людям активно занимающимся спортом. В чем сильно заблуждаются. Каждый четвертый жалуется на плохое здоровье (23%). Пятая часть честно соглашается с тем, что им просто не хватает силы воли для похода в спортзал (21%). Поэтому исследуя активность населения в спорте важно не упускать из внимания переменные частоты и регулярности занятий физической культуры.

По данным исследования Фонда Общественное Мнение (ФОМ) [9] «Физкультура и спорт в жизни россиян» наибольшей популярностью среди населения пользуются бег, спортивная ходьба и посещение фитнес-центров или тренажерного зала. Среди желающих заниматься спортом, 22% называют главной проблемой ограниченность по времени или лень, а 30% опрошенных вовсе не хотели бы заниматься никаким видом спорта. Также выяснили, что 34% россиян делают по утрам зарядку (пожилым людям вопрос не задавался). Мужчины чаще занимаются спортом, чем девушки. В возрасте от 18 до 30 лет люди активнее занимаются физической культурой. Также на занятия спортом влияют доход и территориальная принадлежность человека, доход должен составлять не менее 20 тысяч рублей, а жители городов, население в которых больше миллиона, составляют 31% от общего числа населения занимающихся спортом.

Из 25% респондентов, кто занимается спортом- 7% тратят менее часа на одно занятие, 13% тратят от часа до двух часов, 3%- от двух до трёх часов, 1%- более трёх часов и 1%- затрудняются ответить. Большинство из них 15% ответили, что в их городе, селе или поселке достаточно условий для занятий определенным видом спорта, 10%- недостаточно.

Большая часть россиян уверены, что в советское время людей в хорошей физической форме было больше. Они объясняют это хорошим развитием массового спорта, многочисленностью кружков, спортивных секций и организаций. По данным опроса ФОМ две трети россиян, оценивая свою фигуру и физическое состояние, полагают, что находятся в хорошей форме, а 79% респондентов говорят, что стремятся к этому. Среди респондентов 18-30 лет, 77% считают, что находятся в хорошей физической форме, 14% считают свою форму плохой и 9% затрудняются ответить. К главным причинам плохого состояния своей физической формы респонденты относят ухудшение здоровья, лишний вес, малоподвижный образ жизни и вредные привычки. Стоит отметить, что большая часть людей в возрасте от 18 до 30 лет стремится улучшить свою физическую форму 83% против 17%, кто не желает совершенствоваться физически.

Чтобы оставаться в хорошей форме, граждане считают, что нужно делать зарядку или заниматься спортом, вести активный и здоровый образ жизни, правильно питаться.

Важную роль в формировании здорового образа жизни граждан играет комплекс нормативов «Готов к труду и обороне». Он способствует физическому развитию населения, его по праву можно назвать основой физвоспитания страны, которая в скором времени может стать массовым физкультурным движением, как это было во времена СССР. Перед комплексом «ГТО» ставят следующие цели и задачи:

- эффективное использование потенциала физической культуры и спорта для укрепления здоровья людей, всестороннее развитие личностных качеств гражданина, патриотическое воспитание молодёжи;
- увеличение числа граждан систематически занимающихся спортом;
- повышение уровня физической подготовки и продолжительности жизни граждан Российской Федерации;
- формирование у населения потребности в ведении активного и здорового образа жизни, выработывании желания самостоятельно заниматься спортом и физически совершенствоваться;
- многоплановое развитие массового, детско- юношеского, школьного и студенческого спорта, модернизация системы физического воспитания.

В подготовке к выполнению и к непосредственной сдаче нормативов всероссийского комплекса ГТО допускаются граждане различных возрастных групп, начиная от 6 лет и до 70 лет и старше. Нормативы подразделяются на 3 уровня сложности, соответствуя золотому, серебряному и бронзовому значкам ГТО. Сам комплекс основывается на принципах добровольного участия, доступности, обязательности медицинского контроля, уважения региональных особенностей и традиций различных народов.

Современная система ГТО состоит из 11 ступеней, пять из которых - для школьников, шесть - для взрослых. В каждой предусмотрены свои нормативы. Например, у школьников

обязательными на первой ступени являются бег на короткие дистанции или подтягивание и специальные дисциплины, разработанные для данной категории: челночный бег и наклон из положения стоя. Самыми тяжелыми испытаниями, являются те, что предлагаются для мужчин от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет, они относятся к шестой ступени норм ГТО. Сюда относят такие испытания как: рывок гири, которое по желанию участника можно заменить на подтягивание из виса, бег на лыжах или кросс на 5 км, стрельба из винтовки, плавание и прочие.

Главным достоинством нынешней программы ГТО является добровольное участие всех желающих, поэтому с каждым годом их количество неизменно растёт. Для этого может быть множество причин. Например, многие представители нового поколения стараются соблюдать семейные традиции, желают стать частью спортивного комплекса ГТО и получить знак. Некоторые, с помощью выполнения нормативов спортивного комплекса пытаются доказать себе, своим сверстникам или коллегам по работе, что они сильные, быстрые и ловкие. Единственное условие участия в спортивном проекте- желающий должен взвесить свои спортивные возможности и физическое состояние, а также иметь медицинский допуск.

Возобновление программы ГТО в школах и как проекта всеобщей доступности организаторы считают принципиально важным для формирования у молодёжи целеустремленности, уверенности в своих силах и дисциплинированности, а старшее поколение имеет возможность сдать нормы ГТО, подтянуть свою физическую форму или активно провести свободное время, вспомнить годы своей молодости.

В исследовании ФОМ «ГТО: Готов к труду и обороне или Горжусь тобой, Отечество» (2014 г.) изучалось отношение людей к возрождению программы ГТО, их желание участвовать в сдаче нормативов и мнение граждан. Опираясь на результаты исследования, можно заметить, что большинство опрошенных граждан положительно относятся к возвращению комплекса ГТО: это приучает людей к занятиям спортом и в целом укрепляет здоровье, полагают они. Не одобряют идею лишь 5%; 22% затрудняются ответить. Сегодня хотели бы попробовать сдать нормы ГТО 36% россиян, а среди молодёжи 60%. В целом большая часть россиян осведомлена о существовании физкультурного комплекса ГТО: 52% знают о ГТО, 21% что-то слышали, 24% слышат впервые и 2% затрудняются ответить. Среди граждан старше 32 лет нормы ГТО сдавали 44% респондентов, из которых 26% получили значок ГТО. Положительно относятся к возрождению программы ГТО 73% граждан, 5% негативно и 22% не могут определиться. Россияне, которые хорошо относятся к физкультурному комплексу ГТО, говорят что комплекс развивает физические способности людей, укрепляет здоровье, приобщает к спорту и здоровому образу жизни. Малая доля населения выделяет такие положительные моменты влияния программы ГТО, как отказ от вредных привычек, алкоголя, наркотиков, воспитание патриотически настроенной молодежи, укрепление дружбы между людьми и среди прочих: готовность молодых людей к армии, к чрезвычайным ситуациям, возрождение старых традиций [7].

На сегодняшний день социальные проблемы в сфере спорта остаются не до конца изученными и освещенными в обществе, они отражаются на образе жизни молодёжи и их поведении. Для более полного понимания роли и функций спорта в жизни общества необходимо проводить исследования, касающиеся отношения людей к спорту, физкультуре, ведению здорового образа жизни. В большей степени социологические исследования необходимо проводить среди молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Брехман, И.И. Валеология – наука о здоровье. 2-е изд., доп., перераб. М.: Физкультура и спорт, 1990
- [2]. Захаров М.А. Социология спорта: учебно-методическое пособие // 2-е изд., перераб. и доп. - Смоленск: СГАФКСТ, 2008.

- [3]. Козина Г.Ю. Физкультурно-оздоровительная деятельность как социальный фактор формирования здоровья современной студенческой молодежи»: автореферат – Пенза, 2007.
- [4]. Лебедева Е.В. Социальный портрет современного молодого поколения // Социология и общество: пути взаимодействия: материалы III Всероссийского социологического Конгресса ИС РАН – Москва, 2008.
- [5]. Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. Особенности образа жизни и отношения к здоровью российских студентов (на примере МГУ и РУДН)// Социологические исследования. 2017. №8.
- [6]. В.И. Столяров «Социология физической культуры и спорта. Глава 1.2 Основные направления соц. исследований.
- [7]. ГТО: Готов к труду и обороне или Горжусь тобой, Отечество [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11311>
- [8]. Пресс-выпуск №3367. Делай зарядку, ешь, пей – и не болей! [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116200>
- [9]. Физкультура и спорт в жизни россиян [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11262>
- [10]. Volkwein-Caplan K. Sociology of sport – fitness – physical activity // Sport, Culture & Society. 2013. Vol. 12. No. 1.

ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Д.А. Щербакова

В статье обозначены основные препятствия на пути внедрения системы инклюзивного обучения в российское образовательное пространство, а также представлены результаты ряда исследований, которые были проведены в разных регионах России для оценки готовности общественного мнения принять ценности инклюзии в качестве основной модели развития образовательной системы страны. Кроме того, автор приводит небольшую историческую справку о развитии инклюзивного обучения в рамках зарубежной системы образования, чтобы обрисовать существующие здесь возможности и ограничения для отечественного образования.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное обучение, инвалидность, дети с ограниченными возможностями здоровья, российское образовательное пространство, зарубежный опыт.

Согласно последним статистическим данным [8], в России проживает свыше 12 миллионов инвалидов (9,2% населения страны), а по оценкам Агентства социальной информации этот показатель даже выше – не менее 15 миллионов. Из них 628 тысяч – дети в возрасте до 18 лет; детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) дошкольного возраста – 217 тысяч. Тенденция увеличения доли инвалидов характерна для всех стран мира, поэтому задача реализации инклюзивного обучения во всех его форматах и на всех образовательных уровнях становится приоритетным направлением социальной политики развитых стран. Основная идея инклюзивного образования – обучение детей с ОВЗ в обычных общеобразовательных организациях (школах, детских садах), включение их в общеобразовательную среду посредством оказания необходимой для этого поддержки [5]. Инклюзивное обучение предполагает не просто расширение границ и возможностей получения образования детям с ОВЗ: согласно Саламанкской декларации, все дети должны обучаться вместе всегда, когда это возможно, невзирая ни на какие различия, т.е. инклюзия – это «причастность обществу – группе друзей, соседей, школьному сообществу» [9].

Инклюзивное образование – это система обеспечения равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия индивидуальных потребностей и возможностей.

Для успешного внедрения системы инклюзивного обучения в России необходимо четко представлять проблемы, с которыми сталкивается подобная практика, начиная с того, что само понятие «инклюзивное образование» часто вызывает опасения, которые нужно преодолевать, если мы хотим развивать инклюзивную культуру. Кроме того, в России остро стоит проблема дефицита необходимого оборудования и технического оснащения, очевидны серьезные ограничения в использовании новых информационных технологий в образовательном процессе, которые обусловлены отсутствием информационно-технологической инфраструктуры (в учебных заведениях), программно-аппаратного обеспечения для технологий, предназначенных для детей с ОВЗ, и условий для создания технологической инфраструктуры, ориентированной на инклюзивное образование (удобство использования, доступность, гибкость, экономическая доступность, рентабельность и пр.) [5. С.226].

Выделяют и иные барьеры, затрудняющие реализацию принципов инклюзивного обучения в России. Кроме кадровой необеспеченности и отсутствия необходимых условий среды, следует отметить психологические барьеры, которые мешают полноценной социализации детей с ОВЗ как равных участников образовательной системы. Такие психологические барьеры есть и у детей с ОВЗ, и у «здоровых» детей, и у родителей (как «здоровых» детей, так и детей с ОВЗ), и у персонала дошкольных образовательных учреждений (далее – ДОУ). Особенности детей с ОВЗ провоцируют их определенную изоляцию и отчужденность, выпадение из образовательной среды: попадая в неподготовленные для их социализации условия дети с особыми потребностями вместо поддержки чувствуют еще большую оторванность от мира во «враждебной» среде, где нет ни специалистов, ни инфраструктурных условий для работы с ними. Не каждый ребенок с ОВЗ даже в комфортной среде сможет наладить общение со сверстниками: «здоровые» дети нередко воспринимают их как слишком «других» и потому проявляют агрессию (эмоциональную, вербальную, физическую).

Многие родители нетерпимо относятся к детям-инвалидам, в целом для россиян характерна психологическая неготовность принимать таких детей как полноправных членов общества. Родители детей с ОВЗ нередко сталкиваются с тем, что родители других детей не хотят, чтобы их дети учились в одном классе или даже школе с ребенком-инвалидом, поэтому не хотят отдавать своих детей в обычную школу, опасаясь насмешек, конфликтов, непонимания особых потребностей их детей и, соответственно, неадекватной реакции на их особые запросы и потребности. Родители «обычных» детей опасаются, что ребенок с ОВЗ (особенно с тяжелыми нарушениями) будет отвлекать педагога и детей, что снизит уровень их знаний. Усугубляет ситуацию профессиональная некомпетентность и неготовность многих учителей и других сотрудников образовательных учреждений к работе с детьми с ОВЗ – им нужно пройти специальную подготовку, чтобы ребенок с особыми потребностями мог получить от них квалифицированную помощь. Также педагоги должны уметь регулировать назревающие конфликты родителей («обычных» детей и детей с ОВЗ), помогая создавать инклюзивное образовательное пространство, оптимальное для удовлетворения потребностей любого ребенка.

Несомненно, затрудняет формирование данного пространства проблема «мы/другие». В теории наклеивания ярлыков для обозначения лиц с ОВЗ используется понятие «девианты», поскольку инвалидность рассматривается как отклонение от социальной нормы. Впрочем, более подходящий аналитический подход – концепция М. Фуко, согласно которой власть функционирует в логике разделения и стигматизации: нормальный – аномальный, опасный – безопасный [14. С.50; см. также: 12]. Иными словами, люди, отклоняющиеся от нормативного образа мужчины или женщины в заданном культурном пространстве, подвергаются стигматизации: дети, чья внешность или поведение не вписывается в общепринятые стандарты (например, с аутизмом), чувствуют себя «иными».

Стигматизированные дети-инвалиды исключаются из социального пространства здоровых детей, маргинализируются, чему способствует страх перед нетипичным ребенком, не соответствующим доминирующим идеалам социальной нормальности. Отчасти это объясняется тем, что нетипичный ребенок напоминает «здоровым» об угрозе собственному благополучию, актуализирует страх переноса последствий болезней с больного ребенка на здорового.

Проблема сегрегации «мы/другие» объясняется и отсутствием системы социального информирования: родители «здоровых» детей плохо понимают проблемы и запросы семей с детьми-инвалидами. Только в последние годы, когда в Россию упрочились понятия «инклюзия» и «доступная среда», началась повсеместная интеграция инвалидов в общество – на дискурсивном и практическом уровнях: проводятся спортивные и культурные мероприятия с участием людей с особыми потребностями, в средствах массовой информации публикуются материалы об их жизни. Но информации пока недостаточно: медийный дискурс все еще подкрепляет стереотипы здорового большинства, которые не оставляют шансов для «легитимной» жизни людям с ОВЗ, провоцируют их социальное исключение, отводя им в лучшем случае бенефициарный статус.

Только посредством инклюзии возможно снижение уровня изоляции и отчуждения «нетипичных» людей: они становятся более коммуникабельными и самостоятельными, перестают чувствовать свою «особость», вписываясь в социокультурное окружение. Инклюзия – процесс поддержки полноценного развития каждой личности: ликвидируются психологические барьеры и создаются условия для раскрытия потенциала каждого индивида. Однако необходимо время, чтобы изменить общественную позицию по отношению к тем, что не похож на большинство. В частности, педагоги школ должны быть не только морально устойчивыми и обладать профессиональной компетентностью, но и выступать примером инклюзивной культуры, проявляя гуманность, милосердие, доброту и терпение к каждому ребенку, не теряя чувства меры и самообладания. Личным примером педагог учит «здоровых» детей толерантному отношению к детям с особыми потребностями.

У модели инклюзивного обучения есть противники, которые апеллируют к ряду аспектов образовательного процесса. В частности, к программе, которую «обычный» ребенок должен усвоить в определенные сроки: они считают, что ребенок с ОВЗ не может осваивать программу наравне с остальными детьми согласно государственным образовательным стандартам, а уделять ребенку с ОВЗ больше внимания в ущерб остальным детям педагог не имеет права). Противники инклюзии предлагают обучать детей с ОВЗ в специальных учебных заведениях, где для них созданы специальные условия. Также они апеллируют к проблеме оценки результатов обучения: они сравниваются с эталоном для группы и возраста ребенка, и делаются выводы о его успехах и о качестве работы педагога. Противники инклюзии утверждают, что ребенок с ОВЗ не сможет работать в том же темпе, что остальные дети, и его низкая результативность будет отрицательно влиять на всю группу и оценку работы педагога.

С учетом аргументов противников инклюзии можно предположить несколько вариантов развития ситуации. (1) Отказаться от внедрения инклюзии в образовательное пространство, признав, что инклюзивное обучение создает проблемы для педагога и отрицательно влияет на ребенка с ОВЗ, поскольку он неизбежно будет чувствовать себя «аутсайдером», что скажется на его социализации. Этот вариант развития событий в России невозможен, потому что страна подписала ряд международных документов, закрепляющих за каждым ребенком право на образование и рассматривающих инклюзию как первостепенную задачу системы образования (разработаны соответствующие федеральные государственные образовательные стандарты). (2) Западная образовательная система нередко предлагает ограничиться социальной инклюзией: ребенок большую часть времени проводит со «здоровыми» детьми, но занимается по индивидуальной программе, и главная задача образовательного учреждения – включить ребенка в социальные процессы. (3) Оценивать ребенка по индивидуальной шкале: образовательная система признает, что

уровень «здоровых» детей не достигим для ребенка с ОВЗ. (4) Создавать специальные условия для ребенка с ОВЗ, для его индивидуальной образовательной траектории, ориентированной на постоянную поступательную динамику: образовательный процесс следует не по заранее проложенному специалистами маршруту, а в соответствии с программой, в которой намечены основные пути продвижения ребенка в предметной области. Вероятно, четвертый вариант наиболее соответствует духу инклюзивного обучения, потому что учитывает различия образовательных потребностей и возможностей детей и стремится устранить сегрегацию и дискриминацию в образовательном пространстве.

Несомненно, будучи значимым ресурсом, социальным благом и инновацией, инклюзивное обучение содержит в себе определенные риски «немедленной тотальной инклюзии» и «безудержного восхваления ее прелестей» [4; 6]. Внедрение инклюзивного обучения, безусловно, является рискованным, как любая инновация в условиях нестабильного процесса изменения образовательных стандартов, ресурсных ограничений и социальной неопределенности [1; 4]. Согласно недавнему исследованию во Владивостоке (методом анкетирования было опрошено 350 респондентов: 250 родителей и 100 педагогов), для города характерна низкая заинтересованность в сведениях об инклюзии: имеют представление и интересуются вопросами инклюзивного обучения 25%, имеют поверхностные знания о вопросе 63%, и 12% с данным понятием не знакомы. Отношение родителей к инклюзивному образованию зависит от таких факторов, как пол, возраст, образование, род занятий: более заинтересованы женщины (80%) и члены полных семей (63%); отцы отказывались принять участие в исследовании в 90% случаев, мотивируя отказ отсутствием времени и непониманием сути проблемы. Опрос показал, что 18% уверены в том, что совместное обучение окажет положительное влияние на нравственное воспитание детей и поможет подготовить общество к принятию людей с ОВЗ, но при этом родители затрудняются ответить на вопрос о том, какие дети, с какими ограничениями, могут посещать детский сад. Больше половины респондентов (67%) считают, что совместное обучение окажет положительное воздействие только на детей с ОВЗ, потому что общение со здоровыми сверстниками даст им возможность быстрее адаптироваться к окружающему миру; 15% не видят положительного влияния инклюзии и считают, что совместное обучение может нанести вред всем участникам образовательного процесса.

Результаты другого опроса, проведенного в 2016 году в Омске, показали, что мнения респондентов относительно инклюзивного обучения в ДОУ разделились: 46% уверены, что подобное образование невозможно; 24% считают, что инклюзивное обучение возможно, но общество к нему не готово; 10% полагают, что инклюзивное обучение необходимо, но для его эффективной реализации требуется изменить систему образования, что может вызвать негативную реакцию общества; 13% считают, что переход к инклюзивному образованию необходим, но будет трудным; 7% респондентов полагают, что реализовать инклюзивное образование можно уже сегодня. Ответы на вопрос «С какими ограниченными возможностями здоровья, по Вашему мнению, дети могут обучаться совместно?» распределились следующим образом: 19% допускают совместное обучение с детьми, имеющими проблемы в опорно-двигательной системе, 11% – с легкой формой аутизма, 50% – не готовы видеть детей с ОВЗ в общеобразовательном классе, 20% – затруднились ответить. Таким образом, опрошенные пока не готовы принять инклюзию, поскольку не понимают, как эта система будет реализована.

Российское образование вполне может опереться на зарубежный опыт обеспечения безбарьерной образовательной среды, идея которого зародилась в ООН в 1945 году. Международный опыт показывает, что развитие системы инклюзивного образования – долгосрочная стратегия, требующая терпения, последовательности, непрерывности, поэтапности и комплексного подхода. Опыт разных стран показывает, что глобализация, увеличивая многообразие культур, языков и социально-экономического положения учащихся, делает задачу перехода к инклюзивному образованию многомерной и жизненно необходимой. Как показывают исследования [2; 3; 5 и др.], процесс включения детей с ОВЗ

в общую систему обучения в разных странах происходит по-разному, с учетом конкретных социокультурных условий. Так, система инклюзивного образования в США была введена «Законом об образовании индивидов с аномалиями» (1990). В России реализация прав детей с ОВЗ на обучение считается одной из важнейших задач государственной политики, что подтверждается законом «Об образовании в Российской Федерации» (2013) и Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (2014).

В Англии, Германии и Швеции с начала XX века до середины 1960-х годов основной акцент делался на оказании помощи детям с ОВЗ посредством круглосуточного ухода и лечения в специализированных учреждениях. С середины 1960-х до середины 1980-х годов меняется подход к работе с детьми с ОВЗ: появляется новая модель, которая отвечает за привлечение общественности к участию в защите прав и интересов детей с ОВЗ, а также в их интеграции в общество. С середины 1980-х до начала 1990-х годов формируются основные принципы организационного решения образовательных задач для детей с ОВЗ, которые стали фундаментом новой системы обучения: она включает в себя вовлечение родителей, а также оказание всей необходимой медицинской и психологической помощи. С начала 1990-х годов оформляется инклюзивный подход, который предполагает разработку педагогического, методического и специального обеспечения вовлечения детей с ОВЗ в образовательный процесс на равных с другими детьми условиях.

В марте 1990 года в Таиланде была принята Всемирная декларация образования для всех, согласно которой необходимо принять меры по обеспечению равного доступа к образованию всех категорий инвалидов, чтобы их обучение стало неотъемлемой частью системы общего образования. Таким образом, вектор развития образования для детей с ОВЗ направлен сегодня не столько на интеграцию, т.е. создание специальных условий для детей с особыми потребностями в рамках существующей системы, без изменения самой системы, а на инклюзию, где не ребенок подстраивается под систему, а система – под ребенка.

Важнейшим документом в развитии системы инклюзивного обучения является Саламанкская декларация, которая определяет инклюзию как реформу, поддерживающую и приветствующую различия и особенности каждого ученика. После принятия этого документа ускорилась разработка содержательных аспектов инклюзивного образования. Первой такой разработкой стали научные рекомендации об обучении детей с ОВЗ на основе следующих принципов: учащиеся с особыми потребностями посещают те же школы, что и здоровые дети; обучаются совместно, но имеют индивидуальные особенности личностного и образовательного развития; цели инклюзивного обучения – разработка философии обучения и воспитания детей с ОВЗ; формирование системы материально-технического, правового и педагогического обеспечения данного вида обучения; подготовка педагогических и медицинских кадров к работе с детьми с ОВЗ. В 1998 году в Великобритании в рамках программы «Спасите детей» была создана организация семей с детьми-инвалидами, которая сыграла важную роль в реализации принципов Саламанкской декларации; к 2000 году организация превратилась в официальную общественную Ассоциация родителей детей-инвалидов, цель которой – защита прав и свобод детей с ОВЗ.

В России к инклюзии обратились много позже, и причиной отказа от сегрегационной системы обучения детей с ОВЗ стала гуманизация системы образования. В новый курс социальной политики вошла задача создания безбарьерной среды (программа «Доступная среда» – 1992), был принят ряд документов, гарантирующих создание всех необходимых условий для обучения детей с ОВЗ (Проект «Интеграция лиц с ОВЗ» – 1992, письма Министерства образования Российской Федерации в 1990-е годы). Для индивидуализации процесса обучения были разработаны разные педагогические подходы: прослушивание аудиозаписей для слабовидящих детей, дополнительное время для завершения заданий, замена письменной работы устной и др.

Таким образом, формирование успешной инклюзивной среды – масштабный и сложный проект, стратегической задачей которого является инклюзия – естественный

процесс включения каждого индивида не только в образовательную среду, но и во все сферы жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2.
- [2] Брызгалова С.В., Зак Г.Г. Инклюзивный подход и интегрированное образование детей с особыми образовательными потребностями // Специальное образование. 2010. №3.
- [3] Коркунов В.В., Брызгалова С.О. Современная модель специального образования в контексте интеграции ребенка со специальными образовательными потребностями с общеобразовательной средой // Специальное образование. 2006. №9.
- [4] Малофеев Н.Н. Похвальное слово инклюзии или речь в защиту самого себя // Научные исследования в образовании. 2011. №11. Вып.6.
- [5] Малофеев Н.Н. Инновационные тенденции развития специального образования в Российской Федерации // Специальное образование: традиции и инновации. Минск, 2010.
- [6] Назарова Н.М. Системные риски инклюзивного и специального образования в современных условиях // Специальное образование. 2012. №3.
- [7] Нурбекова М.А., Рахымбердиева А.В. Актуальные проблемы инклюзивного образования // Инновации в образовании: поиски и решения. Екатеринбург, 2015.
- [8] Положение инвалидов в Российской Федерации // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities.
- [9] Сообщества несут пользу школам: Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями: доступность и качество // <http://rud.exdat.com/docs/index-827449.html?page=4#4116385>.
- [10] Троцук И. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. 2014. Т.13. №2.
- [11] Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a.
- [12] Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Д.А. Захарьян

В настоящее время проблема адаптации и обучения детей-инвалидов в обществе стоит достаточно остро. Одним из ее механизмов является инклюзивное образование. Многие страны уже на протяжении нескольких лет практикуют такой вид обучения детей с ограничениями по здоровью. Россия в настоящее время находится на пороге внедрения подобной системы образования. Однако остается открытым вопрос о том, насколько российское общество готово к появлению детей-инвалидов в обычных классах.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети-инвалиды, социализация детей-инвалидов.

Процесс обучения детей в образовательных учреждениях является неотъемлемой частью социализации их личности. Однако есть категории детей, к которым нужен особый подход: дети с какими-либо отклонениями по здоровью (физические, умственные, психические и т.д.). Для обучения этой категории детей часто используются либо специальные учреждения, которые направлены на работу исключительно с такими детьми. Некоторые родители прибегают к помощи преподавателей, которые занимаются с детьми в домашних условиях.

Во многих странах (Франция, Испания, США, Финляндия и т.д.) сейчас активно практикуют инклюзивное образование. Оно заключается в том, что дети с различными ограничениями по здоровью имеют возможность обучения со своими сверстниками в обычных образовательных учреждениях.

Такой способ обучения дает возможность детям с ограниченными возможностями иметь равные права со здоровыми детьми и подчеркивает доступность образование для всех членов общества, никого не дискриминируя. Кроме того, инклюзивное образование позволяет детям-инвалидам общаться со своими сверстниками, что играет важную роль в социализации ребенка.

Инклюзивное образование основывается на восьми основных принципах:

- 1) Ценность человека не зависит от его способностей и достижений;
- 2) Каждый человек способен чувствовать и думать;
- 3) Каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным;
- 4) Все люди нуждаются друг в друге;
- 5) Подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений;
- 6) Все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников;
- 7) Для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут;
- 8) Разнообразие усиливает все стороны жизни человека. [2]

Большое влияние на пересмотр государственной политики в сфере образования детей с ограниченными возможностями оказали социально-экономические и политические изменения, которые происходили в европейских странах и в США XVIII-XIX вв. В этот период рядом стран были принят закон об обязательном бесплатном начальном образовании для всех детей. Это положило начало развитию специализированных учебных заведений, которые разрабатывали и применяли специальные методы работы с детьми, которые имеют ограничения по здоровью.

Так, в 1778 г. в Лейпциге создатель «чистого устного метода» С. Гейнике основал первый в Германии Институт для глухонемых. В 1806 г. немецкий тифлопедагог А. Цейне в сотрудничестве с французским педагогом В. Гаюи открыли первое учебное заведение для слепых детей в Германии; в 1873 г. появилось второе учебное заведение для детей с таким же отклонением в Саксонии, а в последующие десятилетия специальные школы для обучения и воспитания слепых и глухонемых детей появились практически на всей территории Германии. [9] Аналогичные образовательные учреждения стали появляться во Франции, Англии и США. Чаще всего они образовывались на базе крупных учебных заведений (университеты и институты), благотворительных фондов, которые имели достаточно хорошее спонсирование.

С этого момента начались изменения в общественном сознании по отношению к детям с ограниченными возможностями. Однако, несмотря на это, в сфере образования в большинстве учебных заведений стран Европы и США продолжал сохраняться сегрегационный подход. После второй мировой войны силу приобретают идеи гуманизма, которые служат толчком для создания Организации Объединённых Наций. В последствие она стала инициатором провозглашения равных прав для детей с ограниченными возможностями в системе образования и обращает внимание государства и правительства на вопросы обеспечения прав детей-инвалидов на получение ими качественного и доступного

образования, как и у здоровых детей. Правовой базой, которая была призвана обеспечить реализацию инициатив ООН, явилось создание следующих документов: «Всеобщая декларация прав человека» (1948 г.); «Декларация прав ребенка» (1959 г.); «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования» (1960 г.); «Декларация о правах умственно отсталых лиц» (1971 г.); «Декларация о правах инвалидов» (1975 г.) и т.д.

Образовательный процесс в современном мире с одной стороны достаточно вариативен и предлагает много путей для решения широкого круга проблем. Однако, с другой стороны, сейчас появляются общие тенденции, инклюзивное образование является одной из них. Оно позволяет бороться с такой проблемой общества как дискриминация, предоставляя всем детям одинаковый доступ к образованию. В каждой стране такой тип образования организован по-разному.

Доступность образования для всех категорий детей, например, в *Финляндии* закреплена на законодательном уровне. В законе прописаны возможности создания дифференцированной среды или интегративного обучения в зависимости от характера нарушений у ребенка. Также в Финляндии существует система государственных образовательных консультативных центров, которые оказывают помощь для детей с ОВЗ, их родителей и педагогов. Однако их количество очень ограничено, всего 7 на всю страну, что затрудняет доступ к ним, и дети могут попадать в них достаточно поздно. Также эффективной работе инклюзивного образования в этой стране мешает отсутствие единой базы детей с ограниченными возможностями, за которыми можно было бы наблюдать и вовремя интегрировать их в общество.

В Финляндии большое внимание уделяется методам и методикам работы с детьми с ОВЗ. Например, в Лапландском университете был создан специальный курс, направленный на обучение специалистов по работе такими детьми.

Формы реализации инклюзивного образования могут быть разными. Например, на муниципальном уровне в одном классе (25 учеников) могут быть образованы две группы (обычные школьники и школьники с ОВЗ). В обучение могут принимать участие несколько педагогов, один из которых специализируется на обучении детей с ОВЗ.

Поддержка обучающихся в Финляндии осуществляется следующим образом: дети с ОВЗ поступают в школу по месту жительства. В ней с такими детьми работает команда специалистов (директор, учитель, специальный педагог, помощник учителя, медицинские сестры). Регулярно эта группа собирается для обсуждения проблем конкретного ребенка. В случае возникновения проблем родители и учителя могут обратиться к психологу.

Также инклюзивное обучение реализуется в виде существования специальных классов в обычных массовых школах. В таких специальных классах обучаются, как правило, дети с более тяжелыми или со сложными нарушениями. С ними работают 2 - 3 специальных педагога и ассистент. Количество детей - до 10 человек. Каждый ребенок с ОВЗ имеет свой индивидуальный план обучения. По окончании школы они получают справку об окончании школы.[1]

В законодательстве *Швеции* также закреплена возможность детей с ОВЗ обучаться в обычных классах. Кроме того всю финансовую сторону данного вопроса государство берет на себя. Также во всех университетах уделяется большое внимание обучению специалистов по инклюзивному образованию.

Также как и в Финляндии, в Швеции в классах, в которых есть дети с ОВЗ, обычно работают два педагога. Кроме того, несколько часов в неделю группа из таких детей занимается отдельно со специалистом, который старается подготовить их для обучения только в обычном классе. Если ребенок испытывает какие-либо трудности при прохождении обучения, собирается комиссия, которая рассматривает сложившуюся ситуацию и принимает меры для ее разрешения.

В Швеции активно поддерживается интеграционная политика, поэтому коррекционные классы для детей с какими-либо отклонениями, создаются в обычных школах.

В *Норвегии* также существует своя система инклюзивного образования. Там созданы специализированные центры, которые оказывают помощь отдельным категориям детей (ранний детский аутизм, нарушение слуха, зрения и т.д.), однако на законодательном уровне это не закреплено.

Педагогов для преподавания в системе инклюзивного образования готовят в университетах, где у них есть возможность не только изучить методики работы с детьми-инвалидами, но и на практике ознакомиться с опытом реализации инклюзивного образования в европейских странах.

В обычных муниципальных школах дети с ограничениями по здоровью учатся в обычном классе. При этом помимо преподавателя, в классе присутствует ассистент, который наблюдает и оказывает помощь ребенку. В классе может присутствовать максимум один ребенок с ограничениями, которому оказывается сопровождение на период обучения. Необходимые специалисты определяются руководством школы исходя из конкретной ситуации. Финансовым обеспечением этих школ занимается муниципалитет, а не государство напрямую.

В *Италии* инклюзивное образование существует уже более 40 лет, поэтому около 90% всех детей с ОВЗ получают образование в обычных школах. У родителей есть возможность решить, нужен ли их ребенку «учитель поддержки», который будет ему помогать решать все проблемы или же ребенок все будет делать самостоятельно. Кроме этого, в стране существует отдельная база по детям с ОВЗ, в которую родители имеют возможность внести своего ребенка.

«Большинство учителей не отрицают интеграцию, но имеют серьезные проблемы по внедрению ее в жизнь класса. Они предпочитают переносить всю ответственность за обучение учащихся с отклонениями в развитии на плечи учителей поддержки. Кроме того, учителя предпочитают, чтобы учитель поддержки работал с такими учениками вне класса», – утверждают специалисты Института проблем инклюзивного образования. По их сведениям, проблемы развития образовательной интеграции в Италии связаны с тем, что процесс был начат без исследований нужд регионов, определения наличия необходимых специалистов. «Специальные занятия в течение 1 месяца не дали положительных результатов, многие учителя вообще не прошли обучения. Сотрудничество классного учителя и учителя поддержки часто оказывается проблематичным. Большинство учителей поддержки, работающие в старших классах, не имеют специальной подготовки», – добавили сотрудники Института. [11]

Однако в Италии также как и в России существует проблема, связанная с родителями здоровых детей, которые зачастую бывают против обучения их детей с детьми с ограниченными возможностями. К сожалению, сами педагоги не вовлечены в эту проблему и не пытаются переубедить таких родителей. Стоит отметить, что, несмотря на длительный опыт инклюзивного образования в стране, интеграция детей с ОВЗ в обычные классы развита слабо, также как и подготовка педагогов, которые ведут такие классы.

В *Дании* развитию инклюзивного образования уделяется большое внимание и контроль со стороны государства. Подготовка специалистов для работы в системе инклюзивного образования осуществляется на достаточно высоком уровне. В университетах создаются бакалавриаты и магистратуры для обучения педагогов, которые в последствие будут работать с детьми с ОВЗ. В рамках обучения будущих педагогов учат не только как действовать в конкретной ситуации, но и как общаться с таким ребенком, рассказывают методики преподавания дисциплин и социализации таких детей в классе. Помимо основного университетского образования, у будущих педагогов есть возможность посещения специализированных курсов.

В Дании родители имеют право обучать ребенка там, где они проживают. Реализуется это право конкретным образовательным учреждением, которое должно создать все условия для такого ребенка. В муниципальных органах образования есть специалисты (психологи, логопеды, специальные педагоги и т.п.), которые направляются в конкретную школу для

поддержки конкретных учащихся. В общеобразовательных школах обучаются как отдельные учащиеся с ОВЗ, так и группы таких детей. Таким образом, реализуется так называемый «дифференцированный подход» в инклюзивном образовании. С детьми с ОВЗ в течение учебной недели проводятся дополнительные виды занятий (вне классного коллектива). В такие группы могут объединяться дети из разных классов одной параллели с учетом их школьных трудностей. В школах создаются педагогические консилиумы, которые обсуждают проблемы реализации инклюзивного обучения конкретного ребенка. Педагоги школ активно вовлекаются в такую систему работы, которая пока находится на стадии формирования.[1]

Франция, так же, как и Италия, уже давно практикует инклюзивное образование. В этой стране существует четыре формы инклюзивного образования. При обучении по первой форме, основное время ученик проводит со своим классом, а во внешкольное время имеет дополнительные услуги, которые ему необходимы. Вторая форма также заключается в том, что основное время ребенок проводит в классе, а после уроков имеет дополнительные занятия по дисциплинам. Третий подход заключается в том, что основное время ребенок проводит в специализированном классе, в котором изучает все предметы, а оставшееся время он занимается вместе с обычными детьми. Четвертая форма инклюзивного образования базируется на том, что ребенок полностью обучается в специализированном классе, однако активно участвуя в жизни школы (праздники, спортивные соревнования и т.д.). Для каждого ученика в школе разрабатывается индивидуальный план обучения, который определяет условия протекания школьного процесса, а также педагогические, психологические, социальные, медицинские мероприятия, адекватные особым потребностям ребенка. Подготовка педагогов, которые работают с детьми с ОВЗ осуществляется в университетах.

Из опыта внедрения инклюзивного образования в европейских странах можно сделать вывод о том, что основой успешной реализации подобных программ является тщательно проработанная законодательная база, которая будет освещать как права и свободы определенной группы населения, так и механизмы контроля обеспечения этих прав. Не маловажным в данном вопросе является система подготовки педагогов, обладающих профессиональными знаниями в сфере методик работы с детьми с ОВЗ, а также образовательных учреждений, которые должны быть приспособлены для комфортного пребывания в них детей-инвалидов.

Однако пока ни одна из систем инклюзивного образования не является совершенной. Для создания идеальной системы необходимо не только учитывать опыт других стран, но и потребности рассматриваемой группы населения в конкретной стране.

В России в 2012 году был принят закон «Об образовании в РФ», который закрепляет равные права всех детей на получение образования на территории нашей страны, вне зависимости от их состояния их здоровья. Инклюзивное образование в этом законе трактуется как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей».[3] Закон разъясняет права ребенка с ограниченными возможностями, предоставляя ему право выбора; обучение в специализированном учреждении, либо в обычной школе.

Появление инклюзивного образования в России связано, прежде всего, с потребностью детей-инвалидов в общении со своими сверстниками. Помимо этого, присутствие в обычном классе ребенка с ограниченными возможностями, по мнению психологов, вызывает у обычных детей эмпатию, сочувствие, понимание чужих проблем, учит терпимости и толерантности. Однако здесь стоит отметить огромную роль школьных педагогов, которые должны помочь влиться в коллектив ребенку-инвалиду и не стать при этом «изгоем» в классе. Дети являются достаточно жесткими существами, вешающими ярлыки на сверстников, которые имеют какие-либо ярко выраженные отличия. В этой ситуации педагог должен не только следить за поведением учащихся, но и пытаться создать комфортную атмосферу обучения для ребенка-инвалида.

Ни для кого не секрет, что некоторым категориям детей-инвалидов (дети с умственными и психическими отклонениями) требуется специальный подход. Поэтому, при внедрении инклюзивного образования, педагоги должны проходить курс повышения квалификации, на которых их будут обучать методикам работы с такими детьми. В рамках этой потребности в вузах столицы, в том числе в Московском городском психолого-педагогическом университете (МГППУ) и Московского городского педагогического университета (МГПУ), была открыта магистратура по направлению "Организация инклюзивного образования", реализуется программа модульных курсов повышения квалификации специалистов образовательных учреждений.

Для ресурсного обеспечения образовательных учреждений, реализующих инклюзивную практику, в структуре МГППУ были созданы Институт проблем интегративного (инклюзивного) образования и Городской ресурсный центр по развитию интегративного (инклюзивного) образования. Интернет-портал "Образование без границ" является масштабной базой научно-методических знаний по инклюзивному и специальному образованию для родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, и специалистов образовательных учреждений.[3]

По данным мониторинга, проведенного социологами Российского университета дружбы народов, более 80% учителей проходили повышение квалификации за 2013-2015 гг. по проблемам обучения детей с ограничениями по здоровью (рис.1):

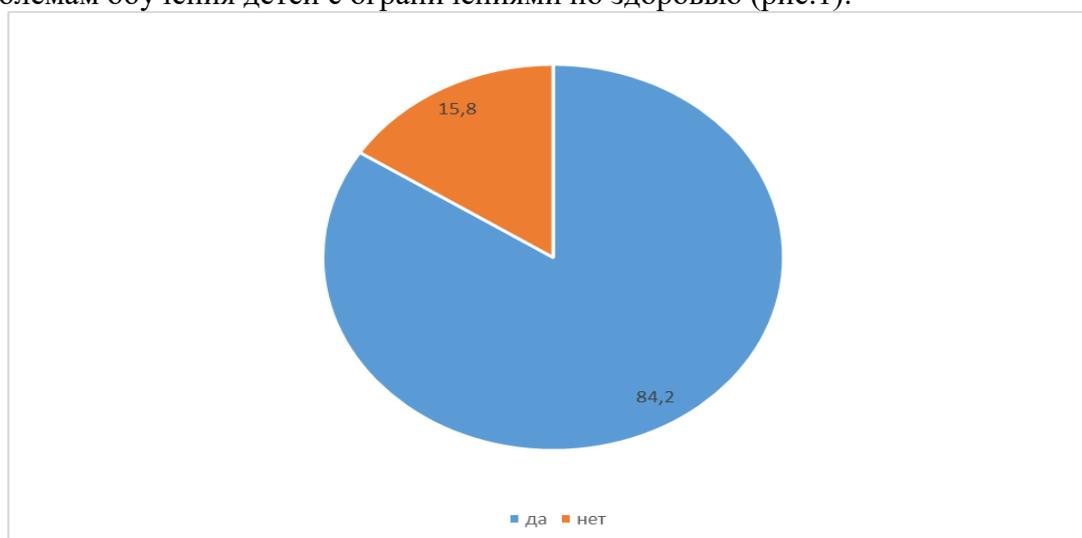

Рис. 1 Повышение квалификации по проблемам обучения детей с ОВЗ в 2013-2015 гг. [5]

Стоит отметить тот факт, что педагоги, работающие в регионах, чаще сталкиваются с детьми-инвалидами и имеют большую практику работы с ними, нежели учителя Московской области (табл.1):

Таблица 1.

Стаж работы с детьми с ОВЗ. Распределение по субъектам РФ. [5]

	До 3 лет	От 3 лет до 10 лет	От 10 лет до 20 лет	Свыше 20 лет	Никогда не работал(а) с детьми с ОВЗ
Воронежская область	0,0%	60,0%	40,0%	0,0%	0,0%
Еврейский Автономный округ	33,3%	50,0%	5,6%	11,1%	0,0%
Забайкальский край	25,0%	12,5%	18,8%	43,8%	0,0%
Ивановская область	0,0%	28,6%	42,9%	28,6%	0,0%

	До 3 лет	От 3 лет до 10 лет	От 10 лет до 20 лет	Свыше 20 лет	Никогда не работал(а) с детьми с ОВЗ
Калининградская область	19,2%	23,1%	30,8%	26,9%	0,0%
Липецкая область	14,3%	28,6%	42,9%	14,3%	0,0%
Московская область	25,0%	8,3%	0,0%	16,7%	50,0%
Мурманская область	12,5%	25,0%	50,0%	12,5%	0,0%
Омская область	16,0%	36,0%	16,0%	24,0%	8,0%
Республика Карелия	9,1%	18,2%	36,4%	36,4%	0,0%
Республика Бурятия	0,0%	0,0%	100,0%	0,0%	0,0%
Свердловская область	20,3%	25,7%	37,8%	16,2%	0,0%
Тамбовская область	0,0%	0,0%	100,0%	0,0%	0,0%
Ульяновская область	0,0%	50,0%	50,0%	0,0%	0,0%
Хабаровский край	11,4%	22,9%	51,4%	14,3%	0,0%
Ханты-Мансийский автономный округ	0,0%	35,3%	58,8%	5,9%	0,0%
Чеченская Республика	0,0%	85,7%	0,0%	14,3%	0,0%
Архангельская область	0,0%	0,0%	100,0%	0,0%	0,0%
Вологодская область	0,0%	0,0%	100,0%	0,0%	0,0%
Ленинградская область	8,8%	26,5%	29,4%	35,3%	0,0%
Санкт-Петербург	26,8%	26,8%	29,3%	17,1%	0,0%
Псковская область	25,0%	50,0%	12,5%	12,5%	0,0%
Удмуртская Республика	0,0%	33,3%	33,3%	33,3%	0,0%
Челябинская область	8,3%	20,8%	50,0%	20,8%	0,0%

В Москве в каждом округе были созданы ресурсные центры, которые помогают родителям определить ребенка в условия инклюзивного образования. Такие центры позволяют систематизировать опыт работы, транслировать систему инклюзивного образования в округе и развивать сетевое взаимодействие образовательных учреждений, реализующих инклюзивную практику, устанавливать партнерские отношения с родителями, общественными организациями, органами местного самоуправления. Ресурсный центр является основным координирующим звеном в организации инклюзивного образования в округе, в привлечении педагогов специального образования к решению вопросов и методическому обеспечению процессов инклюзии ребенка с ограниченными возможностями здоровья в обычные общеобразовательные школы. [3]

При внедрении инклюзивного образования в России возникло много трудностей, которые необходимо преодолевать. Эти трудности связаны с проблемами разного порядка, начиная от трансфера детей с ОВЗ до учебных заведений, необходимым медицинским обеспечением, заканчивая менталитетом наших граждан, уровнем толерантности и их восприятием рассматриваемой категории населения. К сожалению, в России пока отсутствует программа социальной интеграции детей-инвалидов, которая могла бы им помочь легко включаться в среду сверстников. Кроме того, темпы учебной программы здоровых детей иногда бывают сложно постижимыми для ребенка-инвалида, из-за чего часто преподаватель вынужден тратить больше времени на освоение материала классом.

Помимо работы с детьми, преподаватель должен уделять достаточное время для работы с родителями, т.к. институт семьи играет важнейшую роль в первичной социализации ребенка. Родители здоровых детей должны понимать позитивные и негативные стороны инклюзивного образования и осознанно на это соглашаться. Ведь то воспитание и те установки, которые даются ребенку в семье, впоследствии он использует в общении со сверстниками. Если родители негативно относятся к детям-инвалидам, призирают их, то их ребенок будет делать то же самое в классе. Задача преподавателя довести всю необходимую информацию и создать позитивный настрой не только среди одноклассников, но и среди их родителей, которые в дальнейшем смогут влиять на своих детей, приучая их к правильному, доброжелательному отношению с детьми, которые имеют какие-либо отклонения по здоровью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вольская О.В., Флотская Н.Ю., Буланова С.Ю., Усова З.М. Модели реализации инклюзивного образования в современном мире // Современные проблемы науки и образования – Москва, 2014. – № 6.
- [2] Инклюзивное образование //Электронная энциклопедия Википедия. Официальный сайт: https://ru.wikipedia.org/wiki/Инклюзивное_образование
- [3] Инклюзивное образование в России //Новостное агентство: РИА Новости. Официальный сайт// http://ria.ru/disabled_know/20130830/959635715.html#ixzz3z6R4GSrY
- [4] Инклюзивное образование. Выпуск 1. // Центр «Школьная книга» – Москва, 2010.
- [5] Отчет по проведению мониторинга внедрения ФГОС для детей с ОВЗ в общеобразовательных организациях, реализующих адаптированные основные образовательные программы для детей с ОВЗ и отдельных классов для детей с ОВЗ и его проведение // Российский университет дружбы народов – Москва, 2015.
- [6] Пузанова Ж.В. Концепция мониторинга целевых и комплексных программ для детей в субъектах РФ //ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. – Уфа, 2014.
- [7] Пузанова Ж.В. Методика мониторинга выполнения целевых и комплексных программ для детей в федеральных органах исполнительной власти и субъектах РФ: социальное и экономическое измерение // Общество: социология, психология, педагогика – Москва, 2014.
- [8] Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. Анализ деятельности образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность обучающихся с ограниченными возможностями здоровья // Общество: социология, психология, педагогика – Москва, 2015. – № 4.
- [9] Ратнер Ф. Л., Сигал Н. Г. История становления и развития идей инклюзивного образования: международный опыт // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2012. – № 12 (26).
- [10] Руководящие принципы политики в области инклюзивного образования – Изд.: ЮНЕСКО, 2009.

[11] Щербакова Т. Жить с болезнью: Заболевания детского и подросткового возраста - Инклюзия: за и против. – Москва, 2014.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, МНЕНИЯ, ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Л.Ю. Вакорина

Инклюзивное образование – не просто тренд, который является важной частью социальной политики, но и насущная необходимость любого общества, которая регламентируется правами и свободами любого человека. Статья представляет собой обзор основных проблем реализации инклюзивного образования, связанных с восприятием общественности в самом широком смысле слова и инфраструктурными сложностями.

Ключевые слова: инвалидность, ограниченные возможности здоровья, инклюзивное образование, отношение к инвалидам, материально-технические условия

На сегодняшний день основой реализации инклюзивного образования является закон «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве» от 28 апреля 2010 года, № 16. Он определяет инклюзивное образование как «совместное обучение (воспитание), включая организацию совместных учебных занятий, досуга, различных видов дополнительного образования, лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц, не имеющих таких ограничений».

Согласно словам министра образования О.Ю. Васильевой, более 21% школ и 16% детских садов в Российской Федерации способны обеспечить инклюзивное образование, больше половины родителей детей с особыми потребностями стали предпочитать такой формат индивидуальному обучению [2]. В обществе давно существует запрос на инклюзивное образование, однако остаются многие нерешенные проблемы и сложности в его реализации.

Обозначим некоторые тренды развития отношения к инклюзивному образованию, для чего сначала рассмотрим отношение общественности к инвалидам в целом.

В апреле 2013 ФОМ провел опрос на тему «Отношение к инвалидам». Опрошено 1500 человек в 100 населенных пунктах в 43 областях, краях и республиках России [7].

- 61% респондентов уверены, что с инвалидами надо общаться как с обычными людьми, в то время как треть полагает, что нужно общаться как-то по-особенному. (Ответы на вопрос: «Поговорим об инвалидах 1-й группы, которые не способны к самообслуживанию и передвижению без помощи специальных средств или других людей (инвалиды-колясочники, слепые и т.п.), то есть о людях с ограниченными физическими возможностями. Одни считают, что с такими инвалидами нужно общаться, как с обычными людьми. Другие полагают, что с ними нужно общаться как-то по-особенному. Какая точка зрения вам ближе?»).

- 66% опрошенных говорят, что не испытывают никакого дискомфорта при общении с инвалидами, в то время как каждый четвертый – ощущает, каждый десятый затруднился ответить (Ответы на вопрос: «Вы обычно ощущаете или не ощущаете дискомфорт, неудобство при общении с людьми с ограниченными физическими возможностями?»).

- Так на проективный вопрос о браке близкого человека с инвалидом 45% опрошенных сказали, что не стали бы в таком случае отговаривать его от такого шага, в то время как каждый пятый стал бы, а треть затруднилась. (Ответы на вопрос: «Если бы близкий вам человек собирался вступить в брак с таким инвалидом, то вы бы стали или не стали его отговаривать?»)

В августе 2015 года ВЦИОМ провел опрос «Инвалиды и мы: послесловие к инциденту в Нижнем Новгороде», приуроченный к ситуации, произошедшей с семьей Натали Водяновой. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России [1].

- Согласно результатам опроса, треть россиян в семье или среди друзей имеют людей с инвалидностью, причем чем старше опрошенные, тем больше среди них людей, у которых такие знакомые есть (Ответ на вопрос: «Есть ли у Вас в семье или среди друзей кто-то с инвалидностью, или среди Ваших друзей/родственников нет таких людей?»).

- 67% опрошенных утверждают, что в России созданы или не созданы равные возможности для трудоустройства и образования для людей-инвалидов (Ответ на вопрос: «Как Вы считаете, в России созданы или не созданы равные возможности для трудоустройства и образования для людей-инвалидов?»).

- Такие же оценки дают опрошенные о создании доступной среды в их регионах – 63% считают, что такая среда скорее не создана (Ответы на вопрос: «А в Вашем населенном пункте обеспечена доступная среда для детей-инвалидов или нет?»). Примечателен факт, что респонденты из городов-миллионников в большей степени, чем респонденты из Москвы и Санкт-Петербурга склонны полагать, что такая среда создана (46% в сравнении с 30%).

- На вопрос «Вы согласны или нет, чтобы в классе, где учится Ваш ребенок, учились бы также дети-инвалиды?» 73% опрошенных ответили утвердительно, причем нет значительной разницы в ответах тех, у кого есть знакомы-инвалиды и тех, у кого их нет.

По данным двух опросов, проведенных с разницей в 2 года можно видеть, что отношение к инвалидам становится теплее, если сравнивать два вопроса – проективный про брак в исследовании 2013 года и прямой про совместное обучение детей в 2015 году.

Другой опрос касается непосредственно инклюзивного образования и был проведен ФОМ в августе 2012 «Образование без границ: дети-инвалиды в обычных школах». Опрошено 1500 человек в 100 населенных пунктах в 43 областях, краях и республиках России [6].

- 45% опрошенных считали, что дети-инвалиды должны учиться вместе с остальными детьми, 35% - полагали, что отдельно (Ответ на вопрос: «Как вы считаете, дети-инвалиды должны учиться вместе с обычными детьми или они должны учиться отдельно?»).

- При этом треть уверены, что Министерство образования, а не родители должны отстаивать идею совместного обучения детей. Ответы на вопрос: «Как вы считаете, кто в первую очередь должен отстаивать идею совместного обучения детей-инвалидов и обычных детей?»).

- Отвечая на вопрос: «Одни считают, что при совместном обучении детей-инвалидов и обычных детей качество школьного образования ухудшится. Другие полагают, что этого не случится. Какая позиция вам ближе – первая или вторая?», 52% респондентов выбрали вторую точку зрения, 26% - первую, каждый пятый затруднился ответить.

- 52% считали, что детям-инвалидом будет плохо и некомфортно учиться вместе с остальными детьми, в то время как 39% считают, что плохо и некомфортно будет детям без инвалидности. (Ответы на вопрос: «Как вы думаете, детям-инвалидам будет хорошо, комфортно учиться вместе с обычными детьми или плохо, некомфортно?»).

В период с 2002 по 2016 гг. специалистами Саратова проводились анкетные опросы педагогических работников (N=400), учащихся массовых школ г. Саратова (N=500), их родителей (N=400) с целью выявления динамики отношения к детям-инвалидам [3].

- За 15 лет возросла часть педагогических работников (суммарно до 45 %) и группы родителей обычных учащихся (суммарно до 38 %), которые позитивно относятся к развитию практик социально-образовательной инклюзии детей с ОВЗ.

- В два раза возросло число педагогов, согласных с возможностью обучения в массовой школе детей с нарушением опорно-двигательного аппарата и нарушением сенсорной сферы (в группе родителей прирост составил 5 %). На 6 % больше родителей

стало относиться оптимистичнее к инклюзии детей с умственной отсталостью (среди педагогов таких только 1 %).

- Снижение числа скептически настроенных педагогических работников, возможно, произошло благодаря накоплению ими опыта инклюзии, прохождения курсов повышения квалификации, стажировок (в том числе, в зарубежных инклюзивных центрах). Тем не менее, каждый четвертый педагог пессимистично оценивает перспективы инклюзии, опасаясь усложнения профессиональной деятельности, увеличения объема отчетности, ответственности за жизнь и здоровье «включенных детей», снижения успеваемости в классе, затруднения карьерного роста, творческого самовыражения (более 70 % респондентов).

- В качестве главного негативного последствия реализации практик инклюзивного образования фактически 25 % информантов в 2002 г. указывали на неспособность нетипичных детей, особенно с инвалидностью, справиться с общеобразовательной программой. К 2017 г. число таких респондентов изменилось незначительно (снижение на 5 %), но при объяснении своей позиции люди стали выше оценивать возможности образовательной инклюзии для личностного развития, расширения коммуникации детей с ОВЗ.

- Несмотря на пройденные годы, сохранилась полярность позиций информантов относительно инклюзивного образования детей с разными онтогенетическими отклонениями. С одной стороны, участники опроса демонстрируют лояльность, поддержку инклюзивно-образовательных практик детей с нарушением сенсорной и двигательной сфер, с другой – высказываются против обучения в массовой школе детей с незначительным нарушением интеллекта, притом, что социально-коммуникативный длительный прогноз по данной группе положителен.

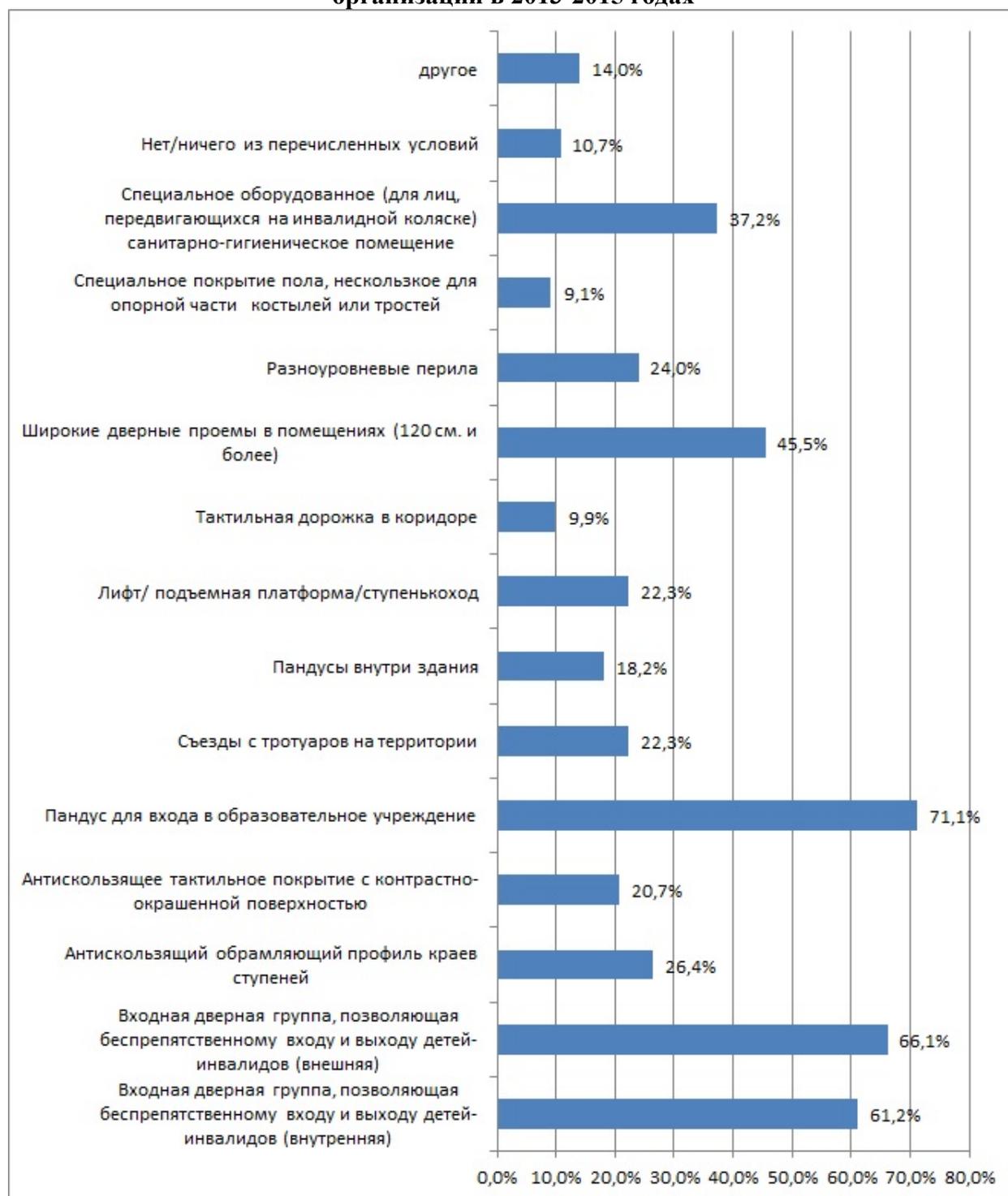
Результаты данных опросов и исследований показывают достаточно позитивное отношение к людям-инвалидам со стороны общественности, однако это может быть всего лишь иллюстрация парадокса Ла-Пьера, когда высказываемые установки не соотносятся с реальным поведением. Отдельного рассмотрения заслуживает группа педагогов, работающих с детьми с ОВЗ, так – не каждый готов психологически к такой деятельности, особенно в обычной школе. Так считает и Директор ГБОУ Школы № 2095 «Покровский квартал» Илья Новокрещенов. Говорит: «Проблем с детьми не бывает. Я абсолютно убежден и вижу это на практике – наша школа участвует в программах инклюзивного образования уже практически десять лет. Я могу сказать, что дети очень быстро учатся договариваться и взаимодействовать между собой. Все проблемы существуют в головах у взрослых. Да, конечно, если сам педагог психологически и профессионально не готов [обучать детей с ОВЗ], то директор его и не поставит работать в классе, где есть такой ребенок» [5].

Так можно обозначить два основных блока проблем, которые следует решить в контексте инклюзивного образования – проблема восприятия (родителей, учителей и детей без инвалидности детей с инвалидностью) и проблема создания условий, т.е. перцептивная и материально-техническая проблемы. Их на самом деле гораздо больше, но эти две можно считать основополагающими.

Основным нормативным документом инклюзивного образования является Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» [4].

В 2015 году в ходе мониторинга внедрения ФГОС для детей с ОВЗ, проведенного по заказу департамента государственной политики в сфере защиты прав детей, в общеобразовательных организациях, реализующих адаптированные основные образовательные программы для детей с ОВЗ и отдельных классов для детей с ОВЗ были опрошены 120 руководителей общеобразовательных школ.

Диаграмма 1. Архитектурные условия, созданные в здании образовательной организации в 2013-2015 годах

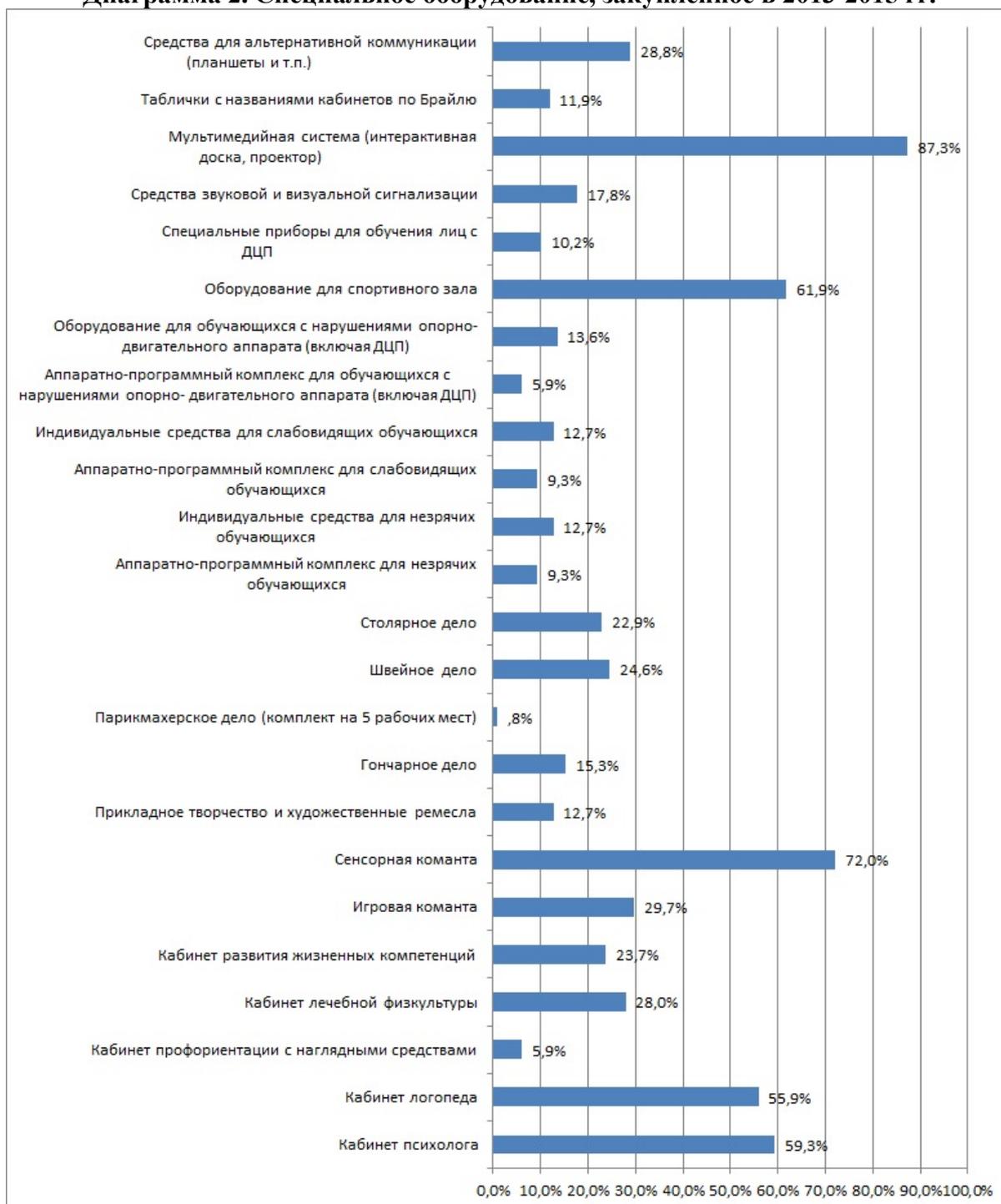

Процент превышает 100%, поскольку можно было дать несколько вариантов ответа

За 2013-2015 год в 71,1% зданий ОУ появились пандусы для входа в образовательное учреждение. Внешняя (66,1%) и внутренняя (61,2%) входная дверная группа, позволяющая беспрепятственному входу-выходу детей инвалидов. В 45,5% ОУ до 120 и более см расширены дверные проемы. Специальное оборудование (для лиц, передвигающихся на инвалидной коляске) санитарно-гигиеническое помещение предусмотрено в 37,2% случаев. Стоит отметить, что в десятой части опрошенных ОУ нет

ничего из перечисленных условий. 14% ОУ дополнили перечень ответов собственными, куда вошли: *подъемник для инвалидов с ОДА в бассейн; специальная кнопка для вызова администратора; подъемник для колясочников внутри учреждения по лестнице, рампы (переходы через пороги); поручни по периметру здания* (см. диаграмма 1).

Диаграмма 2. Специальное оборудование, закупленное в 2013-2015 гг.

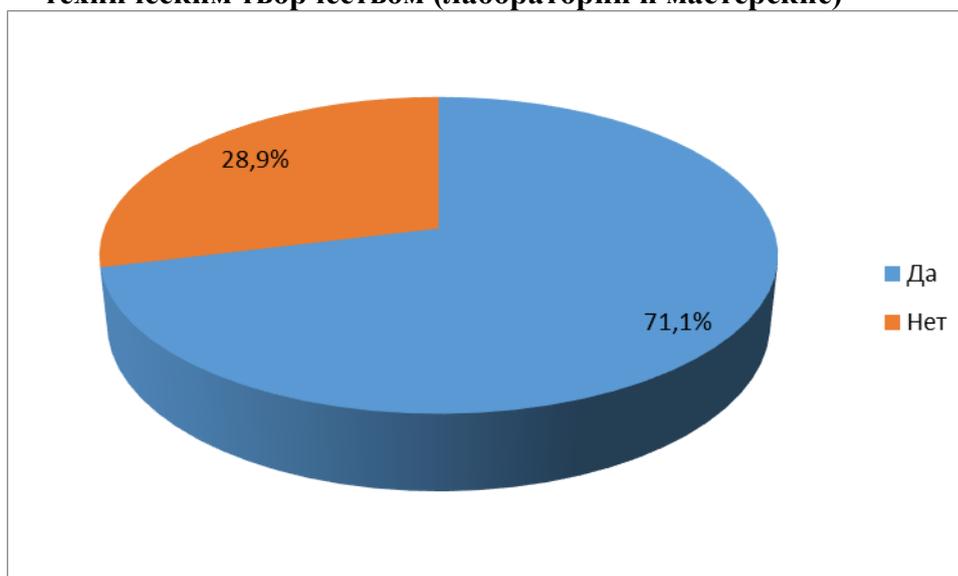

Процент превышает 100%, поскольку можно было дать несколько вариантов ответа

За 2013-2015 гг 87,3% ОУ закупили мультимедийные системы (интерактивная доска + проектор). 72% обзавелись сенсорными комнатами. 61,9% обновили оборудование для спортивного зала. Почти в 60% учреждений появились оборудованные кабинеты логопеда и психолога. В меньшей степени приобретались: кабинет профориентации с наглядными средствами (5,9%), аппаратно-программные комплексы для слабовидящих и незрячих (9,3%), парикмахерское дело на 5 рабочих мест (0,8%) и аппаратно-программный комплекс для

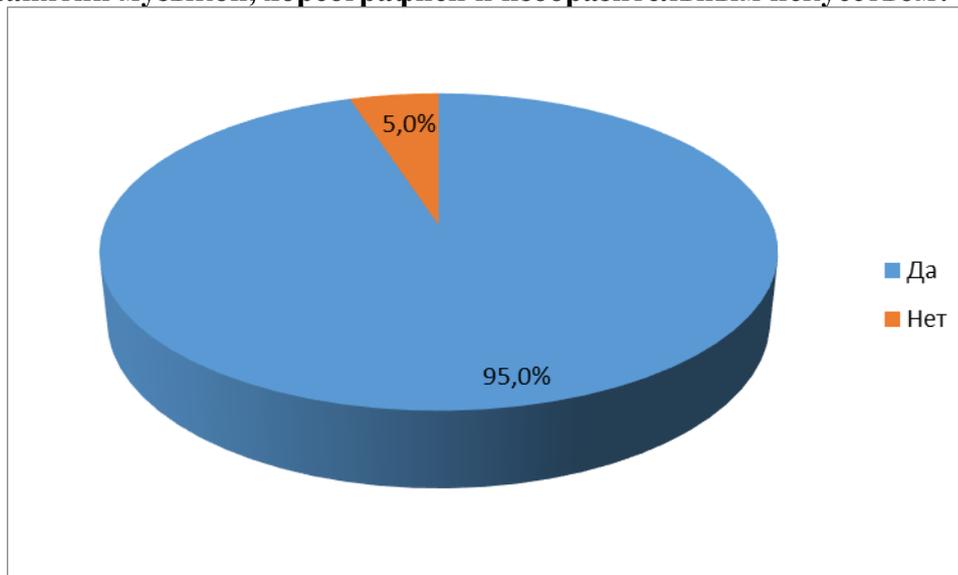
обучающихся с нарушениями опорно-двигательного аппарата (включая ДЦП) (5,9%) (см. диаграмма 2).

Диаграмма 3. Распределение ответов на вопрос: Имеются ли в наличии помещения для занятий учебно-исследовательской и проектной деятельностью, моделированием и техническим творчеством (лаборатории и мастерские)

Согласно ответам руководителей ОУ, в 71,1% учреждений имеются помещения для занятий учебно-исследовательской и проектной деятельностью, моделированием и техническим творчеством (лаборатории и мастерские). Однако почти треть опрошенных учреждений таковых не имеет (см. диаграмма 4).

Диаграмма 4. Распределение ответов на вопрос: Имеются ли в наличии помещения для занятий музыкой, хореографией и изобразительным искусством?

95% опрошенных ОУ имеют в наличии помещения для занятий музыкой, хореографией и изобразительным искусством. В 5% опрошенных ОУ руководители отмечают отсутствие данных помещений (см. диаграмма 4).

Так, за 2013-2015 год в 71,1% зданий ОУ появились пандусы для входа в образовательное учреждение. Внешняя (66,1%) и внутренняя (61,2%) входная дверная группа, позволяющая беспрепятственному входу-выходу детей инвалидов. В 45,5% ОУ до 120 и более см расширены дверные проемы. Специальное оборудование (для лиц передвигающихся на инвалидной коляске) санитарно-гигиеническое помещение предусмотрено в 37,2% случаев. Стоит отметить, что в десятой части опрошенных ОУ нет ничего из перечисленных условий. За 2013-2015 гг 87,3% ОУ закупили мультимедийные

системы (интерактивная доска + проектор). 72% обзавелись сенсорными комнатами. 61,9% обновили оборудование для спортивного зала. Почти в 60% учреждений появились оборудованные кабинеты логопеда и психолога., и почти во всех – помещения для занятия учебно-исследовательской и проектной деятельностью, а также помещения для занятий музыкой, хореографией и изобразительным искусством.

Мнения и оценки общественности инвалидов и инклюзивного образования не константное явление, видно, что произошли существенные изменения в сторону принятия, которое однако может быть иллюстрацией конформизма, вызванного широкой оглаской темы в СМИ и на высшем уровне. По факту остаются проблемы восприятия детей-инвалидов в обычных школах в том числе и учителями, что требует дополнительной непрерывной работы и повышения квалификации соответствующих кадров. Материально-техническое оснащение школ и детских садов – вторая проблема, которая тесно связана с первой, поскольку без соответствующих условий невозможна даже попытка инклюзии.

ЛИТЕРАТУРА

[1]. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2903. Инвалиды и мы: послесловие к инциденту в Нижнем Новгороде. Опрос от 14.08.2015. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115349> (Дата обращения 10.09. 2017)

[2]. РИА-Новости. Васильева: инклюзивное образование могут обеспечить 21% российских школ. Статья от 29.06.2017. URL: <https://ria.ru/society/20170629/1497534823.html> (Дата обращения 10.09. 2017)

[3]. Селиванова С.Ю. Инклюзивное образование детей с ОВЗ: особенности социального отношения// Специальное образование. 2017.С. 178-180.

[4]. ФГОС обучающихся с ОВЗ. URL: <http://fgos-ovz.herzen.spb.ru/>(Дата обращения 10.09. 2017)

[5]. Федерал Пресс. Интервью с экспертом. Все проблемы инклюзивного образования существуют в головах у взрослых. Дата публикации 31.08.2016. URL: <http://fedpress.ru/expert-opinion/1668808> (Дата обращения 10.09. 2017)

[6]. ФОМ. Образование без границ: дети-инвалиды в обычных школах. Опрос от 12.08.2012. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10588> (Дата обращения 10.09. 2017)

[7]. ФОМ. Отношение к инвалидам. Опрос от 23.04.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10898> (Дата обращения 10.09. 2017)

ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ОВЗ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.А. Кутилова

Для России понятие «включённое образование» является новым, на данном этапе внедрение инклюзии в общеобразовательные учреждения вызывает сомнения, подтверждённые результатами ранее проведённых исследований. Инклюзивное образование стремится развивать методологию, которая в свою очередь направлена на детей, так как дети – индивидуумы с разными потребностями в образовательном процессе.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, инклюзивное образование, включённое образование, доступность образования, расширение доступа к образовательному процессу, социальная интеграция.

Одной из актуальных проблем в современном обществе со сложной структурой образовательного процесса выступает его доступность для ряда социальных групп. Особое место среди перечня групп занимают дети с ограниченными возможностями здоровья. Идея включённого образования зародилась в рамках изменений в понимании механизмов социокультурных процессов, определяющих социальный статус и влияющих на обеспечение прав ребёнка. Она означает изменение общества и его институтов таким образом, чтобы они благоприятствовали включению «другого» (человека другой расы, вероисповедания, культуры, человека с ограниченными возможностями здоровья). Причем, изменение должно быть таким, чтобы данное включение содействовало интересам всех членов общества, обеспечению равенства их прав. В случае если инклюзия не может обеспечить соответствующих изменений, то её результатом может стать социальная дезадаптация детей с ограниченными возможностями здоровья и интолерантность по отношению к таким детям со стороны тех, кто подобных ограничений не имеет. Важно, чтобы практика инклюзии не опиралась на стремление или, тем более, принуждение «быть как все», поскольку в этом случае она выступает в противоречие с правом «быть собой» [3.С.215]. Готовность общества сделать шаг вперёд навстречу к изменениям по отношению к «другому» является важной предпосылкой инклюзии, которую впоследствии необходимо воспитывать.

Социологические исследования, проведённые на Западе [8.С.218] и в России [1.С.190] свидетельствуют о том, что образование склонно подтверждать некое существующее неравенство между учащимися, нежели содействовать его устранению. Так как ответственность за результаты образовательного процесса возлагается на педагога, следовательно, большую часть внимания уделяется способной части класса, а дети с особыми потребностями оказываются в «низах школьной иерархии». Причины социальной несправедливости и ущемления детей с ограниченными возможностями здоровья не ограничиваются стенами учебных учреждений. В социологических исследованиях Британии в 1980-х гг. был подтверждён вывод о наличии социального неравенства по отношению к детям с особыми потребностями вне школы, а также выводы о том, что сами школы сохраняют и воспроизводят то самое неравенство [4.С.218].

Особое внимание, как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях уделяется аспекту взаимосвязи между обучением и общением. Главной парадигмой выступает роль общения детей с ограниченными возможностями здоровья с другими детьми для полноценного включения в образовательный процесс. При этом уделяется особое внимание изменению характера взаимодействия ребёнка при изменившейся социальной ситуации. Эффект развития в данном случае зависит от организации совместной деятельности педагога и ребёнка, или ребёнка и сверстника, насколько хорошо он сможет выстроить партнёрские отношения с другими [8.С.14].

Включённое образование даёт возможность в реализации образовательных целей не только детям с ограниченными возможностями здоровья, но и той категории детей, которые простым образом выделяются из общей группы. Внедрение инклюзии предполагает, что разнообразию потребностей учащихся особой категории должна соответствовать образовательная среда, в которой он будет находиться. Такой принцип означает, что все дети с самой первой ступени образовательного процесса должны быть включены в социальную жизнь школы по месту жительства. Главной задачей инклюзивного образования выступает система, которая сможет удовлетворить потребности каждого ребёнка, включая их родителей и педагогов школ. Дети особой категории должны быть обеспечены поддержкой, которая впоследствии позволит достичь новых целей, ощущать безопасность и значимость совместного взаимодействия с коллективом.

Сегодня под инклюзивным или включённым образованием понимается совместное обучение детей с ограниченными возможностями здоровья со сверстниками, не имеющими подобных ограничений. Дети с особыми потребностями в такой образовательной практике смогут расти и развиваться совместно с другими детьми, посещать общеобразовательные учреждения, заводить новые знакомства, что благоприятно скажется на их социальной

интеграции в общество. Для получения качественного образования и адаптации в обществе детям с ограниченными возможностями здоровья необходимо взаимодействовать с детьми, не имеющими особых потребностей, и не менее важным будет обратное общение. Всё вышесказанное повышает роль включенного образования, которое позволит расширить возможности социализации детей с ограниченными возможностями здоровья.

Инклюзивные школы нацелены совершенно на иные процессы образовательного воспитания, нежели обычные общеобразовательные или специальные/коррекционные учреждения. Целью таких школ является возможность в получении детьми с ограниченными возможностями здоровья полноценной и активной социальной жизни в классе. Такое требование показывает, что все члены коллектива внутри школы связаны и взаимодействуют между собой, развиваются посредством принятия совместных решений относительно управлений процессом обучения [5.С.325]. Школа, которая реализует инклюзивную практику в своих стенах, должна принять и соблюдать основные принципы включённого образования:

- Ценность любого ребёнка не зависит от его физических и умственных способностей и достижений;
- Все дети равны, несмотря на их особые потребности;
- Каждый ребёнок способен думать и чувствовать;
- Каждый ребёнок имеет право быть услышанным;
- Процесс образования может осуществляться лишь посредством взаимодействия друг с другом;
- Все дети нуждаются в поддержке, в общении и дружбе со сверстниками;
- Для каждого обучающегося достижение прогресса заключается в том, что он может делать;

Реализация принципов успешного внедрения инклюзии в общеобразовательный процесс должна базироваться на содержательных и организационных подходах. Стоит отметить, для того, чтобы школа стала функционировать в новом образовательном формате, необходимо менять не только формы организации учебного процесса, но и способы учебного взаимодействия детей. Традиционный образовательный процесс обучения для педагога должен стать специальной организованной деятельностью, направленной на коммуникацию учащихся по совместному обучению. Профессиональная ориентировка должна измениться на способность педагогом видеть индивидуальные способности ученика и умение адаптировать программу «для всех».

Специальные условия для детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном процессе, которые в свою очередь закреплены в нормативно-правовых документах, условно можно разделить на несколько групп:

1. Материально-техническая база – оснащение классов и мест общего пользования специальным оборудованием;
2. Организационное обеспечение – обеспечение образовательного процесса, включающего в себя нормативно-правовую базу, финансово-экономическую поддержку;
3. Организационно-педагогическое обеспечение – адаптация программ с учетом психических и физических возможностей каждого ребёнка;
4. Кадровое обеспечение – специальная подготовка педагогов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, сознание данных специальных условий в образовательном учреждении в большей степени связано с изменением всей образовательной среды.

Инклюзивное образование также изучается и с точки зрения его эффективности. На этой основе были проведены исследования экономических затрат в соотношении с академической успеваемостью. Эти работы относятся к 1980-1990 гг. и демонстрируют преимущества интегрированного образования в терминах выгоды, пользы и достижений [7.С.4;1.С.187]. Следует отметить, что в Европе и на Западе общеобразовательные

организации получают финансирование со стороны государства на обучение детей с ограниченными возможностями здоровья, поэтому школы за рубежом заинтересованы в увеличении количества учащихся с особыми потребностями.

Для России проблемы внедрения инклюзии актуальны и сложны одновременно. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, следует отметить, что число детей, которые официально получают пособия по инвалидности, на территории нашей страны резко возросло. Во-вторых, система образования на данном этапе её развития переживает изменения, которые в свою очередь связаны с модернизацией учебного процесса. Большинство образовательных учреждений трансформируются в результате образовательных реформ, которые находятся под влиянием рыночной экономики. При этом ценность инклюзивного образования актуализируется, хотя общественное мнение по данному вопросу неоднородно и противоречиво. Специальное образование, включающее в себя специальные и коррекционные учебные заведения, испытывает потрясение, связанное с сокращением финансовой поддержки и структурных преобразований. Социальная роль школ-интернатов для детей с ограниченными возможностями здоровья подвергается переоценке. Специальное образование, с одной стороны удовлетворяет потребности ребёнка с ограниченными возможностями здоровья, как медицинские, так и педагогические, а с другой, препятствует активной интеграции детей.

Качество человеческих ресурсов зависит не только от уровня и качества образовательного процесса, но и от накопленного социального опыта, умения управлять жизненными обстоятельствами. Что касается социальной компетенции, то её можно развивать, если осуществить главную задачу в расширении доступа социально уязвимых групп к существующим социальным благам. В связи с этим повышается роль включённого, совместного образования, которое позволяет существенно сократить процессы маргинализации детей с ограниченными возможностями здоровья [5.С.15]. Однако, внедрение инклюзии сталкивается не только с проблемами «безбарьерной среды», а именно наличие пандусов, одноэтажного дизайна школ, введение в педагогический штат новых кадров, новое оборудование классов и мест общего пользования, но и с препятствующими социальными свойствами – стереотипы, неготовность учителей, родителей, учащихся принять новую форму обучения. Для того чтобы переход от традиционной формы обучения к инклюзии успешно реализовался необходимо изменить отношение субъектов образовательного процесса и общества к проблеме категории детей с особыми потребностями, тем самым сформировав благоприятное общественное мнение.

Следует отметить, что сомнения и опасения имеют место быть, и вполне оправданы. Концепция совместного образования требует существенных изменений в системе не только дошкольного и школьного образования, но и на всех его ступенях, включая дополнительное образование, чтобы данная идея в реализации выглядела как «образование для всех». Для эффективного внедрения данной системы необходимо исследовать возможности и риски инклюзии, не ограничиваясь сбором мнений и аргументов «за» и «против». Международный опыт показывает, что внедрение инклюзии в образовательный процесс будет являться одним из главных шагов в содействии изменению дискриминационных воззрений, по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, система инклюзивного образования должна является эффективным механизмом развития включённого общества, развивая новую систему образовательного процесса, мы способствуем развитию нового инклюзивного общества – общество для всех. Именно в этом и заключается главная идея инклюзивного образования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аитов Н.А. Социальные аспекты получения образования в СССР // Социальные исследования. - М.: Наука, 1968. - Вып. 2.

- [2] Банч Г.С. Включающее образование. Как добиться успеха? Основные стратегические подходы к работе в интегрированном классе. – М.:2000.
- [3] Битова А.Л. особый ребёнок: исследования и опыт помощи, проблемы интеграции и социализации. – М.:2014.
- [2] Гидденс Э. Социология / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. - М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- [3] Ержакова Е.А., Резникова Е.В Основы интегрированного обучения М.:2008.
- [4] Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / под ред. В.Н. Шубкина. - М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- [5] Лошакова И.И., Ярская-Смирнова Е.Р. Интеграция в условиях дифференциации: проблемы инклюзивного обучения детей-инвалидов // Социально-психологические проблемы образования нетипичных детей. - Саратов: Изд-во СГУ, 2015.
- [6] Обзор национальной образовательной политики. Высшее образование и исследования в Российской Федерации. - М.: Весь мир, 2014.
- [7] Образование для всех? Региональный мониторинговый доклад. UNICEF. Florence. - 1998. - № 5.
- [8] Рубцов В.В. социальное взаимодействие и обучение: культурно-исторический контекст//Культурно-историческая психология. – М.:2005.
- [9] Юнина В.В. Воспитательная среда социального/коррекционного образовательного учреждения как условие социализации детей с ограниченными возможностями здоровья. – С-Пб.:2010.
- [9] Coleman J.S. et al. Equality of Educational Opportunity. Washington, 1966; Bloom B.S. All Our Children Learning: A Primer for Parents, Teachers and Other Educators. N.Y., 1981; Jenks C. et al. Inequality: A Reassessment of the Effects of Family and School in America. N.Y., 1972.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ОСНОВНАЯ КАДРОВАЯ ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

П.В. Логинова

Статья посвящена проблемам формирования новой кадровой политики государственной службы, которая бы использовала современные технологии подбора, развития и управления персоналом. Российское государство во многом уже сформировало свой собственный бренд как работодателя, научилось привлекать «качественный» персонал на государственную службу, но на данный момент не использует эффективные методы удержания молодых и высокорезультативных чиновников.

Ключевые слова: кадровая политика, государственная служба, кадровые технологии, отток молодежи.

Безусловно, развитие кадровых технологий на российской государственной службе не идет столь же быстрыми темпами, как на Западе или в российских коммерческих структурах, однако кадровая работа на госслужбе развивается поступательно, стараясь использовать лучшие модели и практические технологии, применяемые сегодня в успешных коммерческих организациях. В значительной степени это поступательное движение тормозит традиционная нелюбовь российского населения к чиновнику как обобщенному обозначению представителя разных уровней социального контроля – недоверие и негатив по отношению к государственным служащим в России были и остаются традиционно сильны [9]. Именно чиновников общество критикует за неэффективную работу государственной системы, и с этим сложно поспорить, ведь именно качество кадрового состава во многом определяет успешность организации, государственного органа или страны. Поэтому оценка

эффективности кадровой политики в целом и отдельных ее методов в частности представляется предельно актуальной задачей российской государственной службы.

Цель кадровой политики на госслужбе – гарантии и повышение эффективности функционирования системы государственного управления посредством формирования кадрового состава профессионально подготовленных государственных служащих, обладающих необходимыми знаниями, умениями и навыками. В системе государственного управления кадровая политика является важнейшим направлением в жизнедеятельности как государства, так и общества в целом. Формирование, реализация и развитие кадровой политики – сложный и многогранный процесс, ставший предметом изучения целого ряда наук сравнительно недавно. В России исследования кадровой политики развивались особенно тяжело, поскольку в советское время кадровая тематика была «закрытой», конфиденциальной и отчасти даже табуированной, не говоря уж об анализе особенностей и механизмов кадровой политики государства.

Закрытость и непрозрачность до сих пор характерные черты многих чиновничьих структур. Вместе с тем сегодня в государственном секторе взят тренд на открытость как управленческих органов в целом, так и методов работы, используемых на госслужбе. В последнее время открыто обсуждаются основные принципы и методы кадровой политики как на уровне государства, так и на уровне отдельных субъектов и регионов. Наиболее соответствующее нынешним реалиям определение кадровой политики на государственной службе таково: «деятельность органов власти, их руководителей, работников кадровых подразделений по реализации кадровой стратегии, направленной на поиск, оценку, отбор, профессиональное развитие персонала, его мотивацию и стимулирование к выполняемым задачам, стоящих перед государственными органами» [3].

В последнее время государственные органы стали активно перенимать западные технологии управления персоналом, заимствовать методики работы с кадрами, используемые в успешных коммерческих компаниях. Однако, несмотря на принятие весьма прогрессивных нормативных актов, ориентацию на новейшие методики и технологии управления персоналом, в системе российской государственной службы все равно наблюдается большое количество проблем, препятствующих притоку компетентных кадров, их развитию и удержанию в системе государственной службы России. Назовем основные из этих проблем. Во-первых, это низкий престиж государственной службы как вида профессиональной деятельности и, как следствие, «некачественные» кандидаты, поступающие на государственную службу. Во-вторых, отсутствие притока молодых кадров с хорошим образованием и опытом работы в современных экономических условиях, которые ориентированных на результат. В-третьих, непрозрачные и неэффективные методы отбора государственных служащих. В-четвертых, должностной рост государственных служащих зависит не только и не столько от их профессионального уровня и деловых качеств, сколько от стажа работы, лояльности организации и личных отношений с руководством. В-пятых, наблюдается ухудшение кадрового состава государственной службы вследствие низкой заработной платы и ее четкой дифференциацией по разным государственным органам и категориям должностей. В-шестых, очевиден существенный отток квалифицированных кадров с государственной службы в коммерческую сферу, предлагающую более высокую заработную плату и понятные карьерные перспективы.

Данные проблемы серьезно тормозят государство в области формирования и развития кадрового потенциала государственной службы. Рассмотреть все эти проблемы в рамках одной небольшой статьи не представляется возможным, поэтому мы сфокусируемся только на оттоке квалифицированных молодых кадров с государственной службы на примере отдельного субъекта Российской Федерации – города Москвы. Отметим сразу, что проблема оттока квалифицированных чиновников включает в себя целый ряд проблем: низкий престиж государственной службы как во внешней среде, так и во внутренней; отсутствие возможностей качественного обучения и достойной оплаты труда; непрозрачные механизмы продвижения по службе.

Кадровая политика руководства Москвы в своем нынешнем виде начала формироваться в 2010 году. Российские регионы вправе самостоятельно выбирать приоритеты и основные направления кадровой политики, поэтому значительные изменения в кадровой политике Москвы начались в 2010 году в связи со сменой руководства города и назначением мэром Москвы С.С. Собянина. За полтора года работы нового руководства сменилось 90% заместителей мэра, кадровый состав государственных органов также претерпел изменения: на смену «ветеранам» госслужбы, руководителям государственных органов пришли молодые кадры из федеральных структур и коммерческих организаций. В первую очередь после формирования управленческого «костяка» правительства кадровые службы занялись привлечением персонала на госслужбу. Для этого впервые была проведена работа по формированию бренда Правительства Москвы как работодателя. Правительство Москвы начало работать над изменением имиджа государственного служащего и госслужбы в целом, поскольку позитивный имидж госслужащего позволяет повысить доверие граждан к власти, улучшить их осведомленность о проектах и результатах деятельности органов власти и привлечь на госслужбу более компетентных и заинтересованных кандидатов [1].

Для этого были предприняты следующие шаги: во-первых, в Интернете был создан специальный сайт – единый карьерный портал Правительства Москвы по адресу <https://talent.mos.ru>, на котором любой желающий, не выходя из дома, может подать заявку на работу в Правительстве Москвы. Чтобы стать госслужащим достаточно на первом этапе просто заполнить анкету-резюме, тогда как раньше необходимо было собственноручно заполнить большой пакет документов и привезти лично или отправить по почте. На втором этапе отбора также используются современные технологии оценки, опробованные во многих крупных коммерческих компаниях и адаптированные под государственную службу: тестирования, деловые игры, «мозговые штурмы» и др. Во-вторых, в помощь закрепленным нормативно квалификационным требованиям к государственным служащим кадровая служба Правительства Москвы разработала простой и понятный перечень требований к «идеальному» госслужащему. В частности, была создана «модель компетенций», которой должен обладать эффективный сотрудник и которая включает в себя следующие базовые компетенции: профессионализм, правосознание (честность, порядочность), эффективная коммуникация, навыки управления и ориентация на результат. Все эти базовые компетенции проверяются на втором этапе оценки при прохождении конкурса на должность.

В-третьих, Правительство Москвы и большинство органов власти стали более открыты и появились в социальных сетях. Все вакансии госслужбы Москвы публикуются на канале «Работа в Правительстве Москвы» в Телеграм по адресу <https://t.me/ugskpm>: молодежь в режиме онлайн может получать актуальную информацию о программах стажировок и практик на государственной службе, о том, чем занимаются государственные служащие, как работает тот или иной департамент. Причем информация публикуется во всех наиболее популярных социальных сетях: Вконтакте, Инстаграм, Фейсбук, Телеграм. И, наконец, вакансии и спецпроекты Правительства Москвы также представлены на самых популярных сайтах по поиску работы. В результате Правительство Москвы из закрытой и почти «засекреченной» организации превратилось в открытого и активно привлекающего на работу наравне с другими бизнес-компаниями работодателя.

Приток компетентных кандидатов высокого уровня, а в дальнейшем правильный подбор персонала закладывает основы для эффективной работы госслужбы. Продуманная система найма сотрудников позволяет получить профессиональных и результативных работников на всех уровнях организационной иерархии [4]. Правительство Москвы научилось успешно привлекать молодые кадры, подтверждение чему – значительное омоложение кадрового состава госслужбы Москвы. С 2010 года средний возраст госслужащих снизился на пять лет: в 2010 году средний возраст сотрудника Правительства Москвы составлял 43 года, в 2016 – 38 лет. Кроме того, поток претендентов на работу возрос настолько, что из них можно выбирать самых лучших. Так, например, на программу стажировок для молодежи ежегодно подает заявки более 2,5 тысяч человек, а берут на

работу после серьезного конкурсного отбора только 100 молодых студентов и выпускников вузов. Ребятам приходится проходить конкурсные испытания в несколько этапов: на первом этапе – это конкурс резюме и мотивационных писем на тему, почему соискатели хотят стать стажерами Правительства Москвы (на этом этапе отсеивается треть соискателей); на втором этапе проводится тестирование навыков обработки различной информации, деловые игры, имитирующие работу в департаментах Москвы и интервью на оценку мотивации потенциальных стажеров.

Однако основная проблема Правительства Москвы – не отбор, а удержание молодежи на государственной службе. Миф о том, что на госслужбе можно стабильно и совершенно не напрягаясь работать всю жизнь, давно ушел в прошлое. Перспективная и эрудированная молодежь с удовольствием приходит на государственную службу, получает колоссальный опыт и уходит работать в государственные корпорации или коммерческие компании на более высокую зарплату и более привлекательные условия. Как показало исследование В.Е. Гимпельсона и В.С. Магуна, оценивавших удовлетворенность работой на госслужбе, менее половины (44%) опрошенных определенно не хотели бы перейти на другую работу, остальные либо определенно хотели бы этого (27%), либо сомневаются и не дают однозначного ответа (29%) [2]. Согласно собранной статистике, отток кадров с государственной службы постоянно возрастает: так, в 2011 году молодежь составила 22% от общего количества покинувших Правительство Москвы сотрудников, а в 2016 этот показатель увеличился более чем в два раза и составил 46% от всех увольняемых сотрудников. В среднем молодые сотрудники работают 2,5 года на госслужбе и переходят в другие организации.

Кадровый состав департаментов Москвы в последние годы омолодился, но вместе с тем молодежь не задерживается на госслужбе. Молодые люди приходят на госслужбу за амбициозными задачами, практическими навыками и полезными контактами, поэтому спустя 2-3 года покидают Правительство Москвы. Чтобы выяснить причины оттока молодежи из Правительства Москвы, автором в 2017 году было проведено разведывательное исследование – телефонное интервью с сотрудниками, уволившимися с государственной службы в 2016 году. Всего из Правительства Москвы уволилось в этот год 3,5 тысячи человек, из них 46% молодых людей в возрасте до 35 лет, и выборка опроса составила 20% уволившейся молодежи.

В ходе интервью задавались следующие вопросы: «Почему Вы покинули госслужбу Москвы?», «Что могло бы удержать Вас на рабочем месте?», «Куда Вы перешли работать?» и «Готовы ли Вы в будущем вернуться на работу в Правительство Москвы?». Основными причинами, по которым молодые чиновники покидают госслужбу, стали «низкая заработная плата» (68%) и «отсутствие карьерного роста» (28%), а не «слишком большой объем работы» (4%). Результаты исследования подтверждают, что кадровый департамент Правительства Москвы научился привлекать на работу эффективных молодых сотрудников, способных справляться с важными городскими задачами и проектами. Бренд «Правительство Москвы» как работодателя продолжает привлекать большое количество соискателей, однако у чиновников линейки специалистов невысокие зарплаты, перспективы карьерного роста непрозрачны, а объем рабочих задач и обязанностей несоизмеримо высок. Чрезмерно бюрократизированные процедуры согласования и оформления проектов также негативно сказываются на работе чиновника, вследствие чего госслужащие покидают Правительство Москвы, а усилия по их привлечению оказываются нецелесообразными.

По итогам исследования кадровое подразделение приняло решение на постоянной основе собирать информацию о том, куда и почему уходят государственные служащие из Правительства Москвы. В настоящее время в нескольких пилотных департаментах внедряется технология проведения интервью «на выходе» и занесения всех данных в единую кадровую систему. После проведения пилотажа подобная модель интервьюирования увольняющихся госслужащих будет внедрена во все органах власти. Таким образом, Правительство Москвы сможет своевременно и оперативно получать информацию о

причинах ухода молодежи с госслужбы Москвы и правильно реагировать на отток своих перспективных кадров. Примечательно, что 80% респондентов в ходе опроса отметили, что готовы вернуться в Правительство Москвы в будущем, при условии наличия интересных задач и изменения условий работы.

Таким образом, российские кадровые службы сделали большой шаг вперед в вопросах повышения эффективности кадровой политики на государственной службе. В большей степени это касается привлечения эффективного и компетентного персонала на госслужбу, и теперь основная задача кадровых служб состоит в снижении оттока молодежи, разработке стратегий и программ современного и качественного обучения государственных служащих, развитии корпоративной культуры, планировании карьерных перспектив в организации, введении разумной системы оценки эффективности работы госслужащего и предоставлении гарантий соразмерной оплаты труда. Для выстраивания качественной и результативной работы с кадрами на государственной службе необходимо изучать запросы и потребности самих чиновников, анализировать причины их увольнения с работы. После сбора данных по всем категориям и уровням должностей государственной службы можно сформулировать предложения по внедрению кадровых технологий удержания молодежи на госслужбе: этот шаг повысит отдачу от затраченных усилий по формированию бренда Правительства Москвы как работодателя и по привлечению «качественных» сотрудников, а также результативность и эффективность работы государственных служащих.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Акимова Е.Ю. Проблема имиджа государственных служащих в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2011. №7.
- [2] Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Найм и карьера молодых чиновников: идеи М. Вебера и российская реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М., 2004.
- [3] Глазунова Н.И. Система государственного управления. М., 2002.
- [4] Зайцева Т.В. Кадровый потенциал государственной организации: метод комплектования и профессиональной расстановки кадров // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. №1.
- [5] Ивлев Е.А. Социологическая оценка деятельности государственных служащих: подходы, методы и субъекты: Автореферат дисс. к.с.н. М., 2016.
- [6] О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 №79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 2004.
- [7] Троцук И.В., Невзорова Н.А. Структурные дисбалансы как ключевой фактор безработицы на российском рынке труда // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №2.
- [8] Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2005 №112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // Российская газета от 03.02.2005.
- [9] Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // Вестник РУДН.

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО МЕГАПОЛИСА)

В.А. Филатова

В статье рассматривается трудовая активность российских пенсионеров на примере московского мегаполиса. Актуальность данной темы обусловлена увеличением доли пожилых людей в общей численности населения планеты, и России в том числе, и

следующей из этого необходимостью адаптировать пенсионеров к жизни в современном обществе, использовать их опыт и знания в экономике. Целью проделанной работы является выявление основных практик реализации трудовой активности граждан пожилого возраста. В статье приведены результаты исследования по проблематике трудовой активности российских пенсионеров, проведенного с использованием метода массового опроса. Исследование было проведено на территории города Москвы.

Ключевые слова: социология, трудовая активность, пенсионеры, трудовая деятельность, трудоустройство, социальная политика.

Проблемы старости и старения населения в последние годы неизменно находятся в поле зрения мирового сообщества и занимают одно из центральных мест в повестке развития, разрабатываемой Организацией Объединенных Наций (ООН). Оценки экспертов ООН за 2015 год говорят о том, что процесс старения населения в ближайшие годы не только сохранится, но и будет постепенно ускоряться. К 2030 году численность населения в возрасте старше 60 лет и старше по прогнозам превысит 1,4 миллиарда человек, а к 2050 году – 2 миллиарда человек. Кроме того, численность данной демографической группы будет возрастать, в то время как число детей и подростков будет оставаться практически стабильным. [1] Что касается России, то доля пожилых лиц в возрасте 55 лет и старше, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, составляет 31 713 человек (22,2 % от общей численности населения [2].

Старение населения может иметь разнообразные демографические и социально-экономические последствия, как негативные, так и позитивные. Старшее поколение является значительным экономическим ресурсом. Люди старшего возраста, как правило, имеют высокий уровень образования и квалификации, большой опыт работы. Использование потенциала пожилых людей, путем использования современных технологий, может составить ресурсную базу для развития общества, поскольку в экономике в результате появятся дополнительные ресурсы, а у пожилых людей – возможность самореализации. [3. С.18]

В последние годы в России отмечается устойчивый рост занятости населения пенсионного возраста. По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации за 2015 год, после выхода на пенсию продолжает трудовую деятельность каждый второй пенсионер. Однако данные Росстата говорят о том, что значительная доля пожилых россиян испытывает трудности в ходе трудоустройства. Так, 196 тысяч граждан старше трудоспособного возраста изъявляют желание работать, но не имеют такой возможности. [4] Конкурентоспособность пожилых людей по сравнению с молодыми коллегами значительно ниже. На это указывают данные статистики: по состоянию на 2014 год, доля граждан старше трудоспособного возраста составляла всего 8,9 %. [5. С.274] Отечественная модель трудоустройства лиц пенсионного возраста находится на первичной стадии формирования, в отличие от оформившихся и существующих более длительное время моделей стран Европы и Азии. Об этом говорит факт того, что в настоящий момент Российская Федерация входит в число стран с невысокой долей пожилых людей, занятых на рынке труда (всего 8% для категории лиц старше 65 лет). [6. С.37] Между тем, для многих пожилых людей прекращение или ограничение трудовой деятельности имеет весьма болезненные последствия: потеря профессиональных контактов, информационный голод, социальная изоляция, одиночество.

В таких условиях трудовая активность населения в возрасте старше 55 лет оказывается развита не в полной мере, а трудовой потенциал пожилых людей остается без использования. Трудовая активность в данном случае понимается как один из ключевых элементов социальной активности. В труде человек имеет возможность более полно реализовать себя, и в то же время ощутить собственную значимость, улучшая таким образом собственное социальное самочувствие. Таким образом, трудовая активность имеет

объективную и субъективную направленность – имеет огромное значение как для отдельно взятой личности, так и для общества.

Разработка рекомендаций для повышения трудовой активности невозможна без учета потребностей и нужд непосредственно ее субъекта, в роли которого выступают граждане пенсионного возраста. Было проведено социологическое исследование с использованием метода анкетного опроса.

Опрос был проведен среди занятых граждан пенсионного возраста города Москвы в период с 29.03.2017 по 08.05.2017. Отбор респондентов осуществлялся методом направленной (целевой) выборки, единицей анализа выступали занятые пенсионеры обоих полов. Всего было опрошено 300 человек. Затем на основе системы индикаторов и показателей был проведен анализ полученных данных.

Трудовую активность, как форму социальной активности пожилых людей, характеризуют ориентация на труд, готовность к повышению своего образовательного уровня, стремление к самозанятости, преобразовательный характер. Также она может быть обусловлена рядом факторов: сферой занятости, мотивацией, уровнем образования, политикой государства в сфере трудоустройства.

Данные исследования показали, что в системе ценностей пенсионеров, труд занимает одну из ведущих позиций (56 %). Большая часть опрошенных намерена продолжать трудиться после выхода на пенсию, как минимум в ближайшие пять лет (36 %), зачастую объясняя это привычкой к работе (38 %) и интересом к профессии (30 %). Деньги и карьера интересуют пенсионеров в меньшей степени, о чем также свидетельствуют полученные ответы (4 % и 11 % соответственно)

Наравне с трудом, высокую степень важности для пенсионеров имеют общественное благо (32 %) и саморазвитие (33 %). Это дает основание утверждать, что респонденты заинтересованы в активном участии в жизни социума и в том, чтобы реализовать трудовую активность в полной мере, а это в свою очередь является неотъемлемой характеристикой всякой активности.

Однако существует ярко выраженная негативная тенденция. Возвращаясь к причинам продолжения занятости после выхода на пенсию, стоит отметить, что помимо привычки к работе, интереса к профессии и стремления быть полезным обществу существует еще одна весомая причина, которая способствовала выходу на рынок труда большинства опрошенных – недостаточный размер пенсионных выплат (73 %) (см. рис. 1).

Так или иначе факт наличия у пенсионеров стремления к труду и внесению своего вклада в общественную жизнь свидетельствует о большом потенциале, которым обладают представители изучаемой социально-демографической группы. На это указывает также высокий уровень образования пенсионеров и готовность повышать свой образовательный уровень. Так, более половины опрошенных имеют высшее образование (65 %). Большинство работает по специальности (38 %). Запрос на получение дополнительного образования одинаково высок среди всех респондентов, независимо от уровня образованности, то есть можно констатировать наличие ориентации на продолжение не только трудовой деятельности, но и обучения (67 %). (см. рис. 2).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По какой причине Вы продолжили трудовую деятельность после выхода на пенсию?» (в % от числа ответивших)

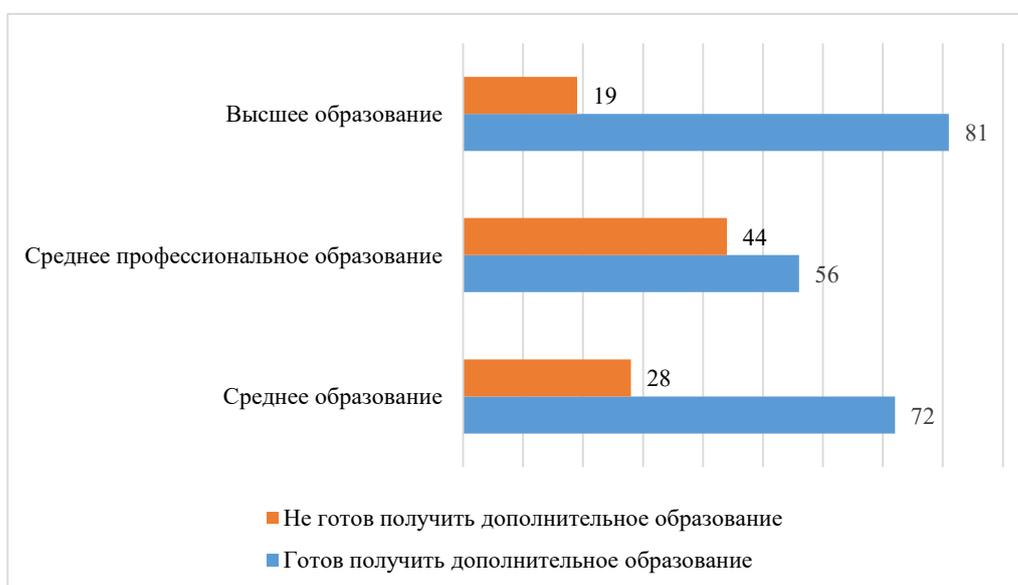

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы пройти курсы переобучения и переквалификации?» (в % от числа опрошенных)

Получение дополнительного образования – важное условие стратегии «Lifelong Learning», имеющее для пенсионеров особое значение. Несмотря на высокий уровень образования и грамотности, лицам старшего возраста необходимо получать новые знания и навыки, чтобы соответствовать существующим стандартам. Отсутствие необходимого образовательного уровня способно стать серьезным препятствием для повышения трудовой активности.

Пенсионеры, которым хотя бы раз приходилось проходить курсы повышения квалификации, отмечали, что курсы оказали положительное влияние на их трудовую активность (87 %). Но, как показывают данные исследования, респонденты, имеющие опыт получения образовательных услуг, составляют меньшинство (27 %). Кроме курсов повышения переквалификации популярностью пользуются курсы компьютерной

грамотности (7 %), курсы иностранных языков (5%), курсы переобучения и переквалификации (3%). По мнению опрошенных, перечень образовательных услуг необходимо расширить. В частности, предлагалось создать для пенсионеров юридические курсы, предпринимательские курсы, курсы финансовой грамотности, курсы графического дизайна, творческие мастерские и тренинги делового общения.

Как можно заметить, при высоком запросе на получение образовательных услуг, только четверть респондентов воспользовалась ими (27 %). Во-первых, это связано с низким уровнем информированности пожилого населения о возможности получения таких услуг. Во-вторых, существуют причины, затрудняющие доступ к ним, а значит – препятствующие реализации трудовой активности граждан пенсионного возраста. Чаще всего это отсутствие необходимого перечня услуг (15 %), высокая стоимость обучения (13 %) и дальнейшее расположение от дома (13 %), что осложняет посещение курсов физически недееспособным пенсионерам (см. рис. 3). Кроме того, в качестве препятствия к обучению респонденты указывали отсутствие учреждений, предоставляющих образовательные услуги или неосведомленность о том, куда за ними можно обратиться (5 %).

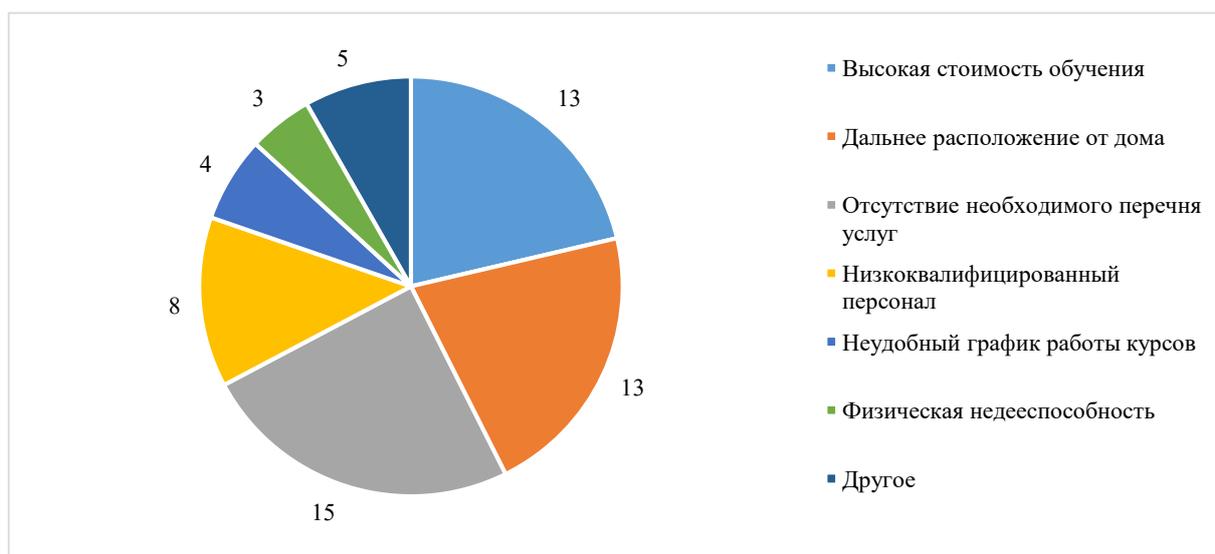

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, может затруднить Вам доступ к образовательным услугам?» (в % от числа ответивших)

Как показывают данные исследования, курсы компьютерной грамотности посещала или посещает в настоящий момент малая доля опрошенных пенсионеров (7 %). Наличие базовых навыков пользования компьютером в современных условиях является необходимым условием успешного трудоустройства, а следовательно – реализации трудовой активности. Опрос выявил, что более половины респондентов имеют опыт пользования компьютером (56 %). Такой высокий процент можно объяснить преобладанием в числе опрошенных «молодых пенсионеров», людей в возрасте 55-65 лет. Однако респонденты дают сдержанную оценку собственным навыкам. Это с одной стороны, указывает на то, что пенсионеры способны осваивать новые технологии, а с другой – на необходимость создания условий для улучшения данного навыка.

Как следствие отсутствия должного уровня владения компьютером и необходимых знаний, возникают многочисленные трудности как при трудоустройстве, так и после него, или при попытках сохранить прежнее рабочее место. В числе таких острых проблем дискриминация по возрастному признаку. Каждый второй пенсионер из числа опрошенных подвергнулся дискриминации на рабочем месте (57 %). Особое внимание стоит обратить на такие формы дискриминации как принятие решений без учета мнения пожилых сотрудников (19 %) и преобладание в руководстве более молодых сотрудников (17 %). (см. рис. 4) Можно сделать вывод, что пенсионерам не удастся проявить инициативу и внести свои

предложения. Причины в виде пренебрежительного отношения со стороны других сотрудников и начальства могут препятствовать проявлению трудовой активности, превратить пожилого человека в пассивного работника, не заинтересованного в результате.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «В чем проявлялась дискриминация?» (в % от числа ответивших)

Самой распространенной формой дискриминации является увольнение с рабочего места из-за пожилого возраста (30 %). Другие формы дискриминации, о которых заявили респонденты, это отказ в приеме на работу, предложение вакансий с низкой заработной платой и без заключения трудового договора, насильственное принуждение к труду. Дискриминация в равной степени затронула как мужчин, так и женщин. В ходе исследования была выявлена зависимость между сферой занятости пенсионера и подверженности дискриминации. (см. рис. 5). Больше всего подвержены дискриминации пенсионеры, занятые в СМИ, электроэнергетике, строительстве, банковском секторе и здравоохранении.

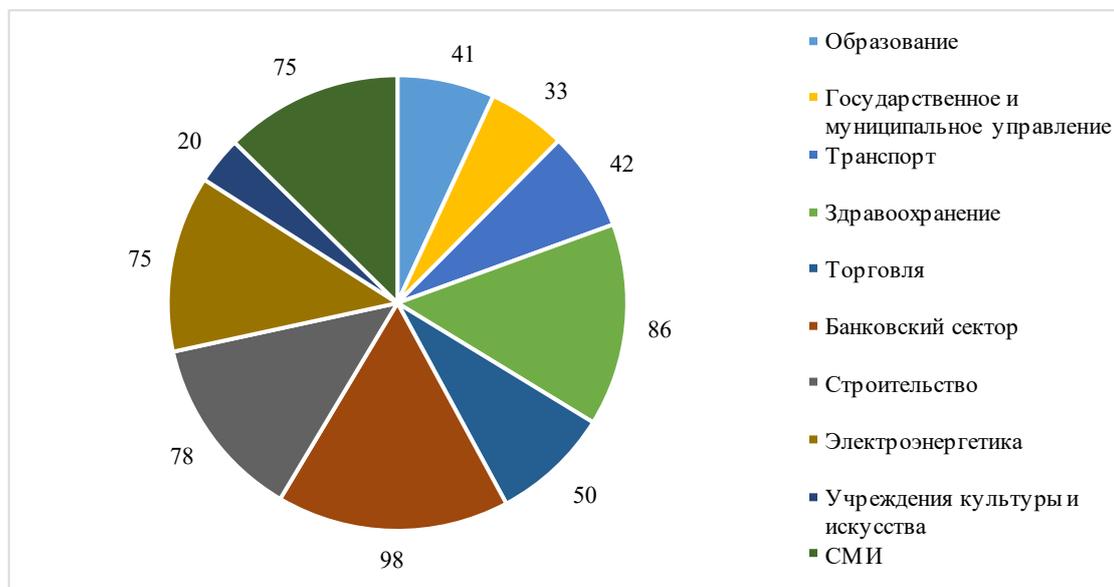

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам подвергаться дискриминации по возрастному признаку на рабочем месте?» (в % от числа ответов)

В числе других проблем, с которыми приходится сталкиваться московским пенсионерам отсутствие вакансий на рынке труда (29 %), предпочтение работодателями молодых работников (25 %). Часть опрошенных утверждали, что недостаток квалификации мешает им в полной мере раскрыть свой потенциал (19 %), что еще раз указывает на необходимость развития сферы дополнительного образования.

Повышению трудовой активности населения способствует частичная занятость и самозанятость. Их распространенность обеспечивает гибкость рынка труда и расширение возможностей трудящихся. Самозанятость, как форма трудовой деятельности, предоставляет широкий простор для реализации личности, предполагает самостоятельный поиск новых идей, управленческих решений, высокую степень ответственности. В качестве главных преимуществ самозанятости респонденты отметили возможность распоряжаться своим временем за счет гибкого графика работы (60 %) и свободу от налоговых обложений (49 %), что является значительным достоинством, учитывая материальный уровень этой социально-демографической группы.

По результатам исследования видно, что распространенность самозанятости в среде пенсионеров относительно невысокая, более половины ответили, что никогда не имели подобного опыта (61 %). В ходе исследования были выявлены гендерные различия в выборе сферы самозанятости (см. рис. 6). Основную долю самозанятых составили женщины (25 %). Доля мужчин в числе самозанятых несколько меньше (15 %).

Самозанятость редко является основной формой трудовой деятельности, чаще второстепенной, вспомогательной по отношению к занятости по найму. Подавляющее большинство опрошенных на вопрос «Совмещаете ли Вы самозанятость с работой по найму?» ответили утвердительно (88 %).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Какой формой самозанятости Вы занимаетесь» (в % по полу)

Во многом на проявление трудовой активности личностью влияет сфера труда и траектория занятости после достижения пенсионного возраста. Так, ключевой тенденцией является отсутствие у пенсионеров склонности к смене сферы трудовой деятельности. Чаще всего это проявляется в государственном секторе рынка: жилищно-коммунальное хозяйство, образование, государственное и муниципальное управление, наука. В то же время в таких

сферах как строительство, торговля, банковский сектор, электроэнергетика и транспорт замечен сильный отток кадров.

Чуть меньше половины респондентов после выхода на пенсию сменили сферу деятельности (41 %) (см. рис. 7). Можно объяснить это тем, что пенсионеры, как было отмечено ранее, часто преданы своей профессии или рабочему коллективу, кроме того в государственном сегменте экономики им предоставляется большее количество гарантий и сохранить за собой рабочее место проще, чем в частном сегменте.

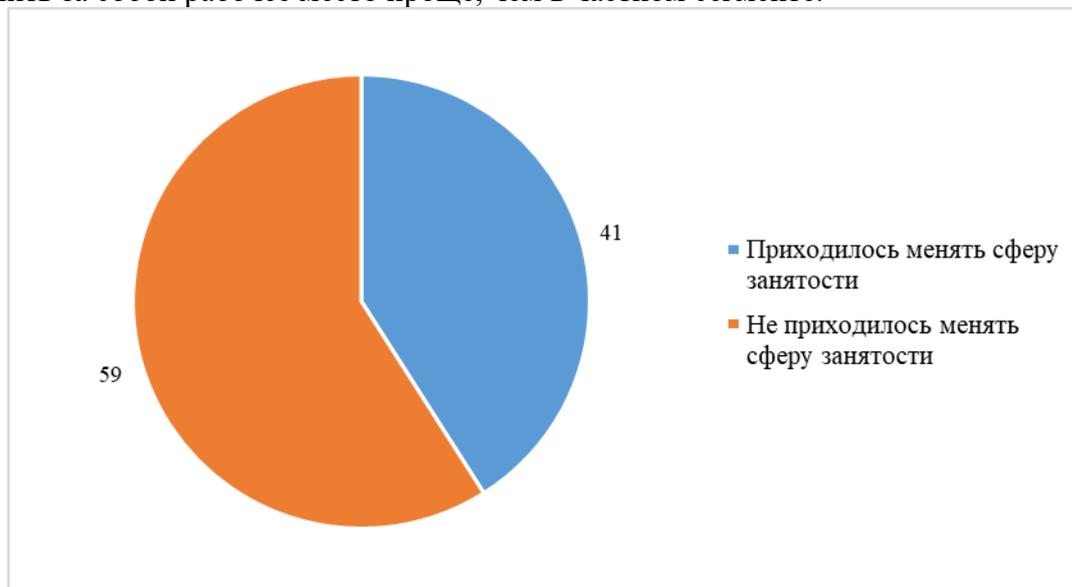

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам менять сферу занятости?» (в % от числа ответивших)

Иными словами, пенсионеры не предрасположены к тому, чтобы пробовать себя в новых сферах. А между тем горизонтальная мобильность на рынке труда, когда специалист за жизнь меняет несколько смежных профессий, в развитых странах очень высока в последние годы и является показателем высокого экономического развития. Для опрошенных пенсионеров желание попробовать себя в чем-то новом редко являлась причиной смены деятельности (6 %). Чаще они отмечали принудительный характер ухода (приток молодых специалистов (22 %), тяжелые условия труда (11 %), несоответствие требованиям начальства (10 %).

Результаты опроса московских пенсионеров показали, что уровень трудовой активности представителей данной социально-демографической группы недостаточно высок. Существуют как объективные, так и субъективные барьеры для полной реализации, в том числе: дискриминация по возрастному признаку, отсутствие развитой системы дополнительного образования и низкая информированность пенсионеров о возможности его получения, высокая конкуренция на рынке труда, отсутствие надлежащих условий труда.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Всероссийская перепись населения 2010. // <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm>
- [2] Оценки ООН пересмотра 2015 года подтверждают ускорение старения населения мира в ближайшие десятилетия // Demoscope Weekly. 14-31 декабря 2015. № 667-668. // <<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0667/barom01.php>>
- [3] «Проект стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года» от 8 июня 2015 Министерство труда и социальной защиты. // <<http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/203>>

- [4] Сони́на Ю.В., Колосни́цына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. №2.
- [5] Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб./Росстат - М., 2015.
- [6] Щани́на Е.В. Социальная активность пожилых людей в современном российском обществе: автореф. дис. канд. социол. наук.: Пенза, 2006.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ЗАДАЧИ

Д.В. Суховерова

В статье обозначены основные определения и типологии корпоративной культуры, которые сегодня применяются в диагностике организационной культуры образовательных учреждений, поскольку принимают во внимание духовно-нравственную специфику их деятельности. Автор подчеркивает важность проработки стратегий и методик диагностики корпоративной культуры в российском образовательном пространстве и обосновывает выбор наиболее подходящей типологии корпоративной культуры (Камерона-Куина) как учитывающей специфику деятельности высших учебных заведений (вузов).

Ключевые слова: корпоративная/организационная культура, образовательная сфера, высшее учебное заведение (вуз/университет), типология организационных культур Камерона-Куина.

Нынешнее особое отношение к понятию «корпоративная культура», когда речь идет о сфере высшего образования, обусловлено коренными преобразованиями в системе высшей школы и необходимостью разработки четких индикаторов оценки качества образования в России. Происходящие сегодня изменения определяются расширением сфер влияния и внешних связей университетов, стремящихся войти в международные рейтинги вузов посредством активного взаимодействия с научными и бизнес-структурами, а также проблемой слома системы традиционных ценностей классического университета. Так, на образовательном форуме «Экосистема инноваций» директор Департамента инновационного развития Министерства экономического развития Российской Федерации А. Шадрин назвал следующие приоритеты развития российских вузов: «Следует наладить систему бизнес-акселераторов и инновационных экосистем, мотивировать корпорации на большую открытость и развитие механизмов открытых инноваций. Помимо этого вузам необходимо стать драйверами и центрами компетенций в рамках Национальной технологической инициативы и выводить свои стартапы на международный уровень» [15].

С ростом количества разных вузов, нарастающей конкуренцией и необходимостью подстраиваться под крупномасштабные изменения глобального характера неизбежно возникает сложный конфликт между духовно-нравственной, культурно-исторической и социальной сторонами жизнедеятельности университета и университетом как, в первую очередь, корпорацией, предоставляющей образовательные услуги определенного качества по вполне конкретным расценкам (результат проникновения рыночных отношений в сферу высшего образования). Образование и культура априори тесно связанные понятия, поскольку именно благодаря им новые поколения получают шанс и условия, чтобы осваивать традиционные и новые знания человечества, что возможно как раз в силу симбиотического единства этих двух институций. По большому счету речь идет о механизмах, действие которых способствует созданию корпоративной культуры как неотъемлемого компонента системы высшего образования. Данный термин в образовательной сфере появился относительно недавно, однако уже успел вызвать множество дискуссий и споров по поводу

корректности его употребления, а также пробудил интерес к своим познавательным и прогностическим возможностям (в советское время в аналогичном смысле употреблялись такие понятия, как «коллектив» и «культура коллектива») [7].

Безусловно, понятие «корпоративная культура» принято ассоциировать с организациями, цель которых – извлечение прибыли, тогда как приоритетная задача любого вуза – подготовка кадров, способных вести деятельность, направленную на достижение корпоративных целей тех же самых организаций. Однако положение молодежи на рынке труда имеет свою специфику, обусловленную изменчивостью спроса и предложения, социально-профессиональной неопределенностью молодежи, ее статусной неустойчивостью в системе трудовых отношений, с трудностями самоопределения молодых людей вследствие как большой вариативности позиций на рынке труда, так и высоких рисков оказаться невостребованными в родном регионе (или регионе обучения) с полученной квалификацией и уровнем знаний, с меньшей конкурентоспособностью молодых специалистов по сравнению с представителями средней возрастной группы и т.д. [10; 14]. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2016 году, 91% опрошенных работодателей пожаловались на недостаток практических навыков выпускников, причем каждый второй (56%) молодой специалист оценивает уровень своих практических навыков также как недостаточный. С теоретической стороны образования дела обстоят немного лучше: по мнению 53% работодателей, бывшим студентам не хватает теоретической подготовки, но лишь каждый четвертый выпускник (25%) не доволен своими теоретическими знаниями [2]. Чем раньше руководство вуза и его сотрудники осознают значимость корпоративной культуры как способа адаптации к новым запросам работодателей и студентов и смогут правильно сформулировать цели и стратегические задачи университета, а также наладить эффективный процесс обучения студентов, тем выше будет конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг, интерес работодателей к выпускникам и скорость учета и преодоления сложностей новой образовательной среды и современного мира. Таким образом, продуманное формирование организационной культуры является одной из важнейших задач вуза в нынешней ситуации обострения структурных дисбалансов между рынком труда и образовательной системой.

Современный мир невозможно представить без гигантов, именуемых «корпорациями», они оказывают колоссальное влияние на процессы, происходящие во всем мире. Корпорация – это нечто большее, чем просто система технологических процессов и группа людей, объединенные одной целью и деятельностью, это также некая общность, благодаря которой формируется особый вид культуры – корпоративная. Среда высших образовательных учреждений не сильно отличается по сути от бизнес-корпораций, но, безусловно, имеет свою специфику, которая заключается в ориентации, в первую очередь, на социально-ценностные компоненты деятельности, такие как: создание благоприятных условий для творческой активности сотрудников вуза и его студентов; повышение интеллектуального и культурного уровня населения; удовлетворение потребности в интеллектуальном и нравственном развитии личности; подготовка и развитие способностей обучающихся к эффективному труду и конкурентоспособности через наращивание их человеческого и социального капитала; помощь в самоопределении и самореализации и пр. [6]. Иными словами, образовательная корпорация делает акцент на духовном развитии личности и ее совершенствовании.

Обозначим основные, классические, подходы к определению корпоративной культуры. Так, А.И. Пригожин понимает под ней «нечто спонтанное, образующееся в результате взаимодействия деловой культуры макросреды (континента, страны, региона, вида бизнеса, отрасли, профессии) и своеобразия индивидуальных качеств участников организации» [11]. Дж. Эванс и Б. Бергман считают, что данное понятие подразумевает единую систему ценностей, правил и норм, транслируемых сотрудникам организации, которым необходимо ее строго придерживаться. Эта система включает в себя принципы организации рабочей среды (строгость соблюдения правил, официальность в общении

начальник-подчиненный и т. д.); стиль управления (централизованное-децентрализованное); категории времени (долго-, средне- или краткосрочная перспектива); форматы/уровни межличностных контактов сотрудников; использование кадрового резерва [12]. Л.Д. Гительман определяет корпоративную культуру как совокупность устоявшихся в определенном коллективе убеждений, традиций, ценностей и установок, а также как моральный климат, который помогает сотрудникам осознать назначение предприятия (смысл их деятельности), механизмы его функционирования и разработать соответствующие нормы деятельности, стандарты поведения и способы следования им [12]. Для Э. Шейна корпоративная культура – это система основных групповых правил, которые были созданы определенным штатом сотрудников по мере того, как они пытались решать «проблемы, связанные с адаптацией к внешней среде и внутренней интеграцией, и были разработаны достаточно хорошо для того, чтобы считаться ценными» [12]. Согласно феноменологической трактовке К. Шольца культура корпорации – это неявное, невидимое и неформальное ее сознание, управляющее сознанием сотрудников и формирующееся под воздействием их поведения [16].

Существует множество классификаций видов корпоративной культуры, и наиболее популярны типологии Д. Зоненфельда, Камерона-Куина, Г. Ховстеда, Э. Шейна и Ф. Тромпенаарса. Вероятно, в наибольшей степени подходят для диагностики корпоративной культуры вузов типологии Камерона-Куина и Ф. Тромпенаарса, поскольку остальные отражают специфику работы классических коммерческих организаций. Как правило, в эмпирической оценке корпоративной культуры университета предпочтение сегодня отдается классификации Камерона-Куина, о чем свидетельствуют исследования корпоративной культуры в Сибирском институте управления РАНХиГС в 2009 году [1], Кемеровском государственном университете в 2014 году [8], Южноукраинском национальном педагогическом университете им К.Д. Ушинского в 2013 году [5] и др.

Суть классификации Камерона-Куина состоит в противопоставлении разных типов корпоративной культуры. Так, если в клановой системе доминируют дружественные и в какой-то мере заботливые установки, то в «семье» преобладает жесткий стиль руководства: сотрудники зависимы от «отца» – своего лидера, все работают на его благо, в то время как в «клане» «отец» поддерживает моральный климат и сподвигает подчиненных на личные успехи. Типы «иерархическая (бюрократическая) культура» и «эйфелева башня» схожи: лидеры задают четкое направление, по которому сотрудники, подобно частям одной лодки, должны четко следовать согласно предписанным правилам и собственным функциям, и ни о каких личных отношениях здесь и речи быть не может, т.е. эти типы напоминают веберовскую модель идеальной бюрократии. Типы «рыночная культура» и «управляемая ракета» объединяет ориентация на цель и результаты, а также стремление к слаженной командной работе. Однако для рыночного типа характерно стремление добиться успеха любой ценой, стать конкурентоспособным и лидером на рынке; управляемая ракета использует менее жесткие методы и не так явно стремится к лидерству. Для типов «адхократическая культура» и «инкубатор» общее – творческие, динамичные и свободные структуры деятельности, высокая заинтересованность в личной инициативе. Их основные различия в том, что в адхократической культуре присутствует некая иерархия, в соответствии с которой должны действовать сотрудники, в то время как в инкубаторе ее влияние минимально. Кроме того, адхократический тип рассчитывает на творчество своих работников на благо организации, а инкубатор предполагает развитие потенциала каждого сотрудника. Таким образом, классификация видов организационной культуры по Камерону-Куину действительно хорошо отражает вариации организационной культуры вуза, которые мы привыкли видеть, однако следует помнить, что в реальности в каждой организации в разной степени присутствуют элементы всех типов культуры [4].

Сегодня в мировой практике принято использовать три основные стратегии изучения организационной культуры с собственной методологией и инструментарием [13]: включенное наблюдение – исследователь действует как консультант или член коллектива;

анализ документов, отчетности, изучение традиций, рассказов, специфического для организации юмора, стереотипов, символики, ожиданий, стилей управления и пр.; и количественные методы – опросы, анкетирование и т.д. Для полной диагностики корпоративной культуры необходимо сочетание всех перечисленных методик, что не всегда удается реализовать из-за ограниченных средств, кадровых ресурсов, времени и т.д. Наиболее популярная методика изучения корпоративной культуры вуза – методика Камерона-Куина – включает в себя только опросный метод, но является оперативным и надежным способом сбора оценок всех элементов организационной культуры ее непосредственными участниками. Самое крупное исследование на основе данной методики было проведено самими К. Камероном и Р. Куином в 1990-е годы на выборке в 300 американских вузов [4].

Несомненно, исследователи все чаще признают важность организационной культуры как инструмента эффективного функционирования любого предприятия и обосновывают необходимость поиска все новых возможностей ее изучения. Тем не менее систематические исследования организационной культуры российских вузов и тем более межвузовские сопоставительные проекты, которые могли бы способствовать выявлению организационно-культурных характеристик разных вузов в России пока не проводятся. Это явное упущение современной социологии организаций, поскольку невозможно добиться рентабельности, гибкости и эффективности образовательного учреждения, не затрагивая такие базовые для него компоненты жизнедеятельности, как ценности, нормативы, методы работы и стиль управления, не осуществляя в мониторинговом режиме поиск ответов на вопросы о том, что влияет на выбор абитуриентом вуза или каковы причины успеха учебного заведения на рынке образовательных услуг (каковы его основные принципы и ценности, в какой степени их разделяют преподаватели, сотрудники и будущие выпускники университета). Сегодня именно корпоративная культура, которая включает в себя многообразие связей между студентами, профессорско-преподавательским составом, сотрудниками администрации вуза и т.п., а также ощущение ими собственной принадлежности к единому сообществу и взаимопонимание, становится фундаментом конкурентоспособности университета. Корректная диагностика корпоративной культуры является залогом ее совершенствования, а, значит, реализации потенциала сотрудников и студентов, расширения рамок развития вуза и скорейшего решения им своих стратегических задач.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Богдан Н.Н., Парфенова И.Ю. Организационная культура вуза в условиях реформ. Новосибирск, 2009.
- [2] Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать, 2016 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775>.
- [3] Загоруля Т.Б. Корпоративная культура вуза: проблемы взаимодействия субъектов образовательного процесса – студентов и преподавателей // Современные проблемы науки и образования. 2015. №3.
- [4] Камерон К., Куин Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2002.
- [5] Койчева Т.И. Опыт изучения корпоративной культуры педагогического университета // Концепт. 2013. №3.
- [6] Леньков Р.В., Боровлева Е.И. Корпоративная культура как фактор эффективности вуза // Наукоедение. 2013. №5.
- [7] Микро- и макроэкономика. СПб., 1994.
- [8] Морозова Е.А., Сухачева А.В. Корпоративная культура в вузе: взгляд работников и студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №4.
- [9] Морозова Е.А., Сухачева А.В. Диагностика и развитие корпоративной культуры факультета вуза // Фундаментальные исследования. 2013. №8-6.
- [10] Нарбут Н.П., Троцук И.В., Цзи Цзиньфэн. Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник РУДН.

Серия «Социология». 2014. №1.

- [11] Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
- [12] Рычкова А.А. Корпоративная культура современной компании. Генезис и тенденции развития. М., 2015.
- [13] Соломадина Т.О. Организационная культура компании. М., 2007.
- [14] Троцук И.В., Невзорова Н.А. Структурные дисбалансы как ключевой фактор безработицы на российском рынке труда // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №2.
- [15] Университеты превращаются в корпорации: итоги форума «Экосистема инноваций», 2016 // <http://technopark.ifmo.ru/universitety-prevrashhayutsya-v-korporatsii-itogi-foruma-ekosistema-innovatsij>.
- [16] Шольц К. Корпоративная культура. М., 2003.
- [17] Dobson P. The Character of Organizations. Palo Alto, 1992.

ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕХНОПАРКОВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

М.А. Ульянычев

Трудности современной социально-экономической среды, обусловленной нестабильностью основных факторов устойчивого развития, послужили потребностью в модернизации механизмов управления инновационными процессами. Основными заинтересованными сторонами инновационного процесса выступают научные организации, бизнес и государственные органы. При этом у заинтересованных сторон имеют место противоречия не только в понимании инновации, как результата инновационной деятельности, но и в контексте разработки инновационных продуктов, а также в организации собственного инновационного процесса. Одним из инструментов решения этой проблемы выступает создание технопарков – особых зон, на территории которых формируются экономические, инфраструктурные и социальные условия, необходимые для обеспечения взаимодействия заинтересованных и, как следствие, разработки новых технологий. Технопарки выступают одним из наиболее успешных и популярных форматов устройства территорий подобного рода. На сегодняшний день в Российской Федерации функционирует ряд технопарков, при этом показатели их деятельности не всегда удовлетворительны и работа современных российских технопарков нуждается в оптимизации, особенно в направлении создания инновационных разработок и наукоемких производств. Для того чтобы найти наиболее эффективные пути развития наукоемких производств российских технопарков был проанализирован опыт ряда успешных зарубежных территорий, которые можно отнести к технопаркам. В статье приводится теоретическое обоснование и результаты, полученные в процессе данного исследования.

Ключевые слова: технопарки, наукоемкие технологии, инновации, инновационные технологи, инновационное развитие.

Особенности современных социальных, экономических и политических процессов создают потребность в постоянном создании и развитии инновационных технологий. Формирование инноваций происходит при взаимодействии ряда различных факторов, поэтому сложно говорить о том, что усиление конкретного какого-то из них значительно повысит уровень научного (и как следствие инновационного) потенциала общества.

Само по себе понятие «инновация» в научный лексикон ввёл *Й. Шумпетер* [9] и на протяжении длительного времени инновации оставались проблемной областью

экономической теории. При этом многие факторы развития инноваций подчинены специфике социальной системы, в которой она реализуется. Исходя из этого, правовыми формами создания и реализации инноваций являются весьма многочисленные договоры, которые призваны урегулировать отношения субъектов инновационной деятельности.

Существуют различные механизмы развития инновационных организаций, которые находятся на стадии разработки новой технологии и еще не имеют широких возможностей, доступных более крупным компаниям. При этом на данном уровне процесс создания и развития инноваций имеет достаточно высокий потенциал, так как относительно небольшие и проектно ориентированные инновационные организации имеют более высокую гибкость и возможности проактивного взаимодействия с окружающей экономической и социальной средой (вкуче с меньшими рисками), чем гиганты индустрии. В связи с этим, как для крупных организаций, так и для государственных структур имеет высокое значение возможность развития небольших организаций, занимающихся созданием инновационных, наукоёмких и конвергирующих технологий. Значительное влияние на развитие инновационных организаций оказывает институт право в целом и патентное законодательство в частности. Также неоднократно было выделено влияние социальных представлений студентов на создание новых технологий.

Большинство организаций в начале своей деятельности сталкиваются с рядом проблем, в число основных можно включить следующие:

- ✓ недостаток финансирования;
- ✓ отсутствие площадей;
- ✓ поиск клиентов;
- ✓ привлечение квалифицированного персонала;
- ✓ отсутствие знаний и опыта и др.

И если большинство обычных организаций при правильно выстроенных производственных и бизнес-процессах имеют возможности решить данные проблемы, то для новых компаний, занимающихся наукоёмкими и высокотехнологическими разработками, эти барьеры могут стать непреодолимыми. Поэтому инновационным компаниям требуются особые условия деятельности и развития.

Одним из наиболее популярных механизмов решения этой проблемы является формирование особых имущественных комплексов, которые получили наименование «технопарки». Технопарк представляет собой объединение научно-исследовательских институтов, деловых центров, выставочных площадей, учебных заведений и необходимые объекты индустрии. Помимо этого, современный технопарк должен быть оборудован обслуживающими объектами, в том числе, транспортной и логистической инфраструктурой, охраной, жильем и т.д. Технопарки сегодня создаются с целью объединения всех элементов, необходимых для создания и развития инновационной организации.

Модель технопарка появилась около 60 лет назад в Стэндфордском университете. Под руководством *Ф. Термана* часть площадей университета была сдана в долгосрочную аренду высокотехнологическим компаниям, у которых был интерес покупки и использования интеллектуальных разработок университета, а также привлечения к работе обучающихся и выпускников. Главной особенностью данного подхода выступила основная потребность в коммерческой рентабельности деятельности. Эта модель дала начало созданию и развитию многих высокотехнологических компаний (1) и стала основой технологического центра *Кремниевая (Силиконовая) Долина*.

В дальнейшем технопарки стали создаваться в Европе (Франция, Бельгия и др. – 1970-е гг.), Северной и Южной Америки, Азии, Австралии (Канада, Бразилия, Сингапур, Малайзия, Индия, Япония и др. – 1980-1990-е гг.), а также в странах бывшего СССР (Российская Федерация, Белоруссия, Узбекистан, Украина и др. – 1990-2000-е гг.). На сегодняшний день в мире действуют более 1000 технопарков, до 60% которых находятся в США (более 30%) и Европе (также более 30%) и активно развиваются странах Азии и Южной Америки.

В Российской Федерации на сегодняшний день реализуются более 80 проектов, связанных с технопарками, более 30 технопарков уже построены и функционируют и около 50 находятся на различных стадиях проектирования и создания. При этом следует подчеркнуть, что Российская Федерация до сих пор имеет относительно скромные результаты в инновационной активности (2). Можно также отметить, что размеры инвестиций в технологические инновации Российской Федерации в условном соотношении сопоставимы с инвестициями, имеющими место в странах с высокой инновационной активностью (2), что говорит о наличии проблем в системе управления инновациями на всех уровнях их создания и внедрения.

Учитывая высокую потребность развития наукоёмких и конвергирующих технологий для Российской Федерации, а также увеличение практики создания технопарков в качестве механизмов инновационного развития и коммерциализации разработок, можно констатировать высокое значение в повышении эффективности управления технопарками на организационном, отраслевом и институциональном уровнях. С этой целью предлагается рассмотреть опыт международной практики создания и развития технопарков.

Для этого нами были проанализирован ряд технопарков, функционирующих в различных странах [3; 10]. В рамках анализа не стояла задача выделить успешные проекты или наоборот найти основные проблемные точки. Эффективность работы технопарка зависит от ряда факторов и достаточно сложно найти универсальный алгоритм действий.

1. **Kulum Hi-Tech Park (Малайзия)** – технопарк был создан с целью инновационного развития страны и производства. Комплекс специализируется на создании электроники, развитии биологии, фармацевтики, медицины, а также осуществляет исследования в сфере физики и оптики. В работе в рамках создания и развития инноваций принимают участие университеты. Большая часть технопарка находится в собственности управляющей компании. Территория технопарка открыта и разделена на зоны. Допускаются компании, занимающиеся R&D, разрабатывающие инновационные технологии и производство. Технопарк имеет бизнес-инкубатор и предоставляет услуги по системе аутсорсинга. Компаниям также предлагаются упрощенные процедуры налогообложения и налоговые льготы.

2. **Lahti Science and Business Park (Финляндия)** – комплекс в основном специализируется на создании информационно-коммуникационных технологий, биологических, фармацевтических и медицинских разработках, а также на поиске альтернативных источников энергии. Университеты участвуют в исследовательской деятельности и коммерциализации технологий. Комплекс совместно управляется государством и частными компаниями. Приоритет имеют компании, работающие в сфере лесного хозяйства. Комплекс имеет в наличии бизнес-инкубатор, а также предлагает льготные тарифные ставки и гибкую систему оплаты аренды.

3. **Lakeside Science And Technology Park (Австрия)** – технопарк специализируется на создании социальных и экономических инноваций, а также на развитии региона. Высшие учебные заведения имеют вспомогательную роль в деятельности технопарка и выступают партнёрами. Комплекс частично принадлежит государству и частным организациям. Вход на территорию технопарка свободный. К работе в комплексе допускаются IT-компании. Бизнес-инкубаторов и услуг по системе аутсорсинга комплекс не имеет, при этом предлагаются льготы для стартапов.

4. **One-North (Сингапур)** – технопарк принадлежит государству и на его территорию имеется свободный доступ. В комплекс допускаются организации, занимающиеся исследованиями в рамках физики, биотехнологий, R&D. Более 60% площадей технопарка используются как лаборатории. Предоставляется ряд услуг по системе аутсорсинга. Есть возможность использования упрощенных налоговых процедур.

5. **Otaniemi (Финляндия)** – на сегодняшний день на этой территории осуществляют деятельность 800 компаний, которые занимаются разработкой и коммерциализацией технологий в направлении электроники, альтернативной энергетики,

охраны окружающей среды, лесного хозяйства. Университеты участвуют в процессе реализации исследовательских процедур. Технопарк находится в управлении, как государственных ведомств, так и частных организаций. Приоритет имеют компании, работающие в сфере лесного хозяйства. Комплекс имеет в наличии бизнес-инкубатор, а также предлагает льготные тарифные ставки и гибкую систему оплаты аренды.

6. **Research Triangle (США)** – на территории комплекса зарегистрировано 170 фирм, действующие в направлениях инновационного, социального и экономического развития штата. В технопарке работают более 52 000 сотрудников. Основное значение имеют исследования в сферах биологических, медицинских и фармацевтических технологий. Активно взаимодействует с университетами. К работе в технопарке допускаются организации, занимающиеся R&D, производством для опытных целей, при этом приоритет сделан на экологически чистые производства. Комплекс предоставляет ряд услуг по системе аутсорсинга и льготные тарифные ставки на аренду.

7. **Silicon Vallery (США)** – образование начало свою работу как стихийная зона 1950-1960-е гг. В настоящее время функционирует более 100 организаций, деятельность которых направлена на развитие электроники и информационно-коммуникационных технологий. Активно взаимодействует с университетами в направлении образовательной деятельности и обеспечения технопарка человеческими ресурсами. Не имеет строго выделенной территории, управление осуществляется некоммерческими организациями. Есть возможность использования упрощенного налогообложения и льгот для предпринимателей.

8. **Softwarepark Hagenberg (Австрия)** – деятельность технопарка направлена на социально-экономическое развитие региона посредством инноваций. Основная деятельность компаний направлена на разработку программного обеспечения и информационных технологий. Большое значение для деятельности технопарка имеют высшие учебные заведения, которые предоставляют специалистов и осуществляют совместные исследования. Комплекс находится в собственности частной девелоперской компании, акционером которой является государство. Сама территория представляет собой комплекс зданий. В технопарк допускаются компании, специализирующиеся на работе в сфере информационных технологий. Комплекс имеет два бизнес-инкубатора, а также предоставляет ряд услуг (аутсорсинг). Предлагается гибкая система оплаты аренды.

9. **Sophia-Antipolis Park (Франция)** – в технопарке зарегистрировано почти 1500 компаний и работает более 40 000 сотрудников. Комплекс находится в частной собственности, не имеет зонального деления (территория не отгорожена), в некоторых сферах взаимодействует с высшими учебными заведениями. Деятельность компаний направлена на социально-экономическое развитие и диверсификацию деятельности региона в направлении биологических, фармацевтических и медицинских разработок, а также коммуникационных технологий и химических исследований. В комплекс допускаются компании, имеющие экологически чистые производства. В технопарке есть бизнес-инкубатор и предлагается широкий спектр услуг по системе аутсорсинга.

10. **Technologiapark Heidelberg GmbH (Германия)** – деятельность комплекса направлена на развитие науки в направлении биологии, фармацевтики и медицины. Высшие учебные заведения составляют основу научной базы технопарка. Комплекс находится в совместной собственности государства и частных организаций. Здания находятся в разных частях города. В технопарк допускаются компании, занимающиеся биологическими исследованиями и защитой окружающей среды. Комплекс имеет бизнес-инкубатор и предоставляет ряд услуг по системе аутсорсинга. Имеются льготы для стартапов.

11. **Turku Science Park (Финляндия)** – на сегодняшний день в технопарке зарегистрировано 160 фирм, деятельность которых направлена на социально-экономическое развитие региона и на коммерциализацию разработок в сферах электроники, поиска альтернативных источников энергии, биологических и фармацевтических исследований. Высшие учебные заведения участвуют в работе технопарка при реализации научных исследований и коммерциализации технологий. Комплекс находится в совместной

собственности государства и частных организаций. Технопарк не имеет жилых зданий на своей территории. Приоритет имеют компании, работающие в сфере лесного хозяйства. Комплекс имеет в наличии бизнес-инкубатор, а также предлагает льготные тарифные ставки и гибкую систему оплаты аренды.

Развитие инновационных организаций представляет собой важнейший элемент современного государственного управления. Механизмы создания организаций, разрабатывающих инновации, предполагают наличие особых социальных, экономических и культурных условий. Мировой опыт показывает, что использование технопарков позволяет в значительной степени удовлетворить данную потребность.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.
- [2] Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. – М.: Наука, 1991.
- [3] Мухлислова А.Р., Баринаова В.А., Коцюбинский В.А., Рыбалкин В. Технопарки стран мира. Организация деятельности и сравнение. – М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2012.
- [4] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодёжи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 4 (08). – С.105-123.
- [5] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – Т.16. – С.69-74.
- [6] Неверов А.В. Роль оценки персонала в социальном развитии организации // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 2. – С.38-45.
- [7] Неверов А.В., Дудник А.С. Социальные аспекты инновационного управления организацией // Вестник РУДН. Серия: «Социология». – 2014. – № 4. – С.151-160.
- [8] Тюрина И.О., Неверов А.В., Чурсина А.В. Влияние патентного законодательства России на развитие наукоёмких технологии: социологический анализ организацией // Вестник РУДН. Серия: «Социология». – 2016. – № 4. – Т.16. – С.844-859.
- [9] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.
- [10] Tyurina I.O., Neverov A.V., Ulyanychev M.A. Technoparks and science-intensive production: review of advanced experience // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]. – 2017. – № 3. – С.387-398.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Hewlett-Packard, Electronic Arts, Sun Microsystems, Nvidia, Yahoo!, Cisco Systems, Silicon Graphics и Google
- (2) По данным НИУ ВШЭ: Индикаторы инновационной деятельности 2016: статистический сборник» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii2016>. Дата обращения: 09.08.2017

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА

Т.Д. Юрош

Полагая, что эффективная и инновационная экономика в Российской Федерации может быть построена только на основе тесного и доверительного взаимодействия бизнеса и государства, автор рассматривает основные форматы подобного взаимодействия и характеризует

причины проблем, с которыми сталкиваются попытки диалога государства, науки и бизнеса на основе различных форм государственно-частного партнерства в интересах решения насущной задачи экономического роста.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП), государственная политика, бизнес, концессия, лизинг, взаимовыгодное сотрудничество.

Эффективность государственной политики напрямую зависит от возможностей привлечения ресурсной базы на разных уровнях управления, но прежде всего на местном и региональном. В современном мире применяется множество механизмов активизации экономического роста, которые обеспечивают умножающий эффект, и в России сегодня ключевое значение приобретает механизм государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), предполагающий равноправие и обоюдовыгодное сотрудничество государства, территориальных сообществ и частных инвесторов [4]. Безусловно, сегодня возрастает заинтересованность государства в развитии и реализации разных видов ГЧП, что связано, в первую очередь, с преимуществами такого партнерства в наращивании финансовых и инвестиционных ресурсов: появление частного инвестора обеспечивает эффективное и масштабное привлечение финансирования к реализации проекта и способно повысить доходность объектов в ходе их дальнейшей эксплуатации. О

Один из ключевых элементов ГЧП – государственно-частное управление. Это распространенное явление в мировой практике, которое более эффективно, чем сугубо государственное управление, примеры чему можно найти во многих странах. Среди форм, в которых реализуются проекты ГЧП, выделяют концессию, аренду государственного имущества, лизинг, соглашение о разделе продукции, договор управления государственным имуществом и договор о совместной деятельности. Анализ типов взаимодействия бизнеса и государства позволяет уверенно говорить о том, что обозначенные виды ГЧП – скорее идеальные модели, чем реально работающие организационные формы, потому что на практике они обычно сочетают черты разных типов и сталкиваются с целым комплексом затруднений: правовыми, экономическими, управленческими. Соответственно, возникает вопрос о тех условиях, которые способствуют партнерской работе бизнеса и власти в России.

Очевидно, что в реализации передовых инновационных проектов нельзя полагаться исключительно на финансирование из государственного бюджета, что объясняется его объективным сокращением в последние годы. Сегодня успешность проекта в значительной степени зависит от привлечения других вариантов финансирования, а также от интереса бизнеса к проекту. ГЧП в сфере инновационных технологий – это взаимодействие, в котором бизнес-структуры и государство в равной мере заинтересованы и имеют равноценные условия участия. Государственное участие в передовых процессах необходимо вследствие важности реализации инновационных подходов в тех экономических сферах, где бизнес сталкивается с преградами либо же у него отсутствует интерес к конкретному проекту. Помимо этого, государство должно создавать стимулы для предпринимателей – чтобы они участвовали в инновационной деятельности, которая крайне важна для современного общества [2. С.49].

Государство выражает заинтересованность в партнерских взаимоотношениях с бизнес-структурами в следующих формах: запрос на эффективную с экономической точки зрения реализацию проектов; урегулирование соотношения количества проектов и затрат на них; привлечения финансирования в основные направления модернизации, которые позволят перейти к современным экономическим моделям; расширение связей; стимулирование развития бизнеса (малого, среднего). Что касается основных мотивов бизнеса в ГЧП, то это извлечение прибыли в нетривиальных сферах деятельности. ГЧП в сфере инноваций как институциональное и организационное содружество государства и бизнеса обязано учитывать факторы нестабильной экономики и базироваться на следующих принципах [5. С.59]: партнерство должно соответствовать целям инновационного развития экономики

страны в целом и ее субъектов в частности; партнерство должно быть подчинено решению не только текущих, но и стратегических задач развития инновационной экономики страны в целом и ее субъектов в отдельности; соблюдение равенства интересов сторон и свободы выбора действий каждой из них; невмешательство государства в сферу ответственности частного партнера; свободная конкуренция и ответственность за исполнение условий контракта.

Обозначим основные типы отношений между бизнес-структурами и государством, представив характерные для России формы партнерства:

- Контракты или административные договоры – заключаются между Россией и ее субъектами, а также муниципалитетами с бизнес-структурами для достижения конкретных целей.

- Аренда в виде лизинга (договор аренды) – подразумевает передачу во временное пользование частному лицу того или иного имущества на определенных условиях, которые прописаны в договоре; в ряде случаев возможен последующий выкуп данного имущества.

- Концессия или концессионное соглашение – государство или муниципалитет остается собственником с полным набором прав, но возлагает на частного партнера (концессионера) ряд обязательств вследствие пользования данным имуществом в течение определенного срока. В данном соглашении право собственности на полученную по концессионному соглашению продукцию передается концессионеру.

- Соглашения о разделе продукции – предпринимателю (инвестору) на возмездной основе и на определенный срок предоставляются исключительные права на поиски, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ, а предприниматель обязуется за свой счет и на свой собственный риск провести указанные работы.

- Контракты, сочетающие разные виды работ и отношений собственности, например, совместные предприятия – отличительной чертой совместной деятельности государственных структур и частного сектора является распределение рисков между сторонами согласно долевого участию.

Самым распространенным видом ГЧП сегодня является концессия, что обусловлено ее выгодами для всех вовлеченных сторон: государство сохраняет возможность оставить за собой право распоряжаться собственностью и влиять на концессионера; для бизнеса основной плюс – долгосрочность сотрудничества и свобода решений. Однако постоянно расширяются формы партнерства, например, государственный и частный сектор имеют возможность присоединения к существующим компаниям, при этом в большинстве случаев роль государства ограничивается получением блокирующего меньшинства, тогда как партнеру принадлежит лишь часть выпущенной продукции.

Яркий пример современной формы сотрудничества государства и бизнеса является взаимодействие в рамках реализации ключевых для государства проектов. Широко представлены в России и другие формы ГЧП: бизнес-инкубаторы, технопарки, кластеры, инновационно-технологические центры и наукограды. Причем интерес к ГЧП возрастает и в регионах. Так, в Санкт-Петербурге еще в 2006 году был принят первый закон в данной сфере – № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно- частных партнерствах». В Москве с элементами ГЧП было реализовано множество крупных проектов в различных сферах, в том числе: открытие сети частных клиник «Медси»; строительство станции метро «Мякинино»; строительство скоростной автодороги Москва – Санкт-Петербург; реконструкция прилегающих к городу автотрасс; строительство Центральной кольцевой автомобильной дороги (ЦКАД).

Сфере ЖКХ в последние годы уделяется большое внимание, она стала своего рода полигоном для разработки и реализации множества модельных проектов ЧГП. На сегодняшний день реализуется огромное количество партнерских проектов в разных сферах экономики, что доказывает заинтересованность государства и бизнеса во взаимовыгодном взаимодействии, но лидируют все же следующие сферы: ЖКХ, транспортная,

энергетическая, промышленная и строительная [8. С.113]. Тем не менее, до сих пор ГЧП не получило необходимого для своего развития правового оформления. Так, основная часть проектов не касается сферы высоких технологий, проекты далеко не всегда интересуют бизнес по причине дороговизны и сомнительной окупаемости, а при этом спрос на высокотехнологичные проекты неизменно растет, но отсутствует предложение соответствующих проектов.

Можно назвать целый ряд проблем, препятствующих развитию ГЧП: несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы; фискальная направленность налогового законодательства; отсутствие механизмов долгосрочного финансирования; низкий уровень доверия бизнеса к государственной власти; отсутствие четкой концепции развития и поддержки ГЧП; отсутствие независимой судебной системы; высокий уровень коррупции и всякого рода злоупотреблений и произвола, что является препятствием для частного финансирования не только в регионах, но и на уровне федеральных проектов; влияние политической составляющей на принимаемые экономические решения. Несмотря на внушительное количество проблем, в последнее время был принят комплекс мер, направленный на активизацию ГЧП.

Так, сегодня законы о ГЧП действуют в 69 субъектах Российской Федерации, прежде всего это Федеральный закон от 21.07.2005 №115-ФЗ «О концессионных соглашениях», Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Федеральный закон от 22.07.2005 №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». С 1 января 2016 года вступил в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 года №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает инновационные модели ГЧП – с объединением ресурсов и распределением рисков на всех участников партнерства посредством заключения соглашений. Законодательно урегулированы основные элементы партнерства: принципы, требования, объекты. Кроме того, в законе урегулированы отношения, которые возникают при заключении, исполнении и прекращении соглашения; установлены полномочия органов государственной власти, муниципальных властей, определены гарантии прав и законных интересов сторон соглашения о партнерстве; введен минимальный трехлетний срок для соглашений о партнерстве; установлены права публичного партнера на реализацию контроля за исполнением соглашения о партнерстве, а также гарантии для частного партнера.

Следует также назвать ряд документов, которые положительно повлияли на развитие ГЧП: «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», «Долгосрочный научно-технологический прогноз развития Российской Федерации на период до 2025 года», Федеральные целевые программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007-2012 годы» и «Национальная технологическая база на 2007-2011 годы». Государство поддержало и развитие институтов ГЧП: Инвестиционный фонд Российской Федерации, Российская венчурная компания, Фонд «Сколково», Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. В 2007 году на базе Внешэкономбанка была создана госкорпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», за которым было закреплено участие в проектах сферы ГЧП. Позже был создан Центр развития ГЧП, который активно занимается доработкой законодательной базы и анализом развития ГЧП в России. На базе Центра был учрежден Институт развития ГЧП, который выпускает электронный журнал «Государственно-частное партнерство в России».

Впрочем, многие из перечисленных мер не возымели нужного эффекта. Так, сегодня по-прежнему количество проектов ГЧП намного меньше, чем необходимо для эффективной инновационной экономики. Бизнес-структуры не заинтересованы во взаимодействии с государственным аппаратом в реализации проектов. Чтобы изменить отношение бизнеса к

ГЧП, государство должно выполнить следующие условия: обеспечение благоприятной экономической и нормативно-правовой среды, которая предусматривает эффективное взаимодействия государства, бизнеса, науки и общества; разработка новых организационных механизмов системы ГЧП; формирование системы господдержки результатов инновационной деятельности; формирование у предпринимателей мотивации к развитию инновационной деятельности; разработка новых организационных механизмов системы ГЧП; разработка эффективных инструментов государственного управления инновационной сферой; предоставление госгарантий на привлечение бизнесом займов на внедрение наукоемких технологий; устранения дисбаланса между интересами государства и частного бизнеса; стимулирование организационно-институциональной поддержки; привлечение малого и среднего бизнеса к участию в целевых программах и инновационных проектах; разработка антимонопольных мер по развитию конкуренции в наукоемких отраслях.

Основные задачи государственного аппарата в вопросах развития инноваций в проектах ГЧП таковы: организация совместного финансирования; развитие косвенного финансирования; разработка гибкой политики в сфере налогов и тарифов; увеличение потоков инвестиций в инновационную деятельность [3. С.42]; коммерциализация результатов НИР инновационного характера в целях повышения мотивации бизнеса [1. С.64]. Также стимулирование интереса бизнес-структур к финансированию инновационной деятельности возможно посредством следующих мер: льготное кредитование для поддержки отечественных мощностей; выдача лицензии частным лицам, которые ориентированы на импортозамещение; привлечение стратегически важных зарубежных инвесторов посредством внедрения целевых преференций.

Для улучшения ситуации с ГЧП в России важно использовать передовой зарубежный опыт, но с учетом особенностей развития российского общества, в частности, необходимо ввести налогообложение венчурных фондов только на уровне портфельных компаний; в целях избегания двойного налогообложения отменить регистрацию представительств иностранных инвесторов; освободить от уплаты НДС выплаты компенсаций и комиссионных менеджерам управляющей компании; не облагать налогом (или использовать минимальные ставки) доход от прироста капитала. В России существуют серьезные проблемы с наполнением налогового бюджета, однако введение особого налогового режима для учреждений, занимающихся научной деятельностью, может благотворно сказаться на общем развитии всей сферы партнерства. Договор инвестиционного товарищества тоже может быть очень эффективен в данной сфере, поскольку он предусматривает объединение средств двух и более лиц для совместного вложения, но при этом их регистрация как юридического лица упрощена и не обязательна. Такие договора выгодны инвесторам и государству, поскольку не всегда одно частное лицо может взвалить на себе все затраты, и консолидация сил поможет решить эту проблему, обезопасив себя от бумажной волокиты при регистрации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Агарков С.А., Кузнецова В.С., Грязнова М.О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. М., 2011.
- [2] Воротников А.М., Королев В.А. О развитии государственно-частного партнерства в российских регионах // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2010. №2.
- [3] Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В.П. Горегляд. М., 2005.
- [4] Никулин А.М., Троцук И.В. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. №3.
- [5] Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н. Государственно-частное партнерство в системе стратегического развития территорий. Екатеринбург, 2011.
- [6] Троцук И.В. Типы сельских территорий и риски муниципальной реформы: возможные сценарии развития сельской России // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. М., 2013.

- [7] Троцук И.В. Энциклопедия жизни российской северной периферии, или Рецепты излечения не обреченного на бедность // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. Вып.9. М., 2014.
- [8] Шинкаренко П. Государственно-частное партнерство: проблемы и решения // Проблемы теории и практики управления. 2007. №8.

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТЫХ МОТИВОВ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Д.М. Зеленская

В статье обсуждается проблема эффективности проективных методик. Особое внимание уделяется значимости применения проективных методик в качественном исследовании с целью выявления скрытых мотивов переводов сотрудников. На материале конкретного эмпирического исследования показаны возможности и принципы стандартизации проективных методик, используемых для получения субъективной закрытой информации.

Ключевые слова: качественные методы, проективные методики, интервью с «гайдами», внутриорганизационная мобильность, интерпретация данных, индекс значимости.

Получение достоверной информации является одной из ключевых задач для социологов, проводящих исследования по сенситивной проблематике. Эффекты социальной желательности и диссимуляции, неизбежно сопровождающие опросное общение на деликатные темы, приводят к трудно контролируемым смещениям в ответах и нарушениям валидности данных. Для преодоления защитных механизмов респондентов выработан ряд специальных коммуникативных приемов, позволяющих снизить субъективную остроту обсуждаемых тем за счет особого подхода к составлению инструментария и формулировке вопросов. Наиболее эффективными средствами повышения степени искренности ответов исследователи считают приемы «проекции» и «рутинизации» [1, с. 151].

Ряд проективных методик, разработанных в рамках клинической психологии, позднее был адаптирован для применения в социальных исследованиях.

Необходимость этого была обусловлена осознанием того, что в определенных обстоятельствах невозможно получить точные данные о чувствах и мыслях людей, просто просив их выразить эти чувства и мысли [2.С.48]. Все это может относиться к следующим трудностям: [3 С.6-8]

1. В обычной интервью респондент зачастую не склонен делиться своими глубинными переживаниями и мыслями, особенно при обсуждении интимных, сензитивных тем;
2. Люди склонны давать социально приемлемые и стереотипные ответы, также иногда скрывать истину в случае их несоответствия социально ожидаемым
3. Человек может не осознавать свои истинные мотивы, ценности, установки;
4. Также человек может стремиться к рациональному и логическому ответу, при этом искажая или уменьшая эмоциональные факторы;
5. Ценности человека, ориентир на определенный стиль общения, субъективное понимание социальной ситуации опроса могут повлиять на ответы.

Сэнфорд Ф. считает: «От любого респондента можно ожидать многих установок, которые он не будет готов выразить даже самому себе» [4.С.697].

Поэтому, вместо того, чтобы во всех этих случаях задавать прямые вопросы, в социологии решили взять на вооружение адаптированные проективные методики, предполагающие меньшую степень интеллектуализации и рационализации при ответе, и позволяющие проникнуть исследователю во внутренний мир респондента, причем сделав это

комфортно для опрашиваемого, путем проекции неосознанных или скрытых чувств и мыслей на неструктурированный материал. [5.С.239].

Классическое определение проективных методик представляется следующим образом – «это совокупность исследовательских процедур, позволяющих получать научно обоснованные данные о тех установках или мотивах, информация о которых при применении прямых исследовательских процедур подвергается определенным искажениям. Данные искажения могут носить со стороны респондента как осознанный, так и не осознанный характер» [6.С.8].

Белановский С.А. отмечает три теоретических постулата, лежащих в основе применения проективных методик в социологии:

1. Принцип психологического детерминизма- любые реакции на стимулы, какими бы странными они не были, они имеют психологическую причину и требуют расшифровки;
2. Сам принцип проекции;
3. Нереалистичность и фантастический характер проективных методик, позволяющий снизить влияние исследователя на респондента. [7.С.64].

Так как о глубинных мотивах людям свойственно не говорить прямо, то суть проективных методик сводится к выявлению подсознательных устремлений, мотивов личности, определению ее эмоционального состояния без прямого обращения к опыту человека, как бы опосредовано, через оценку не связанного с ним личного опыта.

По своему содержанию проективные вопросы — неясные, размытые, стимулирующие дискуссии на общефилософские и социальные темы.

Сущность проективных вопросов заключается в том, что они: снимают эмоциональное напряжение, эффект оценивания, желание давать социально-желательные ответы, личную ответственность — за счет этого получаем более достоверную информацию; проецируют личностные установки, ценности, мотивы поведения и стратегия мышления.

Проективные вопросы требуют от кандидата оценки действий, поступков, мыслей, мотивов кого-то другого, а не его лично. Тем самым пытаюсь увести мысли кандидата при ответе максимально дальше от личной ответственности. Таким образом достигается эффект расслабленности и наиболее адекватной информации [8. С.1-5].

Еще одним важным положительным моментом использования проективных методик является их развлекательность: оригинальность и неожиданность стимулов или заданий вносит в групповую дискуссию или интервью элемент игры, в которую респонденты с удовольствием включаются. Кроме того, судя по высказываниям клиентов, наблюдающих за ходом дискуссии из-за зеркала, использование некоторых проективных методик отчасти превращает исследование в очень интересный и яркий спектакль [9. С.318].

Таким образом, проективные методики применяются для обнаружения специфики личностного восприятия и поведения, за счет того, что человек проецирует бессознательные чувства в своих ответах. «Цель проективных методик – проникнуть вглубь психики, к лежащей там системе потребностей и ценностей, раскрыть личность и неосознанные мотивы поведения человека. [10.С.1].

Для изучения необоснованной внутриорганизационной мобильности, и выявления скрытых мотивов переводов, были использованы проективные методики.

Трудовая мобильность является неотъемлемой категорией рынка труда и ее обуславливают сами социальные отношения между индивидами и группами индивидов. Социальная мобильность есть процесс перемещения индивидов в стратификационной системе с одного на другой уровень. Трудовая же мобильность представляет собой специфическую форму социальной мобильности и заключается в смене места труда работниками, за счет трудовой мобильности работники имеют возможность изменять свои места в системе общественного разделения труда [11.С.1].

Роль и значимость трудовой мобильности в обществе определены двумя основными ее функциями:

1. Экономическая функция, которая заключается в том, что обеспечивает рабочую силу и эффективность производства;
2. Социальная функция – состоит в планомерном совершенствовании структуры общества, более полном удовлетворении потребностей работников в трудовой сфере, в создании таких условий, в которых станет возможной самореализация и развитие потенциала работника [12.С.20].

Мобильность может существовать внутри предприятия в организованной форме, то есть подразумевает перевод на другие рабочие места, и в неорганизованной форме, то есть в форме внутриорганизационной текучести кадров. Наибольший интерес представляет именно внутриорганизационная форма трудовой мобильности.

Внутриорганизационная мобильность представляет собой вид трудовой мобильности и определяется тем, что каждое предприятие представляет собой сложную социо-техно-экономическую систему рабочих мест, которая постоянно изменяется под влиянием научно-технического прогресса. Внутриорганизационные перемещения могут осуществляться между подразделениями, как между цехами, так и между участниками; внутри подразделений между рабочими местами: между профессиями, должностями, категориями работников. Особая функция внутриорганизационной мобильности состоит в ее воздействии на перемещение работников за пределы предприятия – чем больше масштабы и выше уровень внутриорганизационной мобильности, тем меньше внешняя текучесть кадров.

Одним из главных факторов, влияющих на внутреннюю мобильность является корпоративная культура. Корпоративная культура представляет собой поддерживаемые организацией основополагающие ценности и стандарты, убеждения, этические нормы, верования и ожидания, которые выступают в качестве своеобразных ориентиров в трудовой деятельности работников и обуславливают способ объединения и согласованность действий управленческого звена, структурных единиц и отдельных сотрудников.

Проанализировав опыт различных компаний в области организации корпоративной культуры, можно заключить, что на внутреннюю мобильность в первую очередь влияет внутренний климат компании. Для компании важна корпоративная культура – она обуславливает определенный климат внутри организации.

Факторы, вызывающие трудовую мобильность персонала разнообразны и обусловлены различными источниками. Сила их влияния различна, изменчива и часто трудно поддается оценке. По степени управляемости факторы могут быть разделены на три группы:

1. Факторы, возникающие на самом предприятии (Размер заработной платы, условия труда, перспективы развития и т.д.)
2. Личностные факторы (возраст, уровень образования сотрудников, опыт работы)
3. Внешние факторы, по отношению к предприятию (Экономическая ситуация в регионе, семейные обстоятельства, появление новых предприятий) [13.С.34].

Аэропорт Домодедово является довольно крупной организацией, в которой, на сегодняшний день, функционируют 15 предприятий. При таких возможностях выбора, возникает проблема внутрифирменных переводов сотрудников. На предприятии аэропорта Домодедово существуют понятия как «позитивная» внутрифирменная мобильность и «негативная».

В аэропорту Домодедово был разработан справочник, описывающий ситуации, когда увольнение учитывается, а когда нет и этот перечень довольно обширный. По итогам применяется формула расчета, содержащая количество релевантных увольнений и стаж работы кандидата, в итоге получается «коэффициент джамперства» – числовая характеристика, по итогам которой выносится заключение о предполагаемой благонадежности кандидата

«Джампер» (дословный перевод с английского «JUMP» - прыжок) - в рамках организации Домодедово, это человек с частой внутрифирменной мобильностью. Сотрудники являются «джамперами», имеющие от 2-х и более внутрифирменных переводов.

Постоянно меняющийся персонал приносит экономический ущерб компании, и соответственно не дает формироваться постоянному и слаженному коллективу, корпоративному духу в компании, таким образом, снижается эффективность работы сотрудников, и это отрицательно влияет на корпоративную культуру организации и «затормаживает» ее развитие.

Для выявления факторов, влияющих на внутриорганизационную мобильность сотрудников аэропорта Домодедово, в рамках исследования, было проведено интервью с путеводителем (гайдом) с «Джамперами».

То есть то, что «Джамперы» будут говорить и думать сегодня, — это сумма их опыта, всех ситуаций, в которых формировалась их личность.

Таким образом, для выявления факторов, влияющих на внутриорганизационную мобильность сотрудников аэропорта Домодедово, в рамках исследования, было проведено интервью с путеводителем (гайдом) с «Джамперами».

Пример построения инструментария. Инструментарий был разработан на основе выделенных факторов, которые в той или иной степени могут повлиять на трудовую мобильность персонала. Для каждого фактора были выделены задачи, на основании которых были созданы - «проективные вопросы», с уже заранее подобранными вариациями ответов. Каждый ответ имеет свой «вес», где «2» является максимальной значимостью фактора для респондента, а «0» минимальной.

Задачи:	Вопросы:
<p>Выяснить, как престиж предприятия влияет на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>Артем много лет работает в DSA по своей специальности, которая ему нравится, но DSA утратила свою престижность в сравнении с другими предприятиями ДМЕ. Друг Артема работает в АМС, которая является самой престижной среди предприятий Домодедово, и предлагает Артему перейти туда, на такую же должность с эквивалентными трудовыми характеристиками (содержание труда, зарплата и т.д.). Как стоит поступить Артему?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Продолжать работать на непрестижном предприятии, но при этом, устраивающего его в других аспектах, и на которое он потратил уже много лет своей жизни 2) Согласиться на предложение друга и перейти на более престижное предприятие 3) Другое
<p>Выяснить, как престиж должности влияет на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>Николай долгое время работает на должности по своей специальности, которая ему нравится, но она не слишком престижна. Внезапно у него появляется возможность получить более престижную должность, но его заработная плата при этом не изменится. Как стоит поступить Николаю?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Продолжать работать на непрестижной должности, но которая ему нравится

Задачи:	Вопросы:
	2) Согласиться на перевод и получить более престижную должность 3) Другое
Выяснить, как влияет удовлетворенность содержанием своих должностных обязанностей на внутреннюю мобильность персонала	<p><i>Сергей – штатный сотрудник предприятия, который каждый день выполняет ряд вмененных ему задач. Его друг Александр, занимающий такую же должность, но на другом предприятии заверяет его, что он делает задачи, выходящие за рамки должностной инструкции, и предлагает ему сменить место работы? Как следует поступить Сергею?</i></p> 1) Продолжать работать и выполнять свой функционал 2) Поговорить с руководителем, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Перейти на другое предприятие, так как он не удовлетворен содержанием своих обязанностей 4) Другое
Выяснить, как влияют взаимоотношения с непосредственным руководителем предприятия на внутреннюю мобильность персонала	<p><i>Александра работает на предприятии около 5 лет, с коллегами и руководством у нее хорошие отношения. Однако начальник отдела уходит в декрет и на смену ей приходит мужчина, с которым у Александры начинаются трудности в общении и непонимание. Как поступить Александре?</i></p> 1) Продолжать работать, и пытаться наладить отношения с начальником 2) Перейти на другое предприятие из-за трудностей, связанных с взаимоотношениями с непосредственным руководителем предприятия 3) Другое
Выяснить, как влияет удовлетворенность таким периодом как адаптация на предприятии на внутреннюю мобильность персонала	<p><i>Петр хороший специалист своей области, перешел в новый отдел, в котором его все устраивает, однако есть одно «но» - коллектив старается не замечать Петра, не приглашает его на совместные мероприятия, и у Петра совсем не получается наладить отношения с коллегами. Как лучше поступить Петру?</i></p> 1) Попытаться адаптироваться в новом коллективе 2) Поговорить с начальством о возникших трудностях, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Поменять место работы 4) Другое

Задачи:	Вопросы:
<p>Выяснить, как влияет удовлетворенность атмосферой в коллективе предприятия на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>Анна – сотрудница предприятия, которое обеспечивает ей достойный уровень жизни, социальный пакет и статус в обществе, однако нормально выполнять свои должностные обязанности Анне очень мешает атмосфера в ее рабочем коллективе, в котором процветают интриги и конфликты. Что бы Вы сделали на месте Анны?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменял(а) бы место работы на другое с нормальным рабочим коллективом, несмотря на то, что это может привести к снижению уровня жизни и/или статуса в обществе 2) Было бы трудно, но продолжал(а) бы терпеть существующую ситуацию 3) Не замечал(а) бы этой ситуации, т.к. в остальном предприятие Анну устраивает 4) Другое
<p>Выяснить, как влияет удовлетворенность обеспеченности необходимыми для работы инструментов/ инвентаря на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>Для работы Юлии необходим мощный компьютер, так как старый плохо функционирует и не «тянет» определенные программы, что затрудняет и замедляет работу Юлии. Что бы Вы сделали на месте Юлии?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменял(а) бы место работы, так как отсутствуют необходимые инструменты для работы /инвентарь 2) Поговорил(а) бы с начальством, и если бы ничего не изменилось, поменял бы место работы 3) Было бы трудно, но продолжал(а) бы терпеть существующую ситуацию 4) Не замечал(а) бы этой ситуации, так как остальные условия, предоставляемые аэропортом, устраивают 5) Другое
<p>Выяснить, как влияет удовлетворенность соблюдения санитарных норм на предприятии на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>У Андрея в отделе работают одни мужчины, и все халатно относятся к кабинету, в котором они сидят: разбрасывают мусор, папки с документами, стикеры, берут друг у друга канцелярские товары и не возвращают, не носят сменную обувь в плохую погоду и тд. Даже при условии регулярной уборки, скапливается мусор и грязь, естественно, это ведет к антисанитарии. Что бы вы сделали на месте Андрея?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменял(а) бы место работы, так как отсутствует соблюдение санитарных норм. 2) Поговорил(а) бы с коллективом, и если ничего не поменялось, поменял бы место работы

Задачи:	Вопросы:
	3) Было бы трудно, но продолжал(а) бы терпеть существующую ситуацию 4) Не замечал(а) бы этой ситуации, это неважно, ведь сама работа Андрея полностью устраивает 5) Другое
Выяснить, как влияет четкое понимание правил и обязанностей на внутреннюю мобильность персонала	<i>Георгий привык к четкому и ясному пониманию того, что от него требуется в рамках должностных обязанностей, однако на его работе в настоящий момент невозможно разобраться в том, что ему необходимо делать, потому что четкое трудовое разделение в коллективе отсутствует. Как следует поступить Георгию?</i> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменять место работы, так как нет четкого и ясного понимания правил и обязанностей 2) Поговорить с руководителем, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию 4) Не замечать эту ситуацию, так как это позволяет самому себе выбирать задачи 5) Другое
Выяснить, как влияет удовлетворенность оплатой труда на предприятии на внутреннюю мобильность персонала	<i>Ольга работает в подразделении уже третий год, прекрасно справляется со своими должностными обязанностями, выполняя все вмененные задачи в срок, без нарушения правил и обязанностей. Но на ее взгляд, ее зарплата не соответствует ее выполняемой работе. Как следует поступить Ольге?</i> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменять место работы, где ставка за ее труд будет выше 2) Поговорить с руководителем с просьбой повышения оплаты труда, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию 4) Не замечать эту ситуацию, так как это неважно, ведь само предприятие и ее должность вполне ее устраивают 5) Другое
Выяснить, как влияет удовлетворенность рабочим местом на внутреннюю мобильность персонала	<i>Инга - первоклассный специалист своего дела. Однако из-за частых изменений в компании, ее отделу часто приходится переезжать из кабинета в кабинет. При последнем переезде, руководитель отдела распорядился так, что теперь расположение рабочего места Ингу не удовлетворяет. Как следует поступить Инге?</i>

Задачи:	Вопросы:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) Поменять место работы, так как ее рабочее место ее не удовлетворяет 2) Поговорить со своим руководителем о смене рабочего места, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию 4) Не замечать эту ситуацию, так как это неважно, ведь сама работа ее устраивает 5) Другое
<p>Выяснить, как влияет удовлетворенность графиком работы на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>На предприятии Олеси установлен очень неудобный график работы, хотя в остальном ее все устраивает. Как следует поступить Олесе?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменять место работы, так как важно иметь удобный график работы 2) Поговорить с руководителем, чтобы иметь гибкий график работы, и если ничего не изменится, то поменять место работы 3) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию ради других предпочтений 4) Не замечать эту ситуацию, так как это неважно, ведь сама работа ее устраивает 5) Другое
<p>Выяснить, как влияет удовлетворенность дисциплиной в коллективе на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>В отделе Марины работают 9 человек. Несмотря на авторитарный стиль руководства, сотрудники коллектива ведут себя очень вольно, позволяют опаздывать на работу, не соблюдать порядки организации, также допускают ненормативную лексику. Как вы поступили бы на месте Марины?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменял(а) бы место работы, т.к. не удовлетворяет дисциплина в коллективе 2) Поговорил(а) бы с коллективом, и если ничего не изменилось бы, поменял место работы 3) Продолжал(а) работать и терпел (а) бы существующую ситуацию 4) Не замечал (а) бы эту ситуацию, так как это неважно, ведь сама работа ее устраивает 5) Другое
<p>Выяснить, как влияет удовлетворенность собственными достижениями на предприятия на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>Арсений работает в компании уже 10-й год, но со временем утратил интерес к работе и недоволен собственными достижениями на предприятии, но его держит стабильность и хорошая зарплата. Как следует поступить Арсению?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменять место работы, чтобы появился интерес к работе

Задачи:	Вопросы:
	2) Обратиться к руководству для получения новой интересной задачи, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию 4) Не замечать эту ситуацию, так как это неважно 5) Другое
Выяснить, как влияет удовлетворенность ролью в организации на внутреннюю мобильность персонала	<i>Константин работает в Домодедово уже 3 месяца, и хорошо освоился в своем новом коллективе. Однако его беспокоит тот факт, что он не может высказывать вышестоящему руководству свои идеи и предложения, так как он занимает должность ниже. Как следует поступить Константину?</i> 1) Поменять место работы, так как его не удовлетворяет его роль в организации 2) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию 3) Не замечать ситуацию, так как это неважно, ведь сама компания Константина полностью устраивает 4) Другое
Выяснить, как влияет удовлетворенность результатом труда на внутреннюю мобильность персонала	<i>Ольга – штатный сотрудник одного из предприятий аэропорта Домодедово. Прекрасно справляется со своими должностными обязанностями и имеет высокий уровень дохода. Однако Ольга часто ощущает свою ненужность для компании, и что ее труд не приносит пользы для компании. Как следует поступить Ольге?</i> 1) Поменять место работы, где она будет чувствовать свою нужность и пользу для компании 2) Обратиться к начальству, что бы ей дали дополнительную задачу, и если ничего не изменится, поменять место работы 3) Продолжать работать и терпеть существующую ситуацию 4) Не замечать эту ситуацию, так как это неважно 5) Другое
Выяснить, как влияет возможность личного развития на предприятии на внутреннюю мобильность персонала	<i>Григорий проработал помощником методического директора пять лет, и помимо этого больше ничем не занимался. В компании Григория есть дополнительные курсы повышения квалификации, но ни одно из направлений его не привлекает. Как бы вы поступили на месте Григория?</i>

Задачи:	Вопросы:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) Поменял(а) бы место работы, так как отсутствует возможность личного и профессионального развития 2) Продолжал(а) бы работать и терпел(а) существующую ситуацию 3) Не замечал(а) бы эту ситуацию, так как это не важно, ведь сама компания в остальном его полностью устраивает 4) Другое
<p>Выяснить, как влияет возможность карьерного роста на внутреннюю мобильность персонала</p>	<p><i>София работает на маленьком предприятии аэропорта Домодедово 4-й год, предприятие ее устраивает, однако София считает, что уже выросла из своей должности, и хочет стать начальником отдела. Но в приближенной перспективе такого не предвидится. Как бы вы поступили на месте Софии?</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Поменял(а) бы место работы, так как отсутствует возможность карьерного роста 2) Продолжал(а) бы работать и терпел(а) существующую ситуацию 3) Не замечал(а) бы эту ситуацию, это не важно, т.к. хочется развиваться в рамках своего предприятия 4) Другое

Далее, после получения ответов «Джамперов» на проективные вопросы, для интерпретации данных необходимо было определить индекс значимости каждого фактора. Индекс значимости - это оценка степени воздействия определенного фактора на определенного сотрудника. Для расчета индекса было выделено 23 ключевых параметра, которые в той или иной степени могут повлиять на мобильность сотрудников, и сгруппированных в 3 основных блока: «Внешние», «Внутриорганизационные», «Личностные».

По первому блоку «Внешние» необходимо было определить значимость для сотрудников таких параметров, как: «Престиж предприятия», «Престиж должности» и «Должностные обязанности».

По второму блоку факторов «Внутриорганизационные», параметры были разбиты на 3 группы: «Человеческие отношения»; «Технические условия труда», «Организация рабочего процесса». Необходимо было определить значимость таких параметров, как: 1 группа: «Удовлетворенность руководством», «Период адаптации в коллективе сотрудников», «Удовлетворенность коллективом»; 2 группа: «Наличие необходимых для работы инструментов/инвентаря», «Соблюдение санитарных норм»; 3 группа: «Четкость и ясность обязанностей», «Оплата труда», «Удовлетворенность рабочим местом», «График работы», «Дисциплина в коллективе».

По третьему блоку факторов «Личностные факторы», параметры были также разбиты на три группы: «Актуальные», «Потенциальные», «Психологические». В первую группу вошли такие параметры, как: «Удовлетворенность достижениями», «Удовлетворенность ролью в организации», «Результат труда». Во вторую группу: «Перспективы личного роста», «Возможность карьерного роста». И в третью вошли такие параметры, как: «Способность к планированию», «Способность к абстрагированию», «Способность к самосовершенствованию», «Способность к систематической работе, Способность к абстрагированию».

Индекс значимости рассчитывается по каждому блоку факторов, и по каждому фактору в отдельности согласно оценкам, проставленным респондентами. Вес (значимости) каждой группы факторов рассчитывается по формуле:

$$\text{Индекс значимости фактора} = \frac{A \cdot n_1 + B \cdot n_2 + C \cdot n_3 \dots}{A \cdot n}, \text{ где}$$

A – максимальное количество баллов по вопросу (высшая значимость)

B – следующее по значимости количество баллов, после *A*

C – следующее по значимости количество баллов, после *B*

N1 – количество человек, получивших максимальные баллы по вопросу

N2 – количество человек, получивших баллы следующие по значимости после *A*

N3 – количество человек, получивших максимальные баллы по вопросу следующие по значимости после *B*

N – количество человек, ответивших на вопрос

Таким образом, получается число от -1 до 1, где, чем ближе к 1, тем значимее фактор.

В результате проведенного исследования было выявлено, что проективные методики оказались эффективными. С помощью проективных вопросов были получены основные факторы, которые влияют на внутреннюю мобильность персонала.

Таким образом, проективные техники — методики, основанные на феномене проекции, и предназначены для исследования тех глубинных индивидуальных особенностей личности, которые менее всего доступны непосредственному наблюдению или опросу. Также, необходимо отметить, что важнейшая отличительная особенность проективных методик заключается в том, что в них используют неопределенные или слабоструктурированные стимулы, создающие наиболее оптимальные условия для проявления внутреннего мира человека.

Благодаря специфике проективного метода, а именно направленности на выявление прежде всего субъективно-конфликтных отношений и их представленности в индивидуальном сознании в виде «личностных смыслов» или «значимых переживаний», были и выявлены скрытые мотивы переводов сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. М.: КДУ, 2003.
- [2] Donoghue S., Projective Techniques in Consumer Research // Journal of family ecology and consumer sciences, 2000. Vol.28
- [3] Мацковский М.С. Методы проективные, 2003
- [4] Sanford F., The use of a projective device in attitude Surveying, 1950
- [5] Branthweite A., Holme E., Getting the right research in the right place, 1999
- [6] Мацковский М.С. Методы проективные, 2003
- [7] Белановский С.А., Метод фокус – групп. М.: Магистр, 1996
- [8] Гурджи И. Проективные методики в качественных исследованиях // Практический маркетинг №1, 2000
- [9] Проективные методики // Источник: http://www.hrm.ua/article/proektivnie_voprosi_intervju
- [10] Проективная психология: Пер. с англ. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
- [11] Ромашкина Т.Н. Гармоничная система управления персоналом // Управление компанией, 2009, № 9.
- [12] Дворецкая Г.В. Социология труда / М.: Высшая школа, 2000.
- [13] Бахматова Т.Г Развитие подходов к исследованию трудовой мобильности: исторический аспект // Известия ИГЭА, 2003 №1

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА ТАНЦА

А.С. Неунылова

В данной статье стоит задача выявления и описания механизма изучения частного проявления субкультуры и последующий анализ символического содержания одного из способов выражения творческой коммуникации в субкультуре. Для того, чтобы описать один из субкультурных элементов, нужно сначала теоретически углубиться в понятие субкультуры, а конкретно — субкультуры хип-хопа, а затем, рассмотреть символическую составляющую подходящими методами, в том числе методами изучения невербальной коммуникации.

Ключевые слова: субкультура, хип-хоп субкультура, творческая активность, танец, хип-хоп танец, символическая интерпритация, невербальная коммуникация.

Субкультура – это частный случай проявления культуры, иной вариант ее развития. Поскольку жизнь человека обусловлена культурой – нормами, ценностями, ориентирами, особую важность имеет изучение механизмов трансляции этих ценностей, возможные альтернативные пути.

Понятие субкультуры относительно новое и возникло в связи с рождением самого явления в постиндустриальных странах и связано непосредственно с появлением необходимости обозначить и охарактеризовать неформальные молодежные группы, обладающие своим вариантом альтернативной культуры, но не конфликтующие с ценностями общества в целом. Главным отличием от контркультуры является разделение основных ценностей доминирующей культуры. Непосредственно определение субкультуры было введено Дэвидом Рисменом в 1950 году. В дальнейшем, наиболее подробное описание это явление получило в работах К. Соколова, А.И. Кравченко, И.С. Полонского, Б. Ерасовой, а так же Н.Н. Слюсаревского, Т.В. Латышевой и С.И. Левиковой. Разумеется, существует масса различных определений «субкультуры», но в дальнейшей работе базовым будет являться определение А.И. Кравченко, в котором субкультура выступает непосредственно частью доминирующей культуры и является альтернативной и отличающейся, но в рамках общей культуры, в дополнении с важным замечанием К. Соколова о художественном, творческом, социально-психологическом аспекте изучаемого явления. В субкультурных объединениях происходят динамические процессы на макро и микроуровнях. Динамика на микроуровне отражает изменения личности, группы и непосредственно неформальных молодежных объединений. Макроуровень динамики проявляется во влиянии внешних различных факторов на субкультуру. Попытка «быть» в обществе «иметь» позволяет молодым людям остаться собой и сохранить свои интересы. Резюмируя вышесказанное, субкультура представляет собой концентрированный вариант выделения общности на какой-либо идейной основе и демонстрация своей особенности в виде альтернативы, что отражается в каждом субкультурном элементе, но не противопоставляя себя при этом культуре доминирующей.

Поскольку ранее автором данной статьи был исследован большой массив информации по субкультуре хип-хопа дальнейшее рассмотрение методов будет проводиться именно на примере этой субкультуры, но для начала, стоит кратко описать ее основания, нарисовать портрет, чтобы на отдельном ее элементе показать оптические возможности социологического анализа.

Итак, что представляет собой история субкультуры хип-хопа и каковы ее характерные черты. В 60-х годах прошлого столетия в эмигрантских квартала Южного Бронкса происходит рождение андеграундной субкультуры, в основе которой лежит самосознание темнокожего населения и его желание заявить о себе и уйти от агрессии через

творческие активности. «Отцом», даже «дедушкой» этой культуры по праву можно считать Африка Бамбата (Afrika Bambaataa), который 12 ноября 1973 года основывает организацию, отвечающую за просвящение в хип-хоп культуре - «Universal Zulu Nation» [3]. Это и считается днем возникновения хип-хопа, хотя как явление он существовал и до. По другой версии эта дата связана с организованной первой вечеринкой 16-ти летнего Кула Херка (Kool Herc) 11 августа того же года под названием «Back To School Jam» (вечеринка «снова в школу»), проведенная для того, чтобы собрать деньги на школьную одежду [2]. Появление коммерческой и профессиональной составляющей, а также определенной сетки мероприятий и распространение в широких массах проложило дорогу субкультуре хип-хоп в культуру мейнстрима. Этимологически, хип-хоп - это соединение двух слов hippy (англ.) в переводе Хиппи (модный человек, на своей волне) и hoppy (африканского) – открываться знаниям [9. С.147]. Вместе «хип-хоп» значит быть модным и иметь определенные знания внутри этой культуры. Кратко характеризовать хип-хоп можно так - «Peace, Love, Unity and Having Fun». Это не лозунг, а негласное правило существования, стиль жизни. Получается, история хип-хопа – это история эволюции субкультуры в культуру. Если рэп - это субкультура, в которой музыка является основанием, то хип-хоп - это стиль, идея [9. С.147].

Стоит сказать, что данная субкультура выбрана не только по причине субъективно авторских интересов. За последние годы, в динамике на макроуровне наблюдается тенденция к интеграции данной субкультуры в массовую культуру. И когда как ранее, ареалом обитания подобных культурных подсистем считался андеграунд, выступающий альтернативой массовой культуре, мейнстриму и официальному искусству, то сейчас хип-хоп, к сожалению или к счастью, стал частью поп культуры

Рассмотрим подробнее элементы субкультуры хип-хопа как формы проявления комплексного содержания субкультуры. Идеологической и деятельной структурообразующей молодежной субкультуры хип-хоп являются художественные интересы и ценности. Они выражаются в различных созидательных творческих активностях ее участников. С 80-х годов прошлого века хип-хоп культура включает пять творческих элементов: искусство граффити, искусство диджеинга, эмси (сюда же относится битбокс), брейк-данс (прародитель танца хип-хоп) и знания или определенная философия. Совершенно разные по способу выражения, они, в тоже время, сильно взаимосвязаны и представляют многомерный комплекс творческой активности в рамках одной субкультуры. Общим и объединяющим в этих элементах является «фристайл» – свобода самовыражения. По мере своего роста от «наблюдателя» через «творца» до «создателя ценностей», любой человек, благодаря своим достижениям в творчестве может пополнить список «деятелей», но зачастую, такая манящая, но мнимая простота создания продуктов хип-хоп творчества играет злую шутку с обликом субкультуры как внешним, так и внутренним. Происходит потеря исходных ценностей и случается то самое размытие границ, диффузия с поп культурой, при которой субкультура теряет свое имя. В таком случае, на помощь приходит бинарная шкала, на языке участников именуемая «тру» и «не тру» (оценка «правдивости» творчества).

Можно предположить, что каждый из этих элементов будет отражать основные принципы и характер субкультуры целиком, так же будет обладать отдельной историей и неразрывной связью с другими элементами. Подтвердить или опровергнуть это можно путем выявления вышеописанных характерных черт и смысловых наполняющие субкультуры хип-хопа через отдельные ее элементы и в конкретном случае — через танец.

Изначально, основой танца в хип-хопе являлся брейк-данс - от англ. «Breakdance» - «ломаный танец» - вид «танца в кругу», связанный с хип-хоп культурой на основе музыкальности [9. С.149]. Именно этот стиль танца является одним из основных истоков современного хип-хоп танца, который ныне является своеобразной губкой по впитыванию совершенно разных техник и стилей, от классики до фанка, но продолжает носить характер «социального танца», то есть танца для публики, основанного на фристайле, в кругу друзей, как способ самовыражения и способ показать музыку телом. Зародился брейкинг в 1950-х годах в эмигрантских кварталах Нью-Йорка и представлялся в виде двух направлений -

верхний брейк, как вид лос-анджелесской пантомимы (на нем основана современная танцевальная хип-хоп культура), и нижний брейк, уходящий корнями в латинскую Америку и содержащий акробатические элементы афро-бразильской борьбы капоэйра, элементы китайского кунг-фу под афро-американский ритм. Эти танцы сохранили и принесли характерную черту народности, ритуальности - танцы в кругу. Немного позже, в конце 60-х годов прошлого века параллельно начинают развиваться такие направления танца, как locking и popping, переплетаясь с верхним брейком и формируя собственную базу танца, основываясь на визуальности (пример: клипы Майкла Джексона). Немалую роль в формировании понятия хип-хоп культуры сыграл культ баттла, как акта соревнования аналогичного битве (танцевальный баттл, диджейский, реп баттл). Основанный на фристайле и амбициях, зачастую его воспринимают как акт агрессии, но помимо того, что в целом это театр, фрейм, попадая в который участники повторяют принятую модель поведения, исторически это как раз уход от агрессии. Африка Бамбата, обращаясь к уличным молодежным группам, однажды сказал: «разбираться не стволами, а танцами: кто станцевал хуже, тот проиграл». Так «танцевальные битвы» стали компенсаторными средствами агрессивности темнокожих подростков. Даже сегодня сохранился железный принцип нерукоприкладства, и любой танцор может отказаться от дальнейшего участия в соревнованиях или поставить под вопрос ход их проведения, если противник в танце дотронулся до оппонента. Распространение брейкданса в прошлом веке напрямую связано с активностью молодежных групп. Команды делили город на части, танцуя в своем районе. Сложные социальные вопросы как внутри группы, так и между ними решались в баттлах. К тому же, конкурентные группы усложняли сам танец, возрастало его ценностное значение в молодежной среде. Примечательно, что молодежь того времени выросла и даже постарела, но оказавшись в определенных американских кварталах, можно увидеть, что хип-хоп не имеет возраста.

Теперь, переходя к символическому наполнению, стоит объяснить, что под символическим контентом будет пониматься визуальное наполнение условными значениями элементов поведения, коммуникации и способа передачи информации участниками субкультуры.

Танец — результат выработанного языка общения между представителями субкультуры задействованными в данной творческой активности, что обеспечивает универсальность языка танца в субкультуре. Теоретическое подтверждение данного положения можно разбить на несколько аргументов: 1) *«Представляя собой особую форму общения, социальный танец способствует адекватному взаимодействию и взаимопониманию между представителями различных культур. Приезжая в какую-либо страну с любой другой целью, человек, увлекающийся социальным танцем, может найти там своих единомышленников, что также ему позволит успешно осуществлять как вербальную коммуникацию, так и коммуникацию посредством не требующего перевода языка танца.»* [13. С.34] И это очень частая и распространенная практика среди танцоров, особенно уличных стилей. Даже незнакомца танцоры данного стиля готовы принять со всем радушием как кровного родственника. 2) *«...эти положения объединяются в умении находить ценность танцевального движения вне его прикладного смыслового значения; в умении мыслить хореографически, обладая свойством перерабатывать значительные стороны жизни в танцевальные формы.»* [14. С.160] Танец, будь то фристайл или хореография, никогда не бывает исключительно физическо-биологической формы. Это всегда интерпретация. Пропустить через себя некую мысль извне, чтобы передать ее зрителю — цель самовырождения. 3) *«Суммируя трехчлен «выразительные телесные движения [естественные («вневолевые»: природа, душа и экстаз) и механические] — ритм [внешнее и внутреннее проявление мысли и тела как поэзии чувства] — психология [место, время, национальность]» в основах символической танцевальной деятельности, Худеков аргументировал эстетическую целостность языкового знака в танце.»* [5. С.258] Таким образом, символическая составляющая танца в

физическом плане состоит из движений подчиненных определенному ритму и обладающих энергетическим и эмоциональным содержанием. 4) *«Выполнение танцем функций общения возможно благодаря тому, что он является совокупностью невербальных сигналов и знаков, имеющих пространственно-временную структуру и несущих информацию о психологических особенностях личности и группы.»* [8. С.23] Очевидно, что данные функции в основном опираются на невербальный компонент. 5) *«Каждый жест, каждый шаг в танце имеют свое значение, каждое танцевальное движение – это определенный код, несущий смысл.»* [6. С.84] Заключение смысла в движение — возможность многослойного рассмотрения танца на междисциплинарном уровне. 6) *«Прежде всего, танец, как и другие языки культуры, является социокультурным кодом, сохраняющим и передающим человеческий опыт. Эта функция в танце сохраняется на протяжении всей его истории, в том числе и на современном этапе его развития.»* [12. С.214], *«Важно отметить, что окончательно разорвать единство духовного и телесного в танце невозможно — танцевальная форма всегда притягивает к себе содержание.»* [12. С.216] Социокультурный код, предполагающий содержание предполагает и свою структуру.

В одном из интервью американский ди-джей из Южного Бронкса, считающийся первым рэп исполнителем в истории хип-хоп культуры, Африка Бамбата говорит о необходимости музыкального образования в настоящее время, так как медиасреда не раскрывает хип-хоп как культуру, и многие видят в нем лишь *«пафосные шмотки, тачки и голых кисок в джакузи»*. Хип-хоп гораздо глубже и содержательнее, а подобные изображения — лишь коммерческая картинка и стереотипизация.

«Танец можно рассматривать как совокупность невербальных сигналов и знаков, имеющих пространственно-временную структуру и несущих информацию о психологических особенностях личности и группы; особую (ритмизированной) форму экспрессивного поведения личности; невербальным языком, «внесловесными диалогами» [10. С.21]. Таким образом, танец - «язык тела» - жесты как основные символы коммуникации в хип-хоп баттлах.

К тому же, «Социальный танец, являясь особой формой взаимодействия между иностранцами, занимает важное место в системе межкультурной коммуникации» [13. С.4] Представляя собой особую форму общения, социальный танец способствует адекватному взаимодействию и взаимопониманию между представителями различных культур.

В основном, танец, как художественный вид активности, подробно рассматривается в культурологии, этнографии, психологии, но выступая комплексным явлением со статусом института, в особенности социальный танец, осуществляемый в группе людей и направленный на других, имеет все предпосылки разностороннего рассмотрения и в социологии, посредством комплексного применения методологий и сочетания различных методов и инструментов анализа.

Итак, выше были рассмотрены теоретические аспекты танца, как творческой активности, с перспективой выступать предметом изучения социологии, что позволяет перейти к эмпирическим возможностям изучения данного явления.

Для начала, необходимо обозначить необходимые грани рассмотрения танца под призмой теории символического интеракционизма как теоретико-методологической базиса изучения коммуникации в танце. Символический интеракционизм - направление в социологии, преимущественно в американской, а также культурологии и социальной психологии, изучающее «символические коммуникации».

Поскольку танец в ключе изучения субкультуры является «языком тела» коммуникаторов, допустим взгляд на коммуникации внутри группы через основные теории символического интеракционизма. Их интерпретации в рамках теории изучения субкультуры хип-хопа позволят рассмотреть символический контент танца. Схема социального взаимодействия, или её механизм по Джорджу Герберту Миду подразумевает, что в социуме практически все взаимодействия между людьми предполагают обмен символами. Символ, по мнению Мида, есть нечто, означающее что-то еще. Символическое мышление,

осуществляемое при помощи и на основе жестов освобождает человека от тех ограничений, которые накладывает на его сознание непосредственный опыт, то есть ограничений в виде того, что он может только непосредственно видеть, слышать и ощущать. Способность создавать специфические жесты коммуникаций развивается самостоятельно в процессе освоения творческого поля танцевальной активности в рамках субкультуры. Особенность символов танца заключается еще и в визуальном образе (т.е. создание концептов, иллюзий, визуальных эффектов, интерпретаций), что делает танец не только экспрессивно-коммуникационным вариантом творческо-физической активности, а еще и емким информационным источником. Другим важным фактором коммуникации в трактовке теории символического интеракционизма становится личность или «самость». В данном предметном поле это означает, что самость зарождается в процессе накопления социального опыта в конкретной субкультурной группе и в ходе обретения самосознания в рамках данной субкультуры. В сфере танцевальной импровизации «Свой стиль» - это и есть результат развития самости по Миду. Идея «обобщенного другого» трактуется в концепции Дж. Г. Мида как принятие конкретным индивидом установок организованной социальной группы к которой он принадлежит и цели деятельности, которую он разделяет, и так же применима к принятию установок субкультурной группы. По Чарльзу Хортону Кули социально-коммуникативный процесс можно рассматривать как приобщение индивидуальных ментальных процессов к общему «большому сознанию» социума, а в частности - субкультурной группы. Понятие «большого сознания» означает процесс социализации индивидуального сознания, то есть процесс приобщения индивидуального сознания к когнитивным знаниям, моделям поведения и социальному опыту, разработанным и накопленным данной группой. Поскольку танец представляется в рамках творческой активности как «социальный танец», что значит направленный на других участников для самовыражения во вне, справедливо так же применить теорию Ирвинга Гофмана, где он рассматривая понятие «я» описывает внутренний индивидуальный мотивационный профиль или другие внутренние личностные качества человека, участвующего в коммуникативном акте, а определяет как он будет воспринимать свои собственные действия и реакции «другого» на эти действия. В коммуникативном взаимодействии субъект субкультурной творческой практики предстает не как «Я», «Я сам», а как актер, который создает относительно непредсказуемый и окончательно еще неоформленный образ (в танцевальной сфере субкультуры — фристайл и «свой стиль»). Понятие «сцены» у И. Гофмана применительно непосредственно к баттлам, а социальная дистанция описывает характерную иерархическую структуру творческих достижений членов и их соответствующее поведение как при обычном общении так и непосредственно в танцевальной коммуникации. «Фреймы» или «идеальные типы» и модели поведения так же позволяют подробно описать структуру танцевальной сферы в субкультуре хип-хопа.

Таким образом, танцевальная сфера в силу своей коммуникативной (социальной) направленности имеет в основе символическое содержание. Анализ коммуникативных составляющих в танцевальной сфере при помощи теории символического интеракционизма наилучшим образом возможен посредством следующей интерпретации рассмотренных жестов как элементов невербального проявления в процессе коммуникации в баттлах и для самовыражения.

В одном из определений, *«танец (пол. *taniec*, от нем. *Tanz*) –обозначает вид искусства, в котором средством создания художественного образа являются движения и положения человеческого тела»* [13. С.114] Зрительно наблюдаемые изменения в пространстве и времени положения человеческого тела и есть невербальная коммуникация - это поведение человека, которое сигнализирует об эмоциональных состояниях и характере взаимодействия общающихся личностей и включает в себя такие элементы как жест - (от лат. *gestus* — движение тела) — некоторое действие или движение человеческого тела или его части, имеющее определенное значение или смысл, то есть являющееся знаком или символом; поза - определенное положение частей тела человека: головы, туловища, рук, ног,

а также движения, которые изменяют это положение или влияют на него; мимика - выразительные движения мышц лица, являющиеся одной из форм проявления тех или иных чувств человека; а так же эмоциональный интеллект - способность человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач.

Рассматривая коммуникативной функции невербального поведения российский ученый Сергей Леонидович Рубинштейн сформулировал утверждение о том, что выразительные движения не являются простым сопровождением эмоций. Рубинштейн считал, что они *«выполняют определенную актуальную функцию, а именно – функцию общения; они - средство сообщения и воздействия, они – речь, лишённая слова, но исполненная экспрессии»*[10] Основой ряда разработанных методов в области изучения невербального поведения стали исследования американского психолога Пола Экмана, который долго занимался изучением универсальности основных человеческих эмоций (счастье, удивление, страх, гнев, отвращение и грусть) вне зависимости от культурных различий и уровня цивилизации человека. Экман провел множество исследований по всему миру, включая нецивилизованные племена Новой Гвинеи и пришел к выводу, что практически во всем мире люди одинаково выражают и интерпретируют эти эмоции. Результаты работ Райна Харрисона показали, что вербальный язык обладает следующими характеристиками – дискретность, произвольность, определенность, в то время как невербальный язык обладает прямо противоположными характеристиками – континуальность, непроизвольность, вероятностное происхождение [7]. На основании этого, Харрисон сделал вывод, что значительная часть невербальных текстов вообще не может быть переведена в код какого-либо языка без существенной потери их смысла для партнеров. Уоллесом Фризенмом и Полом Экманом была разработана уникальная программа SETT (Subtle Expression Training Tool) по определению эмоций человека по мимике, а так же FACS - Система Кодирования Лицевых Движений (Facial action coding system), которые стали инструментами в изучении невербальных проявлений. Особенности методического применения инструментов изучения невербальных проявлений на практике в России были широко рассмотрены в ряде работ Татьяны Игоревны Лариной и Жанны Васильевны Пузановой, что послужит опорой в некоторых аспектах в дальнейшей эмпирической деятельности и для автора данной статьи.

Обозначение основных методологических аспектов в анализе невербального поведения позволило определить, что анализ невербального поведения может быть дополнительным инструментом изучения невербальных коммуникаций в субкультуре. В связи с этим, автором данной статьи выдвигается предположение, что использование методов анализа невербального поведения в социологии наилучшим образом подходит для изучения символического контента танца в субкультуре, что предполагается подтвердить эмпирически в дальнейших работах. Так же, интересным предположением является следующее: существует взаимосвязь между эмоциональным интеллект и процессом символической интерпретации невербального поведения в танце участниками субкультуры. Для этого планируется провести ряд тестов и связать полученные результаты с интерпретативными возможностями участников исследования.

Таким образом, почвой как для комплексного рассмотрения танца как творческой активности в субкультурной среде так и для апробации различных методов и методик в изучении данного аспекта может служить следующая проблемная ситуация — на основе теории символического интеракционизма путем применение методов анализа невербальных коммуникаций в социологии провести социологический анализ одного из элементов творческой активности в субкультурной группе.

Тема символического содержания танца с социологической точки зрения теоретически и методологически изучена слабо, особенно в России. К тому же, автор работы является экспертом, включенным в данную социальную группу, что позволит глубже

рассмотреть изучаемые аспекты. Ее научная значимость в методических возможностях социологического анализа символического содержания танца. Проблема на данном этапе не имеет четкого механизма рассмотрения, особенности методического изучения символического наполнения танца и других элементов творческой активности в субкультуре ранее не подлежали аналогичному описанию. Предположение, что танцевальная сфера хип-хоп субкультуры в силу своей коммуникативной (социальной) направленности имеет в основе символическое содержание и выражена в невербальном проявлении отражена в соответствующем объекте исследования, где танец - как элемент субкультуры хип-хопа (а так же невербальные коммуникации ее представителей, особенности «языка тела»), а методы изучения и анализа символического контента танца являются предметной областью. Цель подобного изучения — оценка возможностей социологического изучения символического содержания танца на эмпирическом уровне. Проведение исследования на основе общего анализа субкультурного комплекса хип-хопа и последующее описание элемента танца с точки зрения его символического содержания (теории символического интеракционизма) средствами изучения невербальных коммуникаций может иметь ценность как в сфере изучения подобных общностей, особенно в ключе современных тенденций, так и в сфере методологических возможностей социологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Afrika Bambaataa: «Как хип-хоп может умереть? Ведь он и есть современная культура» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://interviewrussia.ru/music/984>
- [2] «Zulu Nation Says DJ Kool Herc Did Not Start Hip Hop And Is Misrepresenting The Culture» <http://allhiphop.com/>
- [3] Hip Hop History | The Universal Zulu Nation www.zulunation.com/hip-hop-history/
- [4] Атитанова Н. В., Танец как смысловая универсалия: от выразительного движения к «движению» смысла: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 [Электронный ресурс] / Н. В. Атитанова. – Саранск, 2000. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tanets-kak-smyslovaya-universalija-otvyrazitel'nogo-dvizheniya-k-dvizheniyu-smysla>
- [5] Догорова Н.А. Язык танца как феномен символической деятельности. Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва.// Саранск, 2015 <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-tantsa-kak-fenomen-simvolicheskoy-deyatelnosti>
- [6] Сенькина И.В. Танец - культурный код эпохи: Педагогика текста Культурный код/т эпохи Сборник материалов III научно-практической конференции «Открытое образование. Педагогика текста» Тема года: «Педагогика Текста: Культурный код/т эпохи» Спб, 2011
- [7] Лагун А.Е. Невербальное поведение в процессе группового фокусированного интервью//Социологические Исследования, 2004, №2
- [8] Луговая Е. К. О невербальной форме общения в культуре // Танец как язык и миф // Вестник МГУ. Серия 6. 1991. № 3 http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/907/19907/3120?p_page=3
- [9] Луков ВАЛ. А. Хип-хоп культура //Энциклопедия гуманитарных наук, 2005, № 1
- [10] Мартинес Э.Л. Внесловесный язык // Культуры. - 1986. - № 2.
- [11] Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии: в 2 т. //Т.П., Москва, 1989
- [12] Садыкова Д.А. Эволюция танца в современной культуре// Санкт-Петербургский государственный университет Омский научный вестник, 2014 <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-tantsa-v-sovremennoy-kulture>
- [13] Ткачук М.А. Социальный танец в системе межкультурной коммуникации Ойкумена. 2012, № 2 <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-tanets-v-sisteme-mezhkulturnoy-kommunikatsii>
- [14] Тугай А. В. Методологические подходы к изучению танца Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014 / 2 (38) <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-izucheniyu-tantsa>

ВОЗМОЖНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА СВОБОДЫ В СОЦИОЛОГИИ

А.В. Панкова

Признавая, что эмпирически исследовать феномен свободы в социологии чрезвычайно сложно по причине его неуловимости (неоднозначны эмпирические индикаторы) и одновременно универсальности (каждый человек имеет собственное представление о свободе), автор пытается обозначить общие контуры социологического изучения свободы эмпирическими методами. В статье представлен обзор методических решений и тематических акцентов эмпирических исследований вещей (подарков и одежды), которые могут приблизить нас к пониманию сути свободы в современном обществе.

Ключевые слова: свобода, социология вещей, подарок, костюм, эмпирическое исследование, российское общество.

Безусловно, «измерить» свободу крайне трудно, тем более предложить для этого некие универсальные методы. В статье представлен обзор эмпирических исследований феномена свободы в контекстуальных рамках социологии вещей как одного из наиболее активно развиваемых сегодня специальных направлений социологической дисциплины. Так, И. Шмерлина предлагает использовать метод фокус-групп для оценки символического значения подарка и обнаруживает множество подтверждений тому, что подарок близким людям, прежде всего, обусловлен вниманием, а лишь затем практическими и материальными соображениями: *«Вот смотрите, – рассказывает молодой мужчина, – вот мне бабушка постоянно дарит всякую фигню, знаете, вот так не нужную мне. Я ей не скажу, что фигню подарила. Но очень приятно, что она там ходит, выбирает там что-то»* [10].

Любой подарок специфичен, потому что не живет вне материального тела и требует предметного воплощения, например, пограничным случаем можно считать подарок-зрелище (билеты в театр). Соответственно, подарок (включая цветы) располагается где-то посередине виртуально-материального континуума, один полюс которого уходит в символический жест, а на другом царит вещь во всей своей самодостаточной ценности [10]. Кроме того, некоторые праздники воспринимаются людьми исключительно как обычные выходные дни, и для россиян праздник – особое событие, когда они одеваются иначе, чем в повседневной жизни, и дарят подарки, пусть даже самим себе: дарящий и одариваемый здесь совпадают, но иногда людям, делающим себе подарки, нужны свидетели, которые также являются косвенными участниками дарения. Предмет дарения (подарок) может быть спонтанным (увидел и тут же купил) и рациональным (давно хотел, копил и купил). Для подарка самому себе характерен, во-первых, выход за рамки повседневного бюджета, во-вторых, изменение эмоционального состояния вследствие того, что человек в качестве дарителя является самым внимательным другом себя и может подарить себе что-то действительно желаемое, приносящее исключительные положительные эмоции [3]. Отношение к себе – один из важнейших показателей внутренней свободы, который может манифестировать себя именно таким специфическим образом – посредством подарка самому себе.

Сегодня подарки – это целая индустрия, и во всех культурах на подарки тратится существенный процент семейного бюджета (2%-10%, в России – 5%, в США – 2,5%). Представители экономической социологии видят причину столь скромной доли семейного бюджета на подарки в США и многих европейских странах не в скупости, а во влиянии культуры постмодернизма с характерными для нее принципами индивидуализма и независимости [8]. В контексте этого типа культуры любой акт дарения воспринимается как попытка оказать давление на одариваемого, особенно в сфере деловых отношений – любой западный учебник по деловому этикету запрещает дарить подарки. Впрочем, согласно исследованиям М. Брюна, культура делового подарка в Германии выглядит следующим

образом: 84% опрошенных предлагали своим партнерам подарки; 80% получали подарки от партнеров, а 16% – ожидали их [1], что доказывает особую роль даров и их «обязательность» в современных культурах.

Н. Артемова исследует невербальные сигналы, сопровождающие дарение: символы автор рассматривает в рамках культурологического подхода, где слова, жесты и предметы считаются несущими в себе особое значение, опознаваемое представителями одной культуры [8]. Чтобы понять, насколько индивиды внимательны к символам в повседневной жизни, было проведено исследование методом полуструктурированного интервью. Перед респондентами стояло несколько задач: определить круг предметов, которые могут выступать в качестве личных подарков, и указать, кому их уместно дарить; ответить на вопросы, направленные на выяснение того, придается ли важность смысловой нагрузке выбираемого или принимаемого подарка, что, по мнению респондента, наиболее уместно дарить для выражения определенных чувств, какое место занимают суеверия при выборе подарка и т.д. [4].

Исследования показали, что подарок является носителем символов и играет особую роль в коммуникации. Символика содержится не только в предметах дарения, но и в цветовой палитре, предмет может выступать символом в зависимости от ситуации, например, интимный подарок – тот, что может быть преподнесен лишь некоторым из круга общения. Типичные подарки для друзей – сладости, цветы, канцелярские принадлежности, иногда косметика; дружеские цвета: зеленый, синий, белый, розовый, реже красный. Романтичные подарки – цветы, украшения и различные сувениры, а также предметы искусства; предпочитаемые цвета – красный, белый, розовый, золотой. Как правило, люди полагают, что подарки для родственников должны быть практичными, полезными, а их внешний вид и упаковка не важны. Цветы используются во всех кругах общения, что подтверждает их универсальность как дара и делает способом освобождения от размышлений о подходящем подарке.

А. Пейдж, а позже Ф.А. Комтер провели исследование основных значений подарка, пытаясь ответить на вопрос: кто дарит что, кому и почему [8]. Они рассмотрели следующие форматы дарения: подарки, деньги, гостеприимство (угощение гостей или предоставление ночлега), забота/помощь и донорство (крови и органов). Анкета содержала как открытые, так и закрытые вопросы и была разослана по почте 30 тысячам домохозяйств (Нидерланды), ответили 513 респондентов. В дополнение к анкете было проведено глубинное интервью с 99 респондентами для определения основных мотивов дарения. Результаты опроса показали, что подарки чаще всего упоминаются в связи с отношениями, символизируя их уникальный, личный и надежный характер. Они не подразумевают отдаривания и преподносятся на основе личной симпатии, любви или из желания поддержать другого человека. Так, мать-одиночка подарила своим родителям на Рождество первый ботиночек своего сына, вылитый из серебра, потому что ее родители собирают серебряные вещи и у них уже есть подобные ботиночки – ее и ее сестры. Другой пример подобного дарения – запись: женщина попросила своих родителей записывать в течение года в специальной книжке важные моменты их жизни и подарить эту книжку ей на день рождения через год. Впрочем, деньги – распространенный подарок в родственных отношениях, например, бабушки и дедушки – внукам и родителями – детям дарят деньги, и подобные дары не требуют возврата. Даже если поднимается вопрос о возврате суммы, то точный срок никогда не устанавливается. Подарки, характерные для данного типа отношений, не всегда материальны, это может быть и помощь, например, когда бабушка сидит с ребенком и т.п.

Авторитет, власть и зависимость также часто встречаются во взаимоотношениях, связанных с дарами, хотя люди редко признают это. Так, дары могут подчеркивать главенствующее положение индивида, демонстрировать подчиненное положение одариваемого, например, когда муж дарит фартук жене, намекая на ее место на кухне, или когда свекровь дарит невестке кухонные полотенца. Подобные примеры можно интерпретировать в терминологии Дж. МакКракена как «измененное значение» – предметы

говорят нам не о том, кто мы есть, а о том, кем мы хотели бы быть» [15. Р.117.]. Подарки могут передавать сигнал о том, каким мы хотим видеть другого человека: так, властно-иерархизированные отношения встроены в «потlach» – индивид обязан отдаривать, а если ему дарят неимоверно ценный подарок, на который одариваемый не может ответить, то он оказывается в зависимости от дарителя. Щедрый дар возвышает дарителя, предоставляя ему власть над одариваемыми, и вещи становятся средствами ограничения личной свободы, заставляя чувствовать себя должным «отработать» подарок.

Равенство отражается в ожидании взаимности, реципрокности большинства даров. Равноценные отношения проявляются в быстром отдаривании, желании подарить столько же подарков, сколько подарил даритель (в количестве), либо преподнести равноценный подарок. Так, когда респондент помогал своей соседке, старой вдове, починить кран и вешалку, она отблагодарила его сборником любимой музыки своего покойного мужа – для нее это был равноценный подарок за предоставленные услуги. Или: взрослые дети часто чувствуют обязанность проводить время с родителями в ответ на их заботу в детстве. Товарно-денежные отношения встречаются в дарах в виде взяток, но подобные отношения обычно складываются в общественных сферах, а не личных: дары политикам, политическим партиям, врачам от фармкомпаний и т.п. Такие дары встречаются в личных отношениях, например, иногда родители дарят очень дорогие подарки детям, тем самым шантажируя их. Профессиональные отношения также часто базируются на товарно-денежной модели: в обмен на деньги предлагаются услуги, скажем, когда работодатель дарит стандартные подарки на Рождество своим работникам – это не только выражение его признательности за «услуги», но и попытка усилить чувство обязанности работников. Тем не менее, следует помнить об исключениях из правил, а также о возможных комбинациях мотивов, поскольку свобода индивида зависит от отношений, в которых он находится и/или которые может себе позволить.

Т. Веблена для исследования одежды использовал историко-генетический и выборочный (интервью) методы, которые напоминают подход историков, чтобы идентифицировать значимые социальные и психологические факторы, определяющие существование того или иного вида одежды: желание демонстрировать свой статус – роскошные платья; потребность в защите тела – теплая, удобная одежда; желание быть «своим» (для молодежи) – модный костюм; демонстрация неучастия в производительном труде – красивые, изящные, но неудобные платья; возможность комфортно работать – одежда для рабочих; увеличение количества богатых – усложнение и украшение платьев (появляется время на «размышления» о своем наряде) [2; 7]. Все факторы так или иначе связаны с пониманием свободы: как роскоши, комфорта тела, общения со «своими», возможности не работать и т.д.

С помощью интервью можно выявить господствующие в обществе функции одежды и их значение в повседневной жизни. В частности, интересно узнать, от какой функции сегодня можно отказаться, поскольку отказ означает создание новой формы – в терминах Дж. Ло. Из интервью с 58-летней жительницей Дублина: *«Считаете ли Вы, что люди в Ирландии обычно одеваются в соответствии со своим благосостоянием? – Я думаю, взрослые люди – да, но я не уверена, что молодые одеваются именно так, я думаю, они одеваются соответственно тому, куда собираются. Если они собираются на вечеринку или просто выходят куда-то вечером, то даже если на земле лежит снег, а у них милое розовое платье – они его наденут. Я видела людей, дрожащих на автобусных остановках. Но я думаю, взрослые люди... не обращают внимания на имидж»* [2. С.127]. Погода влияет на выбор одежды, но социальная ситуация – более решающий фактор для молодых. Веблен сделал вывод, что защитные свойства одежды становятся важны с возрастом, а влияние моды особенно сильно в юношеские годы, когда важна демонстрационная функция одежды. Молодые люди более подвластны влиянию моды и, тем самым, менее свободны в своем выборе, однако ограничения налагает и возраст: не все можно носить пожилым людям не только из-за изменений тела с возрастом, но и вследствие нормативных ограничений.

МакКракен выяснил, что когда люди проявляют свободу в комбинации предметов одежды, то производят не дискурс, а смущение: анализируя разные комплекты одежды, респонденты не смогли объяснить и понять новые сочетания, поскольку имели предустановленные стереотипы восприятия комплектов элементов костюма, и новые их вариации стали для них абсолютной загадкой [14]. МакКракен сделал вывод, что одежда почти всегда связана с относительно фиксированными значениями, в то время как язык может создавать новые: язык – открытая кодовая система, одежда – закрытая; одежда может участвовать в коммуникации, но делает это не так, как язык. Кроме того, факт «непонимания» новых, свободных комплектов одежды говорит о существовании предела свободы самовыражения в современном обществе.

А. Кребер и Дж. Ричардсон провели статистический анализ изменений шести параметров одежды (декольте, длина юбки и т.д.) за три столетия по материалам журналов мод [16]. Изменения в моделях одежды прямо связывались с глобальными социально-политическими процессами: Великой французской революцией, Первой и Второй мировыми войнами и т.п. Однако историко-статистический подход игнорирует ценностное отношение к моделям одежды. Ряд эмпирических исследований подтвердили цикличность моды и концепцию формативного периода [11]: согласно данной теории, поколение как уникальная в ценностном отношении группа формируется в период с 17 до 25 лет и представляет собой совокупность людей, родившихся примерно в одно и то же время (период в 6-12 лет). Субъективный смысл событий, которые переживаются в период адаптации к взрослой жизни определяет ценностную картину поколения, а она, в свою очередь, распределяет значимости для индивида в решении тех или иных вопросов, причем это мировосприятие практически не меняется в течение жизни.

Л. Ятина эмпирически проверила теорию цикличности, опираясь на две гипотезы [14]: 1) спустя 18-20 лет после завершения формативного периода некоторые представители поколения оказываются на позициях лидеров общественного мнения (в том числе, в сфере дизайна) и выбирают лучшие модели, которые на самом деле воспроизводят модели, которые были модны 20 лет назад; 2) за это время к границе формативного периода подходит новое поколение, которые эти модели воспринимают как абсолютно новые. В интервью респонденты должны были выбрать наиболее и наименее привлекательные из предложенных эскизов моделей 1960, 1970, 1980, 1990-х годов, которые были созданы по итогам контент-анализа журналов мод. В соответствии с гипотезой респонденты были поделены на пять возрастных групп: 15-22, 23-30, 31-38, 39-46, 47-55. Исследование подтвердило гипотезу и установило продолжительность цикла – 15-18 лет. Таким образом, говорить об относительно свободном выборе одежды не приходится.

Особая тематика исследований – определения свободы. По данным 2000 года, россияне придерживаются восьми основных определений свободы [9]:

(1) 28% респондентов уверены, что свобода – это возможность поступать по своему усмотрению, и не упоминают каких-либо ограничителей, т.е. речь идет об абсолютной свободе: свободный человек *«говорит, что думает, делает, что хочет, живет, где хочет»*, *«ему дают возможность делать то, что ему нравится»*, *«он живет, как хочет»*, *«он сам себе хозяин»*, *«ему не мешают жить и творить»*, *«реализует свои способности и возможности»* и т.д.

(2) Для 10% респондентов в городе и 25% на селе свобода – возможность действовать как хочется, причем даже нарушая закон и нравственные нормы.

(3) Свобода как независимость от произвола властей: 26% убеждены, что человек свободен, когда *«его не прижимает государство»*, *«он защищен от таких руководителей, как у нас»*, *«независим от капризов вышестоящих»*, *«его не зажимает начальство и правительство»*, *«им не манипулируют, какая бы власть ни была у руля...»* и т.д. Для респондентов важна реальная реализация прав, они видят свободу в санкционированном и правильном поведении вышестоящих лиц, которые не ограничивают их личные действия.

(4) Свобода как материальная независимость и отсутствие нужды в деньгах.

(5) Свобода как наличие чего-то важного, значимого при отсутствии боязни это потерять под воздействием неподконтрольных индивиду сил и обстоятельств: многие упомянули наличие работы (26%), при этом необязательно интересной; 10% указали стабильную жизнь и т.д.

(6) Свобода как ощущение свободы без каких-либо дополнительных условий (6%).

(7) Свобода как состояние – не в заключении, возможность пойти, куда хочется (2%).

(8) Свобода как отсутствие зависимости – моральной или материальной, отсутствие ограничений и препятствий, способность не зависеть от принятых в обществе норм, правил. Человек свободен, когда *«живет один на необитаемом острове»* или *«в глухой тайге и на много миль нет ни одной живой души»*, *«не зависит от денег, жены (мужа), обязанностей по работе, не имеет детей»*, *«не обременен обязательствами по отношению к кому бы то ни было (государству, семье и т.д.)»*, *«полностью свободны люди без целей, амбиций, близких людей, потребностей (обычно бомжи)»*, *«по-настоящему свободен только дикарь в лесу, и то он зависит от собственного желудка, как и все мы»* (в городе 6%, в селе 12-15%).

Схожее исследование было проведено в 2016 году [13]: на первое место вышло занятие любимым делом (50%), которое входит в первое и пятое определения 2000 года (сложно понять, к кому пункту можно отнести данные определения без дополнительных интервью). На втором месте оказалось открытое выражение своего мнения (каждый третий респондент, что несколько выше показателей предыдущих лет). 22% сообщили, что для них свобода – это получать любую информацию (новое определение говорит о развитии информационных технологий и зависимости людей от них). Несмотря на новизну, это определение коррелирует с первым, вторым и третьим определениями свободы 2000 года. Каждый пятый респондент под свободой понимает возможность разбогатеть (четвертое определение), и этот показатель гораздо ниже 2000 года: либо материальный достаток россиян вырос, либо анкетирование не очень хорошо работает. 19% упомянули возможность выезжать за границу (первое определение). Многие стали говорить, что свобода – это возможность не работать (15%). 11% россиян считают, что свобода предполагает возможность исповедовать любую религию, получать образование за рубежом и выбирать власти всех уровней. Каждый десятый респондент читает свободой возможность участвовать в политической жизни. Для молодых людей 18-24 лет приоритетными определениями свободы стали занятие любимым делом (почти половина) и возможность разбогатеть (32%).

К приведенным данным следует добавить результаты анкетирования 2014 года, посвященного удовлетворенности россиян своим уровнем жизни. Согласно результатам опроса, всего 8% были не удовлетворены своей одеждой и обувью [12], что говорит, с одной стороны, о разнообразии вещевого, обувного рынка, с другой стороны, о увеличении уровня материальной удовлетворенности россиян (однако об уровне свободы делать выводы рано). Нужно принять во внимание то, что исследование проводилось как в крупных городах, так и в селах после присоединения Крыма к России, и, видимо, данные могли быть несколько искажены некоторой эйфорией в оценках возможностей государства. Тем не менее, можно утверждать, что российское общество «встречает по одежке»: одежда доминирует в выборах по сравнению с едой, что демонстрирует несвободу индивидов в отношениях с одеждой.

В последние годы в России происходит «стигматизация» бедных, никто не хочет выглядеть как бедный, поскольку бедность ассоциируется с андерклассом [12]. Вероятней всего, кодом бедности будет поношенная, неопрятная, немодная одежда из дешевых тканей. Одежда сегодня становится маркером и средством достижения целей: чтобы достичь уважения, ты обязан выглядеть не хуже своего окружения, поэтому выбор индивида так или иначе ориентирован на «статусные» модели, и варианты одежды при достаточном ассортименте оказываются весьма ограниченными (многие люди сталкиваются с проблемой, что ходят по магазинам с огромным разнообразием моделей, но то, что «нужно», найти не могут). В целом доля считающих свою одежду и обувь хорошими составляет 30,1%, в то

время как неудовлетворенных ими в два раза больше. Изменение оценок произошло сравнительно недавно: впервые число удовлетворенных увеличилось перед кризисом в 2008-2009 годах, а затем в 2010-2011, позже ситуация практически не менялась. На эти годы пришлись мировые кризисы, и можно предположить, что в подобных ситуациях люди склонны довольствоваться тем, что у них есть, понимая зыбкость своего положения и сравнивая положение страны с прошлыми кризисными периодами. Внутренний исторический фактор более важен для россиян, чем внешний [12]: «для оценок своей жизни в целом играет значительно большую роль не уровень доходов, а субъективная удовлетворенность человека своим материальным положением». Эта удовлетворенность складывается из базовых факторов: питание, одежда и обувь, жилищные условия, отношения с друзьями, в семье и пр. За последние двадцать лет восприятие своей жизни стало более оптимистичным (с 14% возросло до 36%), а доля людей с негативным отношением снизилась с 20% до 5%).

Как мы видим, определение свободы меняется, дополняется и уточняется по мере развития общества. Тем не менее, можно предположить, что приведенные выше восемь групп, в зависимости от трактовки свободы, валидны и сегодня, причем у каждой группы будет и своя отличительная черта в костюме. Так, в первую группу скорее всего войдут молодые люди со свободным стилем одежды, которым достаточно все равно, что о них думают. Все равно на мнение окружающих во внешнем виде будут демонстрировать и представители восьмой группы – в основном респонденты пожилого возраста. В 2008 году в седьмую группу в основном вошли пожилые люди из сельской местности – вероятно, эта группа осталась такой же. Сюда же могут попасть люди, имевшие в своем жизненном опыте период заключения, не обязательно тюремный, поэтому в их внешнем виде будет доминировать практическая функция и универсальные, а не личностные коды. В первой группе, наоборот, будут превалировать уникальные коды с некоторой вычурностью. Различия между восьмой и седьмой группами, скорее всего, будут незначительны – в восьмой группе будет превалировать удобная одежда из натуральных тканей, старые, поношенные, удобные вещи. В шестой группе могут встречаться и новые модели, однако они должны быть свободными, не сковывать движения индивида. Пятая группа, вероятно всего, будет иметь консервативный вид, придерживаться дресс-кода – это будут среднемодные, средневозрастные, невычурные модели одежды. Третья группа, вероятно, будет стремиться уйти от строгих норм, выбирая «приемлемый» внешний вид, но с элементами самовыражения (не застегнутая на все пуговицы рубашка у мужчин; комфортная, не обтягивающая фигуру одежда у женщин). Вторая группа, скорее всего, будет похожа на пятую, но с единственным отличием – костюм второй группы будет обладать большим числом кодов, связанных с контролем. Самая популярная группа – четвертая: люди трудоспособного возраста со средним или низким достатком, которые в одежде сочетают примерно поровну индивидуальных, общих и уникальных кодов, но самым считываемым кодом будет код материального положения и социального статуса, не всегда соответствующий реальности (демонстративная функция одежды). Наиболее трудно определяемой группой, видимо, будет шестая, поскольку чувство свободы может быть выражено в любой одежде (но скорее всего все же в удобной).

Данные о внешнем виде людей с разным пониманием свободы могли бы углубить исследуемую тему, позволили бы понять, насколько сегодня вещи отражают внутреннюю составляющую свободы. Для подобного исследования необходимо проанализировать существующие определения свободы, а затем обсудить их с респондентом. Сбор информации об определениях свободы в обществе следует вести качественными методами, например, полуструктурированным интервью, включив туда вопросы не только об одежде, но и о практиках дарения. Дополнительным способом сбора информации стали бы фотографии внешнего вида респондента, позволяющие реконструировать коды свободы и несвободы в одежде и в практиках дарения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брюн М. Подарки в бизнесе, 2001 // <http://www.acapod.ru/841.html?printable=y>.
- [2] Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ.; вступит. ст. С.Г. Сорокиной; общ. ред. В.В. Мотылева. М., 1984.
- [3] Егорова М. Подарок самому себе, 2001 // www.acapod.ru/1243.html.
- [4] Троцук И.В., Морозова А.В. Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. №1.
- [5] Троцук И.В., Морозова А.В. Одежда как индикатор степени свободы и социально-экономического состояния общества // Теория и практика общественного развития. 2016. №11.
- [6] Троцук И.В., Морозова А.В. Символические коды телесности: одежда как индикатор трансформаций социокультурных практик // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №2.
- [7] Троцук И.В., Морозова А.В. Социальные функции одежды: костюм как предмет социологического интереса // Обсерватория культуры. 2015. №2.
- [8] Старых Н.В. Культура дарения: от архаических ритуалов до современных промоушен акций // Вестник Московского университета. Серия 10. 2002. №3.
- [9] Шабанова М.А. Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 2000.
- [10] Шмерлина И. Подарок как «социальная вещь» // Социальная реальность. 2007. №5.
- [11] Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. №2.
- [12] Россияне стали лучше одеваться, 2015 // <https://iz.ru/news/584678>.
- [13] Россияне рассказали о своем понимании свободы, 2016 // <http://www.interfax.ru/russia/517044>.
- [14] Ятина Л.И. Мода глазами социолога. СПб., 2006.
- [15] McCracken G. Culture and Consumption. Bloomington & Indianapolis, 1990.
- [16] Richardson J. Three Centuries of Women's Dress Fashions. A Quantitative Analysis. Berkeley; Los Angeles, 1940.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ В КИНЕМАТОГРАФЕ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЗРИТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ КИНОЛЕНТ

М.В. Субботина

В статье обоснована актуальность научного изучения влияния кинематографа на мировоззрение современного человека и обозначены основные подходы к оценке этого влияния в рамках разных дисциплинарных направлений. Автор кратко характеризует этапы становления кинематографа и взаимосвязь кино и реальности, фокусируется на особенностях конструирования образов в кинематографе и методических приемах изучения зрительского восприятия кинолент.

Ключевые слова: кинематограф, социальная феноменология, конструирование образов, зрительское восприятие, визуальный текст.

Мы живем в эпоху активного развития индустрии развлечений: интернет, компьютерные игры, разнообразным образом виртуально дополненная реальность оказывают серьезное воздействие на наше сознание и мировосприятие. Однако все эти явления достаточно молоды, поэтому последствия их влияния еще не проявили себя в полной мере и лишь отчасти отражены в научном дискурсе. Иная ситуация характеризует

кинематограф: за более чем столетнюю историю кино обросло массой споров и мнений о своем влиянии на сознание людей. И сегодня проблема изучения кино стоит очень остро, так как в современном мире массовая культура в целом и кинематограф в частности оказывают важное влияние на взгляды большого количества людей. Вероятно, именно социология обладает достаточным арсеналом научных методов для того, чтобы взять на себя обязанность анализировать современный кинематограф.

Исследуя влияние кинематографа на сознание людей, мы неизбежно сталкиваемся с своеобразной двойственностью: с одной стороны, реальная жизнь и взгляды людей на нее являются устойчивым фундаментом кинофильмов; с другой стороны, кино, как часть массовой культуры, особенно сейчас, в связи с развитием технологий, оказывает сильное воздействие на людей и их представления о жизни. Так, философский подход ставит перед собой задачу определить, тождествен ли кинематограф реальности, или же, наоборот, не обладает необходимым языком и средствами выразительности, чтобы соответствовать реальности. Причем под реальностью понимается как мир физических объектов, так и мир художественных прозаических текстов [13].

Проблема объективного отражения действительности оформилась задолго до появления кинематографа. М.Б. Ямпольский в книге «Видимый мир» отмечает, что изначально широкую дискуссию по данному вопросу породила фотография: она проникла в культуру в тот момент, когда разгорались споры о правде, идеале и статусе природы в художественном творчестве. Ссылаясь на Ч. Розена и Г. Цернера, Ямпольский пишет, что фотография возникла, чтобы преобразовывать реальность в искусство, избегая влияния интерпретатора. В Париже в 1850-е годы возникла группа художников во главе с Г. Курбе, писавшая многие работы с фотографий. Ее члены провозгласили себя реалистами и считали фотографию квинтэссенцией объективного взгляда на мир. Художественный критик Э.-Ж. Делекюрз считал, что современный художник без участия своей воли подчиняет себя видимости вещей и лишь механически фиксирует изображения, т.е. работы художников лишены субъективизма. Однако в искусстве были и противники фотографизма, которые считали фотографию воплощением лжи [24]. Главный аргумент против фотографизма сформулировал А.-К. Катрмер-де-Кенси: точное воспроизведение природы искажает ее истину, т.е. точность фотографии убивает истинное ощущение природы и приводит к ложному чтению ее «текста» [22].

Несмотря на критику, фотография стала частью мира искусства согласно формуле Ш. Бодлера: кредо светских людей заключается в вере в природу и только в нее, искусство может быть лишь воспроизведением природы, и изобретение, позволяющее получить результат, идентичный природе, есть абсолютное искусство. Таким образом, фотографию как дающую необходимые гарантии точности можно считать искусством [5]. И речь идет не только о механическом уравнивании природы и фотографии, но и о трансцендентности механического воспроизведения природы: художник через механическую репродукцию получает доступ к особой сверхправде и природному языку. Фотография воспринимается как слепок природы, который несет в себе сверхразумное откровение, а фотограф – как нечто среднее между художником и ученым, который ищет истину [24].

Кинематограф, как и фотография, породил вопрос о том, является он искусством или механическим средством воспроизведения реальности. В. Беньямин в работе «Краткая история фотографии» рассматривает фотографию и кино как явления одного порядка и связывает их массовое воздействие с тем, что благодаря детальному отображению привычных вещей, новому видению банальных ситуаций и крупным планам кино и фотография одновременно преумножают понимание неизбежностей, которые управляют нашим бытием, и обеспечивают новое поле деятельности поскольку камера открыла нам область визуально-бессознательного [20].

Первоначально создатели кинематографа полагали, что кино призвано механически воспроизводить реальность, и пропагандировали его чисто научный статус. Такая позиция объяснялась тем, что любое явление реальности состоит из серии изменений состояния под

влиянием определенных условий, следовательно, изучение явления – это наблюдение за серией его изменений и их сравнение между собой, т.е. функция кинематографа – фиксация изменений явления для их дальнейшего анализа. Однако позже кинематограф был «отнят» у ученых коммерческим шоу-бизнесом, что вызвало негативную реакцию научного сообщества [24].

Теоретики начала XX века восхищались тем, что реальность в кинематографе отражается новыми средствами, максимально подготовленными для репрезентации предметности. Они были убеждены, что благодаря кинематографу реальность не будет искажаться, как, например, в живописи, где доминирует субъективный взгляд художника, поэтому искусство с приходом кинематографа должно стать тождественным реальности. В результате кинематограф вызвал больше споров, чем фотография. Так, А. Базен продолжил дискуссию об искусственности искусства: живопись передает реальность не точно, но у кино есть возможность реализовать это стремление более успешно. Базен выступал против монтажного кинематографа, так как жизнь в фильмах такого формата выглядит раздробленной и застывшей, перестает быть жизнью как таковой, поэтому он был приверженцем «копирования» реальности на киноленту и мимикрии искусства под реальность [1. С. 83]. А. Бергсон называет механизм работы человеческого сознания «кинематографическим»: в процессе понимания оно разбивает действительности на части, и тогда неделимая длительность (суть жизни) перестает длиться [4].

Кино должно отражать жизнь настолько это возможно. Однако для приближения кинофильма к реальности из него максимально убираются проявления сознания (субъективизм). Феноменологические изыскания начала и середины XX века показали, что сознание перестает быть частью жизни и уничтожает ее: идеальный случай работы режиссера заключается в том, чтобы он мог максимально самоустраниться и, возможно, отстраниться от происходящего в кадре, чтобы передача действительности была максимально «правильной» [13].

Искусство призвано отображать жизнь, и теория отображения в осмыслении искусства была предложена еще Платоном: существование вещей чувственно-предметного мира подчинено миру идей. По Платону, вещь это уподобление идее, а изображение вещи – уподобление уподобления, т.е. искусство есть двойное уподобление. Платон выступает за то, что такое уподобление слишком отдаляет от нас истинную сущность вещей, поэтому не несет никакой пользы [11. С.423]. По Ж. Делезу, копирование идеи исходит непосредственно от самой идеи и претендует на нее по генеративному признаку, тогда как симулякр же претендует на идею, не акцентируя внимание на каких-либо признаках [6]. Согласно Ж. Бодрийяру, наше общество существует в эпоху симулякра – эпоху подобия и видимости: образы транслируют события, которые интерпретированы одним и тем же кодом, навязывающим тип дискурсивности, который нейтрализует многообразное, подвижное содержание посланий и заменяет их собственными серийными принуждениями к смыслу [10]. Образ пришел на смену символам, однако, несмотря на способность конструировать значения, он не в состоянии производить смысл [25], и мир, каким мы видим его, например, на экране телевизора, представляется, но не обсуждается [21].

Соответственно, кинематограф можно воспринимать как симуляцию реальности: как и любое искусство, это симулякр в его положительном проявлении, т.е. не подделка, а реальное воплощение воображения, его материализация, способ создавать что-то новое, опираясь на «старое» – имеющуюся объективную реальность. Миметическое искусство описывает то, что уже существует, но при этом возникает из ничего, не повторяя и не имитируя нечто существующее. Чтобы стать искусством, кинофильм, вопреки убеждениям ученых, о которых говорилось выше, должен перестать претендовать на реальность, он не должен быть абсолютной копией реальности.

Феноменология стремится создать копию, иллюзию реальности, удвоить ее [2. С.66] и перенести ее на средства технического воспроизведения, т.е. кинофильмы. За воспроизведение образов в сознании отвечает память, а ее противоположностью является

воображение, ибо оно само создает образы. А. Бергсон разработал концепцию образа, на которую опирается кинофеноменология [13]: для него образом является вся материя, представленная в мире, которую мы можем воспринять. Мир существует сам по себе, независимо от человеческого восприятия, которое ограничено физиологическими особенностями, и наше сознание не принимает участия в созидании образов. По Бергсону, мир – конструкция нашего восприятия, которая не имеет отношения к реальности. Мир – это совокупность процессов и явлений, не все из которых может уловить человек органами чувств. Поэтому наша реальность – результат работы нашего восприятия и памяти, и образы могут существовать сами по себе, независимо от нашего восприятия. Предметный мир – это образ реальности, но не сама реальность.

Для Бергсона образ – нечто, существующее в реальности, а репрезентация образа означает, что мы обращаемся к прошлому через память и в итоге сами остаемся в отображении реальности. В свою очередь, кинематограф – своеобразное переложение этой мысли о мире как образе. Образ неотделимо связан с памятью, в которой Бергсон выделяет воображение и повторение: оба имеют отношение к прошлому и к воспоминанию, которое в определенный момент трансформируется в образ, т.е. образ – восприятие прошлых восприятий. И настоящее мы улавливаем только через прошлое – через узнавание, поэтому в теории мы всегда можем предсказать будущее, так как оно зависит от прошлого, но на деле этого не происходит по причине влияния воображения [3. С.192]. Воображение оказывает такое воздействие на человека, что сильные эмоции способны изменять его физиологию [8. С.414].

Любой образ конструируется как памятью, так и воображением: память направлена в прошлое, а воображение предвосхищает будущее. Искусство, опираясь на воображение, возникает в будущем, а не в прошлом, поэтому не может иметь отношения к копированию и репрезентации реальности – искусство есть конструирование и симуляция реальности. Иными словами, кинематограф не может быть безоговорочным отражением реальности, на что рассчитывали ученые в XX веке. В отличие от авторов, о которых было сказано ранее, С. Эйзенштейн не наделял реальность безусловной ценностью, а считал ее сырым материалом. Создавая кинофильм, в первую очередь, он обращал внимание не на отражение реальности, а на воздействие на зрителя. Но, желая оказать определенное влияние на зрителя, необходимо учитывать, что образ возникает в сознании благодаря определенной последовательности элементов действительности [23. С.235]. Образы в сознании людей возникают благодаря столкновению ряда образов и их конкретной последовательности, которая представлена в кинофильме – в этом состоит влияние искусства.

Если кинематограф оказывается зажат в тиски отображения реальности, то он теряет свободу выражения, уступая необходимости определенного расположения образов для достижения нужного воздействия на зрителя. Но кинофильму необязательно гнаться за точным воспроизведением реальности – конструирование образа в сознании зрителя является главной целью кинематографа. Кинофильм – это техника воспроизведения образов, которые появляются в сознании путем творческого воображения. Воображение действует довольно спонтанно, например, первобытный человек вообразил какой-то образ и, желая поделиться им, прибегнул к искусству и нарисовал что-то на стене пещеры, позволив своим соплеменникам тоже воспринять этот образ [13]. Зритель во время просмотра кинофильма должен, с одной стороны, воспринимать изображенный на экране мир как подлинный, а, с другой стороны, осознавать его условность и вымышленность. Под реальностью в данном контексте понимается диегетическое пространство, внутренний художественный мир и действительность фильма. Однако в какой-то момент изображаемая реальность начинает перекликаться с реалистичностью изображения, что формирует новую реальность в сознании зрителя.

Правила восприятия художественного мира фильма изначально заложены в культуре, к которой принадлежит зритель. Несмотря на то, что зритель склонен сравнивать то, что он видит на экране, с личным индивидуальным опытом, между ним и кинореальностью

неизбежно встает культура – знаковая система более высокого уровня, подавляющая частные восприятия и не дающая кинообразу полностью захватить сознание. Зритель воспринимает кинообраз и через него выходит за пределы субъективного пространства, оказывается в пространстве своей культуры, которая не дает ему поверить, что увиденный образ реален, напоминая, что его нужно воспринимать по законам кинематографа, но никак не по законам реальной жизни [12].

Таким образом, анализируя кинематограф, мы снова и снова сталкиваемся с определенным парадоксом: по визуальному ряду кино является самым реальным из искусств, но в то же время и самым иллюзорным. Зритель, вовлеченный в просмотр кинофильма, погружен в три реальности: в обычную – в которой он находится в физическом смысле, в кинореальность – которую видит на экране, и в ту реальность, которая формируется на стыке двух предыдущих. Иными словами, третья реальность являет собой слияние первых двух реальностей, так как зритель хоть и вовлечен в просмотр, но осознает, что не является частью кинореальности, и его сознание одновременно существует в двух «мирах». Кинофильмы сегодня не призваны передавать реальность в «чистом виде», они влияют на сознание людей с помощью транслируемых образов, изменяя его и обогащая чем-то новым. В этом и заключается основное действие и смысл искусства, и вопрос о влиянии кинематографа на сознание человека становится многогранной проблемой. Затрагивая одновременно вопросы отражения и конструирования реальности, трансляции образов, формирования образов кинематограф превращается в междисциплинарный объект изучения, требующий комплексного подхода к изучению.

Кино является объектом изучения самых разных наук, таких как эстетика, искусствоведение, философия, психология, культурология и социология. Однако, несмотря на то, что кинематограф как культурный феномен оформился более века назад, комплексная наука его изучения еще не возникла. Даже социология пока что не имеет необходимого арсенала методов, чтобы получать исчерпывающие сведения о данном феномене. Впрочем, у киноискусства и социологии много общего, скажем, оба выполняют познавательную функцию. Выше речь шла о том, что кинематограф в определенной степени отражает реальность и обогащает наши знания об обществе, т.е. является инструментом познания реальности, предоставляет нам возможность увидеть, как живут люди иного, чем наш, социального статуса, возраста, образования. У нас есть возможность познакомиться с культурой, образом жизни, устоями людей с других уголков планеты. Более того, кино позволяет путешествовать во времени, быть свидетелями запретных явлений общественной жизни, т.е. увидеть преступный мир, жизнь в тюрьмах, войны. Также кинематограф является инструментом самопознания и самосовершенствования: узнавая истории других людей, которые предлагает нам кинематограф, мы получаем возможность учиться у них или на их ошибках, делать выводы и меняться в лучшую сторону, по сути, кинематограф наглядно передает нам опыт других людей. И социология, и кинематограф поднимают важные общественные проблемы, разница лишь в том, что социология использует научные методы, а кинематограф опирается на интуицию создателей фильма, на средства художественной выразительности и особую последовательность транслирования художественных образов.

Кино, несомненно, является фактором преобразований общественной жизни: кинозритель усваивает не только «красивую картинку», но и нормы и ценности, транслируемые кинематографом [9]. Так, М.И. Жабский в статье «Глобализм и функции кино в обществе» отмечает, что кино и общество для друг друга являются причиной и следствием, и можно выделить три траектории социального детерминизма: воздействие «сверху» – общества в целом и его институтов; воздействие «снизу» – непосредственно зрителей; воздействие, которое идет из недр кинематографа. Эти три пути воздействия тесно переплетены между собой, и если говорить о роли кино как одного из факторов влияния на общественные процессы, т.е. о его «обратном воздействии», то можно сказать, что оно тоже многопланово и неоднозначно, поскольку каждая функция кино привязана к конкретному объекту и является производной и того, что воздействует, и того, что подвергается

воздействию. Так, в данном случае, зритель не просто находится под воздействием кино, а обладает и своими встречными требованиями [7].

Выше уже отмечалось, что кинематограф может влиять на сознание людей, обогащая и изменяя его, но важно понимать, каким образом можно замерить и изучить зрительское восприятие транслируемой информации. Д. Рогозин описал несколько методик, с помощью которых можно замерить вовлеченность зрителей в кинопросмотр. Первая методика заключается в сочетании подхода «думать вслух» и техники конверсационного анализа, позволяющей выделять особенности восприятия киноленты. Основываясь на вербальных и невербальных реакциях зрителей, исследователь строит профиль зрительской вовлеченности в кинопросмотр, благодаря чему определяет внутреннюю структуру киноленты с точки зрения зрителя. Респондент находится в комнате в одиночестве, смотрит фильм на компьютере и, во время просмотра, высказывает все свои мысли об увиденном вслух, его слова записываются на диктофон через микрофон, прикрепленный к воротнику. Отсутствие вмешательства со стороны исследователя дает зрителю возможность расслабиться и реагировать на увиденные события более естественно. Зарегистрированные признаки восприятия фильма разбиваются на две группы: невербалика – смех, вздох, эмотивные междометия; вербальные реакции, осмысленные реплики. Затем исследователь, основываясь на вербальных и невербальных реакциях, строит профиль погруженности зрителя по временной шкале фильма и анализирует, какие сцены вызвали наиболее/наименее яркую реакцию. Благодаря этой методике исследователь получает возможность отследить, какие из событий фильма привлекают большее внимание зрителей, и зафиксировать, какие проблемы и ситуации, увиденные на экране, вызывают больший отклик, что может помочь разобраться еще и в системе ценностей зрителей [15].

Вторая методика состоит в том, что зрителям перед фильмом задают конкретный, интересующий исследователя вопрос, а на время показа фильма выдают пульт с двумя кнопками, которые соответствуют ответам «да» и «нет». От респондента требуется, чтобы он отмечал эпизоды, которые его заинтересовали, вызвали удивление, показались интересным, значимыми или выдающимися по отношению к остальному видеоряду. После просмотра с каждым испытуемым проводится интервью, где респонденту демонстрируются выделенные на основе его ответов фрагменты и предлагается проинтерпретировать и объяснить сделанный выбор. Кроме того, до обсуждения выбранных фрагментов зрителю задается вопрос про общее впечатление от фильма [16].

Третья методика предполагает использование полиграфа: на время просмотра фильма к респондентам подключают датчики, которые измеряют грудное и брюшное дыхание, сердечнососудистую деятельность, кожно-гальваническую реакцию и тремор. Выбраны именно эти параметры, так как они являются наиболее распространенными измерителями психофизиологической системы человека. На основании этих замеров, полученных на полиграфе, из фильма выделяются наиболее значимые фрагменты, которые вызывают максимальный отклик, и наиболее незначимые фрагменты. Такой анализ дает более объективные данные, чем обсуждения [18].

Четвертая методика заключается в том, что респондентам после просмотра фильма предлагается составить небольшой видео-ролик, который отражает их восприятие фильма: в ролик необходимо включить наиболее запоминающиеся моменты, т.е. сделать трейлер картины. Для этого файл фильма конвертируется в программу типа iMovie и проводится инструктаж по монтажу. Затем исследователь анализирует составленные видеоролики и проводит интервью с респондентами, которые рассказывают, почему включили в свой ролик те или иные фрагменты [14].

И, наконец, пятая методика предполагает, что во время просмотра испытуемые в течение минуты должны произносить любые слова, которые ассоциируются с фильмом. Исследователь засекает время и останавливает испытуемого, когда заканчивалась минута. Из речи испытуемых выделяют только те слова, которые точно соответствуют заданию исследователя, т.е. могут идентифицироваться в качестве ассоциаций. Вводные

высказывания, описания собственных состояний, извинения считаются задержками ответа и исключаются из дальнейшего анализа. Единицей наблюдения считается ассоциация респондента. Все высказывания делятся на две группы: высказывания о своих эмоциях и о происходящем в кадре. Проговаривая личное отношение к фильму, зритель закрепляет пережитое во время просмотра. Если респондент переводит разговор на себя и описывает только свои личные эмоции, он смещает акценты и вытесняет эмоциональное воздействие. Таким образом, обе характеристики могут включать и положительные, и отрицательные отзывы о фильме.

По мнению Д. Рогозина, необходимо различать эти оценки для определения стратегий постпросмотрового потребления кинопродукции, или постпросмотрового синдрома. Если зритель ставит в центр внимания не свои эмоции, а то, что он увидел на экране, то он расположен к участию в дискуссиях, к вниманию к деталям кинокартины. Если, наоборот, внимание уделяется собственным переживаниям, кинопросмотр антропоморфизируется, т.е. сужается до анализа собственных чувств и переживаний, а особенности увиденного в скором времени стираются из памяти и подменяются более важными эмоциональными всплесками. Если же в ассоциативном ряду наблюдаются в основном описательные конструкции, которые не предполагают эмоционального вовлечения, значит потребление кинопродукции завершено и зритель практически полностью отчужден от увиденного и не испытывает постпросмотровый синдром [17].

Таким образом, в распоряжении социолога имеется пять методик изучения зрительского восприятия фильмов: 1) «думать вслух» в сочетании с конверсационным анализом; 2) дихотомические вопросы во время кинопросмотра с гаджетом; 3) применение датчиков, фиксирующих физическое состояние человека; 4) создание видеоролика с ключевыми моментами фильма; 5) реконструкция ассоциаций с фильмом. Эти методики позволяют если не получить исчерпывающее представление о том, как зритель воспринимает увиденные кинокартины, то приблизиться к пониманию двусторонней связи между тем, каким образом кинематограф транслирует образы и влияет на сознание людей, и тем, как именно человек воспринимает и реагирует на это влияние.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Базен А. Эволюция киноязыка // Что такое кино? М., 1972.
- [2] Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996.
- [3] Бергсон А. Материя и память // Собрание сочинений в 4 тт. Т.1. М., 1992
- [4] Бергсон А. Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
- [5] Бодлер Ш. Салон 1859 года. Философское искусство. М., 1997.
- [6] Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998.
- [7] Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // http://csr.spbu.ru/pub/RFBR_publications/articles/social%20sciences/2004/funkcii_kino_v_obschestve_04_hum.pdf.
- [8] Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений в 6 тт. Т.6. М., 1966.
- [9] Мкртычева М.С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. №12.
- [10] Мукерджи Ч., Шадсон М. Новый взгляд на поп-культуру // sociologs.nm.ru/articles/mukerji_schudson_01.htm.
- [11] Платон. Государство // Сочинения в 3-х тт. Т.3. Ч.1. М., 1971.
- [12] Поселягин Н. Кинонарратология и кинофеноменология Лотмана // http://www.academia.edu/24255057/Кинонарратология_и_кинофеноменология_Лотмана.

- [13] Постникова Т. Воображение и кинематограф: конструирование образов в сознании // <http://imaginaire.ru/node/97>.
- [14] Рогозин Д. Голливудский вариант воспитательной работы: «Добро пожаловать в Зомбиленд» (Рубен Флейшер, 2009) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2011. №2.
- [15] Рогозин Д. Оценка погружения в кинопросмотр: «Добро пожаловать в Зомбиленд» (Рубен Флейшер, 2009) // Телескоп. 2011. №5.
- [16] Рогозин Д. Подростковый фильм глазами зрелого зрителя: «История одного вампира» (Пол Вайц, 2009) // Телескоп. 2011. №1.
- [17] Рогозин Д. Постпросмотровый синдром // Телескоп. 2012. №3.
- [18] Рогозин Д. Целостность восприятия фильма-катастрофы: «2012» (Роланд Эммерих, 2009) // Телескоп. 2011. №3.
- [19] Троцук И.В. Искусство истолкования и его критика: новое звучание идей полувековой давности // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №1.
- [20] Троцук И.В. О природе фотографического изображения // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. №3.
- [21] Троцук И.В., Карпова А.М. Поп-культура как фактор социализации: возможности эмпирического анализа // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2010. №1.
- [22] Чернышева М. Катрмер де Кенси о мимесисе. Классический концепт в классицистической теории искусства // <http://actual-art.org/files/sb/05/77-Chernysheva.pdf>.
- [23] Эйзенштейн С. Вертикальный монтаж // Избранные произведения в 6 тт. Т. 2. М., 1964.
- [24] Ямпольский М. Видимый мир // http://kinofication.ru/b/Yampolski_Vidimii_mir.pdf.
- [25] Tetzlaff D.J. MTV and the politics of postmodern pop // Journal of Communication Inquiry. 1986. No.10.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ RIVER SAMPLING ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОНЛАЙН ИССЛЕДОВАНИЙ

Г.И. Ларионов

В течении XX века происходила эволюция методов сбора эмпирических данных. С появлением телефонных опросов, квартирные и почтовые стали заменяться телефонными интервью. Не так давно американским исследователям общественного мнения удалось разработать технологию проведения онлайн опросов, которые часто превосходят по своим метрологическим свойствам выработанную методологию телефонных интервью и других традиционных методов опроса.

Ключевые слова: онлайн исследования, онлайн опрос, поточная выборка, River Sampling.

“С самого начала индустрия исследований рынка стремилась использовать интернет-технологии в качестве инструмента для сбора данных. Хотя некоторые приверженцы вероятностной выборки утверждали, что результаты исследований были действительны только в том случае, если целью опроса было измерение характеристик или мнений в онлайн-популяции. Разумеется, этот аргумент был действительным до тех пор, пока уровни проникновения в сеть оставались низкими, но в последующие годы уровни проникновения в глобальную паутину стали только увеличиваться.»

-Lex Olliver

Возможность сбора социологических данных во всемирной сети Интернет обсуждалась ещё в 1980 годы, но первый масштабный опрос был проведен зимой 1994 года Д. Питковым, М. Рекер и К. М. Кехо, учеными из Технологического Института Джорджии

(Georgia Institute of Technology). Далее авторы исследования запустили масштабную серию опросов, которая длилась до 1996 года. Главной темой и задачей опроса было выявление социально-демографических характеристик пользователей интернета. Рекрутинг респондентов проходил с помощью рекламы в сети Интернет. В результате исследования 1996 года было получено более 15000 заполненных анкет, более 59000 ответов и выявлены первые характеристики интернет-аудитории. [9]

В 1995 году профессор Массачусетского Технологического Института (Massachusetts Institute of Technology) Ш. Тёркл выпустила работу под названием: «Жизнь на экране: идентичность в век Интернета» («Life on the screen: Identity age of the Internet»). В своей книге автор рассматривает Интернет как платформу для новых возможностей исследования общественного мнения. Интернет, по её словам, надо оценивать, как новый канал доступа к респонденту для проведения классических количественных и качественных исследований. Появление новых форм взаимодействия внутри всемирной сети даёт исследователям возможность разработать новые методологии их изучения [11]

По мнению И.Ф. Девятко, дискуссии в научной среде о новизне методологии онлайн исследований часто основаны на сравнении традиционных методов опроса с методами исследований в сети Интернет. Последние выступают как технологии исследования с явными преимуществами с позиции широты охвата респондентов, мест и временных интервалов, эффективности затрат, полным контролем над качеством вводимых ответов, кодированием и обработкой полученных из опроса данных, относительной легкости реализации процедур контроля и обратной связи с респондентами. Возможности интернет опросов можно охарактеризовать следующими свойствами: 1) Интерактивностью, позволяющей создавать анкеты с использованием мультимедиа. 2) Коммуникативной прозрачностью, которая повышает уровень доверия опрашиваемого человека к исследователям общественного мнения. 3) Возможностью создавать сложные (с точки зрения программирования) веб-страницы, следовательно, анкеты со сложной логической структурой. [5]

Методология создания и проведения онлайн опросов является логическим и технологическим продолжением традиционных методов опроса. Под традиционными методами опроса можно понимать: почтовые, телефонные и квартирные интервью. Как и в любом методе опросов, онлайн исследования имеют свои плюсы и свои минусы.

К преимуществам можно отнести следующее: 1) Высокая скорость проведения. Тысячи респондентов имеют возможность проходить одну и ту же анкету одновременно. 2) Большая вовлеченность респондентов в опрос. Технологии HTML5, Flash и адаптивная верстка сайтов позволяют делать анкету более интерактивной и дают возможность проходить её на разных устройствах (мобильных и стационарных). [10] 3) Возможность выбора респондентом места и времени прохождения опроса. Человек, отвечающий на вопросы анкеты, самостоятельно выбирает место и время заполнения анкеты, находясь в привычной и комфортной для него среде. 4) Автоматический сбор и обработка собранных данных. Возможности современных конструкторов веб-анкет и специализированное программное обеспечение позволяет мгновенно отправлять данные в программу обработки и анализа полученной информации.

К недостаткам можно отнести следующее: 1) Опасность утечки данных опроса. 2) Намеренное искажение данных респондентами. 3) Вероятность прохождения одним респондентом одной и той же анкеты несколько раз.

С момента проведения первого онлайн опроса прошло более 23 лет, и данный метод исследования общественного мнения сегодня пользуется популярностью среди специалистов. Одну из первых попыток типологизации онлайн опросов предпринял М. Купер в 2000 году. В этот список были включены простейшие типы опроса для «развлечения» и более сложные, основанные на случайной выборке: 1) Опросы для развлечения на сайтах, где каждый может разместить свои вопросы и ответить на вопросы, предлагаемые другими. 2) Опросы посетителей без их регистрации на тематических сайтах.

- 3) Панельные опросы посетителей сайта, добровольно зарегистрировавшихся для участия в опросах по теме предложенной сайтом
- 4) Опросы случайно отобранных посетителей сайта.
- 5) Опросы по выборке, составляемой из специально созданной базы данных о респондентах.
- 6) Панельные опросы на основе случайных выборок из социально-профессиональных групп.
- 7) Опросы владельцев сайтов по случайной выборке.
- 8) Панельные опросы по случайной выборке из населения. [7]

На данный момент самый распространенный способ организации опроса в сети - это панельные онлайн опросы. В России на 2016 год онлайн исследования занимали 17.9% от общей доли проводимых исследований. В США и Европе, где онлайн-панели прочно вошли в обиход компаний крупного, среднего и даже малого бизнеса, этот показатель несколько выше. [2]

Панель состоит из постоянно обновляемой базы респондентов, которые добровольно согласились на участие в опросах и при регистрации в панели заполнили анкету, разделяющую их на сегменты, необходимые для точного перенаправления на подходящие опросы. Онлайн-панели делятся на обычные, в которые входят все желающие, и специализированные, состоящие из респондентов - экспертов в своих областях.

Сегодня к типологии М. Купера можно добавить активно развивающийся метод исследования под названием «River Sampling» (метод поточной выборки). Это технология исследования, при которой отбор респондентов происходит в социальных сетях и сервисах контекстной рекламы с помощью баннеров, видео, анимированных изображений или текстовых объявлений в реальном времени, и, впоследствии, перенаправляет заинтересовавшегося человека на веб-страницу для заполнения онлайн анкеты. Отличительной особенностью поточной выборки от других видов онлайн исследований является то, что рекрутинг респондентов происходит в социальных сетях и сервисах контекстной рекламы с помощью специализированных инструментов подбора и сегментирования целевой аудитории для дальнейшего показа рекламных объявлений и, как следствие, привлечение респондентов для прохождения опроса.

Методика поточной выборки выглядит следующим образом: 1) На основе генеральной совокупности создается выборочная с квотными параметрами. 2) На основании этой информации строится стратегия привлечения респондентов из социальных сетей и сервисов контекстной рекламы. 3) Заинтересовавшихся (кликнувших на рекламное объявление) респондентов перенаправляют на сайт с веб-анкетой.

Предпосылкой к созданию данного метода было исследование в виде опроса проведенное в конце XX век в США. Компания “Digital Marketing Insights” создала сайт под названием “Opinion Place”, тем самым предоставив исследователям доступ к 24 миллионном пользователей интернет-провайдера “America Online”. Цель данного ресурса заключалась в том, чтобы пригласить респондентов, пользующихся интернетом от провайдера “America Online”, с помощью рекламных объявлений в сети пройти опрос. В отличие от панельного онлайн исследования, опрашиваемый человек выбирался случайно, затем профилировался на сайте опроса и ресурс перенаправлял его на анкету, в соответствии с его социально-демографическими характеристиками.

В 2006 году компания “Greenfield Online” представила похожий метод исследования под названием “Real-Time Sampling” (Выборка в реальном времени). Создатели еще больше расширили возможности онлайн исследований, заключив соглашения с сотнями сайтов с высоким трафиком, которые, в свою очередь, отображали рекламу на своих площадках и приглашали человека пройти опрос. На сайте анкеты респондент профилировался и отправлялся на опрос в соответствии с заполненными данными. “Greenfield Online” добились высоких результатов - более 10000 заполненных анкет за год. [8]

Сегодня Интернет дает огромные возможности для отбора участников опроса и проведения исследования в сети. В Интернете появились возможности рекрутинга респондентов, подходящих под квоты с помощью таргетинга в социальных сетях и других ресурсах интернета. Таргетинг - это маркетинговый механизм, при помощи которого из

всего числа интернет-пользователей можно выделить только ту целевую аудиторию, которая соответствует определенным критериям (географический, социально-демографический и др.).

Чтобы заинтересовать респондента и получить от него заполненную анкету, исследователи составляют привлекающие рекламные объявления. В качестве мотивации для респондента выступают следующие параметры: 1) Денежное или нематериальное вознаграждение за прохождение опроса. 2) Интерактивные анкеты с использованием мультимедиа. 3) Возможность повлиять на определенные события, о которых идет речь в анкете. 4) Интересно составленный опрос. 5) Интересная для респондента тема анкеты.

Поточная выборка является современной технологией опроса. У нее есть как преимущества, так и ограничения. К плюсам можно отнести: 1) Широкий охват респондентов. 2) Различные источники выборки. [3] 3) Исключение из участия в опросе так называемых «профессиональных» респондентов. 4) Возможность поиска редких видов респондентов. 5) Высокая скорость сбора данных. 6) Оптимизация издержек компании, проводящей опрос.

К минусам можно отнести следующее: 1) Низкая репрезентативность опросов при изучении определенных социальных групп в связи с их отсутствием в социальных сетях и других площадках, где производится рекрутинг респондентов. 2) Недостаточный уровень научного обоснования методологии в профессиональном сообществе. 3) Сложность верификации респондентов при отборе определенных целевых аудиторий. 4) Проблема идентификации одного и того же респондента из различных источников выборки.

При проведении онлайн-исследования по методу поточной выборки применяются жесткие условия контроля качества анкет, данных и подбора респондентов. К условиям отбора можно отнести: таргетинг — подбор респондентов, подходящих по профилю; скрининг — сравнение социального профиля респондента с ответами на вопросы анкеты; контроль по IP-адресам. К контролю основной анкеты относится: добавление в анкету вопросов-ловушек в немного измененном виде, контроль времени просмотра материалов и ответа на отдельные вопросы, проверка наличия возможности просмотра/прослушивания мультимедийного контекста, контроль анкет на отсеивание ложных ответов, например, так называемых «профессиональных» респондентов, проверка собранных данных, контроль общего времени заполнения, качества открытых ответов, доли однотипных ответов в табличных вопросах.

Большой опыт проведения исследования с помощью поточной выборки был у новостного портала РБК. В течение нескольких лет РБК проводил исследования с помощью метода онлайн опроса. Анкета размещалась на главной странице сайта www.rbk.ru, на тематических порталах и наиболее посещаемых ресурсах. За 23 дня размещения опроса исследователям удалось собрать более 35 000 полностью заполненных анкет в рамках исследуемой. Важным преимуществом такого исследования была возможность сегментирования как по большинству ключевых характеристик опроса, так и по более узким основаниям. [6]

Главным отличием онлайн панели от поточной выборки является процесс рекрутинга. Первый метод предполагает отбор респондентов из базы данных, где большинство уже проходило опросы и знакомы с техникой заполнения. Второй метод, в свою очередь, предполагает рекрутировать подходящих по квотам респондентов, которые мало знакомы или незнакомы вовсе с анкетными исследованиями, из социальных сетей и интернет платформ, с помощью специализированных инструментов отбора и сегментации целевой аудитории.

В 2016 году по данным компании “TNS” ежемесячная аудитория пользователей интернета в России достигла 87 миллионов человек в возрасте от 12 до 64 лет, что составило 71% от всего населения страны. [4] В 2008 году по данным компании “GFK” число пользователей интернета составило 25,4% от всего населения страны. Менее чем за 10 лет аудитория возросла на 45.6%. В свою очередь, проникновение интернета среди молодых Россиян (16-29 лет) достигло высоких значений (97%). [1], что говорит о высоком потенциале развития онлайн-технологий проведения опросов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Исследование GFK: Тенденции развития Интернет-аудитории в России. 2017. Москва. [Электронный доступ]. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internet-auditorii-v-rossii/> Дата обращения: 8.09.2017
- [2] Отчет РИИ: Рынок маркетинговых исследований в России. 2017. – [Электронный ресурс]. URL: <http://researchweek.ru/analytics>. Дата обращения: 12.09.2017
- [3] Отчет TNS Web Index 2017. – [Электронный доступ]. URL: http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2016&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y Дата обращения: 12.09.2017
- [4] Рагиев Р. Аудитория интернета 2017. [Электронный доступ]. URL: <http://files.runet-id.com/2017/rif/presentations/19apr.rif17-1.0--tagiev.pdf> Дата обращения: 8.09.2017
- [5] Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. Онлайн исследования в России 2.0. – М.:РИЦ «Северо-Восток», 2010. – С. 17
- [6] Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. Онлайн исследования в России 2.0. – М.:РИЦ «Северо-Восток», 2010.
- [7] Couper M.P. Web Surveys. A Review of Issues and Approaches – Public Opinion Quarterly. 2000. – Vol. 64. No. 4.
- [8] Mario C. Online panel research History, concepts, applications and a look at the future. [Электронный доступ] URL: <https://static.googleusercontent.com/media/research.google.com/ru//pubs/archive/42493.pdf> Дата обращения: 10.09.2017
- [9] Pitckow J. GVU's 6th WWW User Survey. [Электронный доступ] URL: https://www.cc.gatech.edu/gvu/user_surveys/survey-1996-10
- [10] Suler J. «The Online Disinhibition Effect». 2004. – CyberPsychology & Behavior 7 (3). – P. 321–326.
- [11] Turkle Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. 1995.

ПОЛУФОРМАЛИЗОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ: ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ПОЛУЧАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ*

С.В. Захарова

В данной статье подробно рассматривается одна из разновидностей социологического интервьюирования - метод полужформализованного интервью, область его применения, его достоинства и недостатки. Особое внимание уделяется принципам полужформализованного интервью, так как от их соблюдения зависит качество получаемой в ходе исследования информации. Также статья содержит информацию о проблемах, возникающих в ходе интервьюирования, и разнообразных способах их решения.

Ключевые слова: полужформализованное интервью, проблемы качества социологической информации, инструментарий, свойства информации, техника интервьюирования, способы

* Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект «Технология анализа невербальных реакций респондентов в социологических исследованиях», № 16-33-00053).

повышения качества информации, проблемы смещений и пропусков ответов, невербальное поведение.

Полуформализованным считается интервью, предполагающее использование не только закрытых, но и открытых вопросов, при том, что интервьюер также имеет возможность произвольно формулировать определенные вопросы, ориентируясь по ситуации, дополняя и углубляя ответы на закрытые вопросы. Однако обязательным признаком данного типа интервьюирования является путеводитель, который должен включать темы и упорядоченный список формулировок вопросов для установления логичного хода беседы [2. С.31]. Сюда также входят инструкции для наиболее важных вопросов, содержащие техники задавания вопроса, оценки приемлемости и валидности ответа.

Одной из особенностей полуформализованного интервью является наличие ряда принципов, основными из которых являются [2. С.29-46]:

1. Недирективность – невмешательство интервьюера в поток информации, получаемой от респондента, что реализуется на нескольких уровнях – во-первых, в качестве «техники расспрашивания»; во-вторых, как «ролевой сценарий в отношении выбора места и времени» проведения интервью. Одним из критериев данного понятия в контексте интервью является ролевое равновесие между участниками. Интервьюер при этом имеет возможность изменять формулировку вопросов относительно каждого респондента, не отдаляясь от изначально заданного текста. Респондент, в свою очередь, в праве свободно высказываться по заданной теме, а также имеет преимущество в выборе места и времени интервью.

2. Рамка референции предполагает, что «два человека могут взаимодействовать и общаться только в отношении к чему-либо, одинаковому для обоих». В полуформализованном интервью роль в установлении данного принципа отведена интервьюеру, так как это зависит от исследовательских целей. Н.В. Веселкова выделяет три слоя рамки референции:

1) естественная, содержащаяся в естественных источниках информации, т.е. предполагающая «мировоззрение» респондента по отношению к заданной теме до момента вмешательства исследователя;

2) исследовательская, реализуемая в вопросах и стратегии интервьюирования в целом (с целью устранения «растекания» по теме), в результате чего противоречащая естественной; данный уровень будет оптимальным в том случае, если будет корректироваться обеими сторонами соответственно по мере соотношения с естественной;

3) интернальная, возникшая в контексте конкретного интервью и отражающая общее понимание исследователя и респондента.

3. Феноменологичность – стремление к «естественным» данным, что осуществляется благодаря коммуникации «лицом к лицу»; при этом обе стороны посредством диалога влияют друг на друга, а данный принцип способствует снижению «эффекта интервьюера».

4. Этика. Полуформализованное интервью способствует возникновению высокой эмоциональной связи между его участниками, которая в ряде случаев приближается к установлению близких отношений взаимопонимания. С одной стороны, данный факт полезен для достижения целей интервью. Однако следствием сближения информанта с интервьюером может быть падение валидности и возникновение у последнего моральных обязательств перед респондентом. Особенность полуформализованного интервью заключается в том, что данный метод позволяет удерживать оптимальный баланс между взаимопониманием и валидностью за счет значительной степени формализации.

Немаловажным моментом проведения интервью является уровень профессионализма интервьюера. По словам С. Квале, «открытость и гибкость интервью, множество решений, принимаемых непосредственно на месте (например, следовать ли появившимся в процессе интервью новым возможностям или придерживаться намеченной схемы интервью), предъявляют очень строгие требования к подготовке и компетентности интервьюера», так что в такой ситуации в роли интервьюера может выступать сам исследователь, в противном

же случае интервьюера следует тщательным образом подготовить к процедуре интервью, провести инструктаж, тренинг и т.д. [16. С.24].

Для повышения профессиональных качеств существуют инструктажи в отношении каждого проводимого исследования. В общих чертах, можно перечислить свойства, которыми изначально должен обладать любой интервьюер для успешного хода интервью [6]:

1) умение создать *психологический климат*, способствующий свободному протеканию процесса коммуникации. Для этого эксперт должен начинать беседу с вопросов, позволяющих установить с респондентом контакт;

2) умение обеспечить отсутствие на интервью третьих лиц - беседа должна вестись «с глазу на глаз»;

3) обладание установкой на позитивное, толерантное отношение к респонденту, полное принятие его личности и избегание какого-либо осуждения по поводу сообщаемых респондентом данных;

4) умение точно воспринимать информацию: эффективно слушать и наблюдать, адекватно понимать вербальные и невербальные сигналы, различать смешанные и замаскированные сообщения, видеть несоответствия между вербальной и невербальной информацией, без искажений запоминать сказанное респондентом;

5) способность критически оценивать информацию, учитывая качество ответов респондента, их согласованность;

6) умение увидеть и учесть факторы, вызывающие защитную реакцию респондента или наработанную коммуникативную модель, препятствующие его включаемости в процесс взаимодействия;

7) стрессоустойчивость, способность длительно выдерживать получение и обработку больших объемов информации;

8) внимательность к уровню утомления и тревожности респондента, без колебаний устранять мешающие интервью внешние факторы;

9) умение правильно сформулировать и вовремя задать вопрос, своевременно обнаруживать и корректировать непонятные для респондента вопросы, быть гибким в формулировании речевых конструкций.

В соответствии с вышеописанными принципами полуформализованного интервью можно говорить об универсальности данного метода. Важным моментом является способность интервьюера следовать инструкциям по работе в сфере данного типа интервьюирования. Следует также подчеркнуть, что благодаря «равноудаленности от полюсов формализации», данный метод имеет преимущество при исследованиях, затрагивающих высокодинамичные процессы, острые и чувствительные темы [2. С.46]. К области применения полуформализованного интервью также относится изучение глубинных личностных структур: установок, ценностей, мотивов, относительно которых общественное мнение еще не устоялось. Кроме того, данный тип интервьюирования обычно применяется на малых выборках для исследования специфических социальных групп [3. С.103-109].

Интервью является широко распространённым методом работы в крупных социологических центрах. Это обусловлено рядом преимуществ данного метода среди остальных, в частности наряду с анкетированием [5. С.387]:

- 1) минимальное количество незаполненных ответов на вопросы;
- 2) неопределенные или противоречивые ответы могут быть уточнены;
- 3) существует возможность наблюдения за респондентом и фиксации не только его вербальных ответов, но и невербальных реакций;
- 4) получаемая информация полнее, глубже и достовернее, чем при использовании других методов сбора информации.

И.В. Журавлева, в свою очередь, несколько уточняет и дополняет факторы, обеспечивающие достоинства метода интервью наряду с другими [7. С.125-126]:

1. Наличие возможности получения глубинной информации о мнениях, мотивах и представлениях респондентов.

2. Форма интервью, близкая к обыденному разговору, способствует возникновению непринужденной обстановки общения и повышению искренности ответов.

3. Возможность наблюдать за психологическими реакциями респондента, ситуацией интервью и в случае необходимости проводить корректировку в соответствии с возникающим переменам.

4. Личный контакт интервьюера с респондентом обеспечивает максимальную полноту реализации познавательных задач вопросника.

5. Общение интервьюера с респондентом, обладающее подчеркнuto личностным характером взаимодействия, способствует более серьезному восприятию опроса респондентом.

6. Вербальный характер общения устраняет проблему непоследовательного незапланированного восприятия вопросов.

Как и все методы исследований, интервьюирование имеет свои недостатки — низкий уровень оперативности, существенные затраты времени, необходимость нанимать большое количество интервьюеров, невозможность его использования в ситуациях краткосрочных массовых опросов [4. С.103].

Помимо этого, в полужформализованном интервью, в сравнение со стандартизированным типом, увеличивается влияние «эффектов интервьюера», ввиду чего повышается трудоемкость процесса подготовки интервьюеров [7. С.126]. Важным источником возникновения данных факторов выступают акты «незапрограммированного поведения опрашиваемых»: разного рода спонтанные речевые включения интервьюера формируют у респондентов определенные ожидания относительно позиции собеседника и, как следствие, провоцируют стремление к угадыванию его мнений, программируя "модельные" ответы, отклоняющиеся от истинных [12. С.86]. Также респондент при оценке характеристик опрашиваемого и имеющейся социальной дистанции, активирует механизмы психологической защиты и искажает ответы, подстраивая их под угадываемые ценности и нормы, установки и ожидания интервьюера.

Интервьюер, в свою очередь, в ходе интерпретации полученного ответа нередко редактирует его, исходя из стереотипных представлений о том, каким он может или должен быть у представителей конкретной демографической или социальной группы [12].

Отсюда следует, что строгое соблюдение всех методических требований, предъявляемых к проектированию инструментария, а также ужесточение стандартизации в работе интервьюеров не гарантирует абсолютного устранения искажений в получаемой информации [12. С.87].

В процессе применения метода интервьюирования, расширяется спектр возможностей повышения надежности получаемых данных за счет уменьшения числа воздержавшихся от ответа респондентов и ошибок при заполнении анкет. При этом также повышается содержательность и глубина собираемой информации. Однако здесь появляется проблема репрезентативности социологических данных, так как они не являются таковыми для больших социальных групп людей [5. С.386-387].

В.Э. Шляпентох говорит о трех основных свойствах, характеризующих получаемую информацию [17. С.80]:

1. Достоверность - адекватное отражение особенностей изучаемых явлений и процессов.

2. Устойчивость – способность информации сохранять свою полезность в течение определенного периода времени.

3. Репрезентативность – адекватность информации в том ареале, на который могут быть распространены полученные результаты социологического исследования.

В связи с этим информация может быть, во-первых, достоверной, но неустойчивой. Данный критерий подразумевает, что результаты опроса верно отражают реальную действительность (поведение, мнение респондентов) на момент проведения исследования, но неактуальны в другом контексте ввиду происходящих изменений или влияния на мнение

респондента случайных непостоянно действующих факторов [17. С.80-81]. Следующим возможным сочетанием свойств, смещающих результаты исследования, является устойчивость, но недостоверность. Данная ситуация характерна для исследований, в процессе которых ответы респондентов в течение длительного времени (при единой методике опроса) смещены в одном направлении, а результаты почти не подвергаются изменениям. Достоверные же и устойчивые сведения могут быть репрезентативными по отношению к одному ареалу и совершенно не являться таковыми по отношению к другому. Однако наиболее частыми считаются ситуации, когда получение социологической информации сопровождается ошибками всех трех видов.

Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что смещения в полученной в процессе социологического интервьюирования напрямую связаны с неискренними ответами респондентов, которые могут быть вызваны различными причинами: от некомпетентности респондента в данном вопросе до эмоционального фактора, возникающего как реакция опрашиваемого на некорректно составленные вопросы [10. С.17]. По мнению С. Новака, сознательная неискренность респондента приводит к 3 ситуациям [7. С.137]:

1. Респондент имеет одно мнение, а высказывает другое.
2. Респондент мог бы ответить, но не отвечает.
3. У респондента нет определенного мнения, но он все же отвечает.

Способность респондента правильно понимать вопросы и его готовность дать достоверный и устойчивый ответ также определяются рядом психологических и социально-психологических особенностей человеческой личности. Среди них особое значение имеют следующие [17. С.83-84]:

- способность понимать вопросы различной степени конкретности/абстрактности и умение отвечать на них;
- возможность отвечать на вопросы, касающиеся событий, в той или иной мере удаленных во времени от момента опроса;
- готовность к самостоятельным и искренним ответам, независимо от того, в какой мере ответы могут стать известны другим лицам;
- готовность найти время для беседы и заполнения анкеты и др.

При этом не исключены ситуации, когда от респондентов не удается получить ответа даже при личном контакте в ходе интервью. И.К. Зангиева классифицирует отдельные пропуски на реальные и артефактные (искусственные): первые возникают, если, несмотря на использование различных методик стимулирования ответа, респондент отказался отвечать на поставленный вопрос; второй вид пропусков подразумевает нереалистичные, ложные ответы, которые приходится исключать самому исследователю на этапе чистки массива [8. С.31].

Причины пропусков зависят от нескольких факторов [8. С.31]:

- 1) Респондент не ответил на вопрос по собственной инициативе (ввиду некомпетентности в теме исследования, скрытности, психологической неконтактности и т.п.).
- 2) Ответ не был получен из-за ошибок в работе самого исследователя (неграмотно составленная анкета, слишком большое количество сенситивных вопросов, неудовлетворительный инструктаж интервьюеров),
- 3) Некорректное проведение опроса со стороны интервьюера
- 4) Ошибки кодировщика при вводе информации в компьютер.

Ошибки исследователя и интервьюера можно отнести к методологическим причинам пропусков, устранение которых может потребовать доработки инструментария исследования и более тщательного инструктажа интервьюеров, кодировщика – к техническим, которые требуют дополнительного обучения работников кодировки, а скрытность и неконтактность респондента – к психологическим, требующих применения в процессе интервью психологических приемов преодоления недоверия, неконтактности респондентов [8. С.31-32].

Перечисленные факторы находятся под влиянием социальной среды, в которой находится респондент, социального положения, а также условий его жизни. Все это приводит к весомому смещению полученных данных, что, в свою очередь, ведет к допущению ошибок при анализе и предоставлении результатов проведенного исследования. С преодолением вышеописанных ситуаций связана задача исследователя в преодолении психологических барьеров и защитных реакций респондента и выяснении его истинных ценностных ориентаций [7. С. 137].

Для решения вышеописанных проблем разрабатываются различные способы повышения качества получаемой в ходе исследования социологической информации, которые в совокупности представляют собой технику интервьюирования.

К приемам стимулирования ответов респондентов, используемых с целью получения полной и точной информации также можно отнести «правильные» реакции интервьюера на ход интервью [6]:

- Выражение согласия (внимательный взгляд, кивок, улыбка, словесное одобрение);
- Использование коротких пауз;
- Повторение основного вопроса;
- Частичное несогласие («Вы говорите, что... Однако многие люди полагают иначе...»);
- Требование пояснения («Мне не совсем ясно... Не могли бы Вы пояснить...»);
- Уточнение путём намеренно неправильного повторения ответа респондента («Правильно ли я понял, что...», «Можно ли, на основе сказанного, утверждать, что...»);
- Осторожные указания на противоречие в ответах респондента;
- Повторение последних слов респондента (метод «эхо»);
- Требование дополнительной информации («Расскажите об этом подробнее...»).

Ряд методических исследований показал, что манипулирование формулировкой вопроса лишь относительно способствует повышению уровня искренности и открытости респондентов, так как не гарантирует им полной уверенности в конфиденциальности ответов [14. С.112]. Организационно-технические средства обеспечения анонимности, в свою очередь, не только не стимулируют респондентов давать искренние ответы, но и ведут к ухудшению результата, ввиду того что производят эффект, повышающий чувствительность респондентов к необходимости быть осторожными, отвечая на поставленные вопросы. Как выяснилось, одной из основных причин неискренности ответов является боязнь респондента быть раскрытым перед другими в его личных, порой неодобряемых обществом, склонностях. Поэтому А.Ю. Мягков принимает во внимание малоизвестные, но качественно более эффективные методы обеспечения анонимности при участии в социологическом исследовании. К таковым относятся [14. С.112-118]:

I. Модель С. Уорнера - RRT-метод («*randomized response technique*»).

Процедура сбора и последующего анализа данных в рамках данной стратегии заключается в том, что опрашиваемым предлагается ответить на один из двух взаимоисключающих вопросов-суждений (типа: «Я принадлежу к группе «А»; «Я не принадлежу к группе «А»)), имеющих прямое отношение к сенситивной теме. Испытуемый, используя заданный способ рандомизации, случайным образом выбирает тот вопрос, на который ему предстоит ответить, не сообщая интервьюеру. При этом он должен ответить либо положительно, либо отрицательно. Зная вероятность выбора респондентом того или иного вопроса, объем выборки и общее число положительных ответов, можно оценить истинную долю лиц, принадлежащих к группе «А».

Данный метод действительно способствует повышению анонимности благодаря рандомизации вопросов (и ответов) и обезличиванию процедуры интервью.

II. Метод «контаминации».

Суть данного метода заключается в том, что респондент озвучивает свой ответ (по принципу «да» – «нет»), не раскрывая его содержательного смысла, а интервьюер при этом не знает, к какому вопросу данный ответ относится и лишь бесстрастно его фиксирует.

Процедура опроса в этом случае сводится к следующему. Интервьюер формулирует вопрос, а затем обращается к респонденту с просьбой подбросить две игральные кости, не сообщая результата. При этом опрашиваемого просят солгать, исказить действительную реальность, если на кубиках одновременно выпадут одинаковые значения, и сказать правду при выпадении разных. Зная вероятность появления лживых ответов (в данном случае 1/12) и наблюдаемую долю положительных ответов, можно легко интерпретировать полученные результаты.

III. Метод «запечатанного буклета» [13. С.17].

Вопросник для сбора информации посредством данного метода состоит из двух частей (секций), одна из которых находится у интервьюера, а другая, в заклеенном конверте, вручается респонденту. Передавая «запечатанный буклет», интервьюер поясняет, что респонденту необходимо только называть номера своих ответов (указанные в случайном порядке) при прочтении полученной анкеты, которые будут фиксироваться в опроснике. В инструкции, предваряющей вопросник для респондента, также делается напоминание об анонимности опроса. Данные пояснения, а также тот факт, что буклет должен извлекаться из запечатанного конверта, должны усиливать субъективную анонимность.

В работе А.В. Матовской были уточнены общие правила ведения интервью с перенесением акцента на невербальные аспекты взаимодействия интервьюера и респондента. Данный инструктаж также способствует повышению качества получаемых социологических данных. Таким образом, общими приемами проведения интервью являются [11. С.108-110]:

1. «Подстройка к респонденту» (заимствование элементов поведения респондента) позволяет увеличить уровень доверия к интервьюеру со стороны информанта – подстройка «под позу», «под жесты», «под мимику», «под стиль общения».

2. Оказание искреннего внимания к респонденту посредством различных невербальных актов.

3. Использование пауз во время проведения интервью.

4. Установление зрительного контакта с респондентом, что придает разговору характер не интервью, а обычной беседы.

5. Использование жестов.

6. Пространственное положение «лицом к лицу»

7. Устранение факторов, мешающих проведению интервью.

А. Е. Лагун [9] исследовал влияние невербального поведения в такой разновидности интервьюирования, как фокус-группы. Знание социолога о невербальных реакциях и умение правильно интерпретировать их напрямую влияет на достоверность и качество получаемой информации. Поэтому необходимо полностью контролировать состояние респондента в процессе интервью (степень усталости, открытость, искренность, и т.п.), а также следить за тем, чтобы он чувствовал себя комфортно, имел возможность и желание раскрыться. Ввиду этого была разработана практическая методика, позволяющая исследователю работать с группой при помощи невербальных символов при определенных состояниях группы или отдельных респондентов с целью блокирования или же стимулирования определенных групповых процессов.

Д.М. Рогозин [15. С.7], в свою очередь, предложил когнитивный анализ опросного инструмента, предметом чего являются мыслительные процессы, активизирующиеся при восприятии вопроса и ответа на него. Задача данного способа повышения качества социологической информации состоит в установлении того, что человек думает, отвечая на вопросы интервьюера. Цель когнитивных методов заключается в понимании мыслительных процессов, управляющих ответами респондента при опросе, и, как следствие, использовании этого знания для конструирования эффективного опросного инструмента. Данные методы помогают достаточно точно определить степень понятности вопросов для респондентов и интервьюеров; темы, которые стоят за вопросами и сопутствующие им затруднения. Многообразие интерпретаций одного и того же вопроса может определяться как текстом этого вопроса, так и текущей ситуацией, личностью интервьюера и респондента. Таким

образом, в когнитивных методах реализуется понимание опросного инструмента как коммуникативной среды, где он проговаривается и куда включены участники опроса.

Возвращаясь к проблеме пропусков ответов, необходимо перечислить методы их устранения, к которым можно отнести следующие [8. С.39-41]:

1) Исключение неполных наблюдений, т.е. тех, для которых отсутствуют значения хотя бы одного интересующего исследователя признака.

2) Взвешивание данных заключается в том, что исследователь сначала удаляет все неполные наблюдения, а затем использует оставшиеся данные во взвешенном виде. Взвешивание выборки осуществляется таким образом, чтобы сохранить ее структуру по заданным исследователем признакам. Неполные анкеты в данном случае заменяются другими, взятыми из имеющихся в наличии полностью заполненных.

3) Заполнение пропусков (импутирование), где основной задачей исследователя является восстановление исходной структуры данных, которая имела бы место, если бы отсутствующие значения не были пропущены. Сначала при помощи различных способов пропуски в данных заполняются, а затем полученный массив полных данных обрабатывают при помощи заранее предусмотренных методов анализа как массив без пропусков.

Однако все вышеперечисленные техники повышения качества социологической информации не являются предельными. Социология развивается, поэтому разрабатываются новые методики улучшения результативности проводимых исследований. Наглядным примером этого является использование психологических характеристик респондентов, а также невербальной компоненты процесса исследования, что способствует повышению качества получаемой информации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2008.
- [2] Веселкова Н.В. Методические принципы полуформализованного интервью// Социология 4М, №5-6, 1995.
- [3] Веселкова. Полуформализованное интервью// Социологический журнал, №3, 1994.
- [4] Григорьев С.И., Растов Ю.Е.. Основы современной социологии. Учебное пособие. - Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2001.
- [5] Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. – М.: Инфра-М, 2004.
- [6] Ермак В. Д. Искусство вопросов и некоторые ошибки интервьюирования в процессе идентификации ТИМ психики.// Соционика, ментология и психология личности, №6, 2006.
- [7] Журавлева И.В. Особенности интервью как разновидности метода опроса // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн.1. Социологический опрос. Отв. ред. В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. - М: Наука, 1990.
- [8] Зангиева И.К. Проблема пропусков в социологических данных: смысл и подходы к решению.// Социология: 4М, № 33, 2011.
- [9] Лагун А. Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании// Социологические исследования, №2, 2004.
- [10] Ларина Т.И. Повышение качества опросного инструментария на основе анализа невербальных реакций респондентов: дис. канд. социол. наук. РУДН, Москва, 2015.
- [11] Матовская А.В. Использование невербальной информации в личном интервью//Социологические исследования, № 3, 2006
- [12] Мягков А.Ю., Журавлева И.В. Объяснительные модели эффекта интервьюера. Опыт экспериментального тестирования// Социологические исследования, №3, 2006.
- [13] Мягков А.Ю. «Запечатанный буклет»: Альтернативный метод сбора данных в опросах по сенситивной проблематике // Социологический журнал, №4, 2001.

- [14] Мягков А.Ю. Статистические стратегии сенситивных измерений.// Социологические исследования, №1, 2002.
- [15] Рогозин, Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. – М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
- [16] Чеховский И.В.. Интервью как способ получения информации в качественной стратегии исследовательского поиска // Вестник Российского университета дружбы народов, серия социология, №4, 2009.
- [17] Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ*

М.С. Карзевич

Данная статья посвящена теме социологического экспертного интервью. В тексте статьи упомянуты особенности поведенческих реакций респондентов в процессе беседы личного характера, в конкретном случае диалога на политическую тему. Также отражены важные детали эксперимента, касающиеся невербальных проявлений экспертов, и сделан соответствующий вывод по результатам проведенного исследования.

Ключевые слова: экспертное интервью, невербальные реакции, социологическая информация.

Экспертное интервью – это личная беседа, проходящая по продуманному изначально сценарию. Данный вид интервью подразумевает получение от интервьюируемого полных и цельных ответов на вопросы, а не формальное заполнение анкеты. Не смотря на то, что интервьюер придерживается определенного плана беседы, последовательность вопросов и их формулировки могут качественно отличаться, в зависимости от реакции респондента. В процессе углубленных интервью на выражение мнения респондента не оказывают влияние окружающие (как это имеет место быть, к примеру, в фокус-группах).

Экспертные интервью основываются на применении методов, побуждающих респондентов к длительным и обстоятельным рассуждениям по интересующей исследователя цепочке вопросов. Это дает возможность вникнуть в самые мелкие детали, выявить все грани поведения и реакции респондентов, которые могут иметь значение для решения задач исследования. Процедура экспертного интервью требует качественной подготовки от интервьюера. Беседа происходит при очной встрече в отсутствие третьих лиц, или имеет форму телефонного разговора, если это уместно, учитывая характер исследования.

[1]

Экспертное интервью может продолжаться от получаса до 3-4 часов в зависимости от задач, преследуемых исследователем, и в виду особенностей самого респондента. Как правило, экспертное интервьюирование предполагает опрос одного человека, но бывают и исключения. Существуют модификации этого метода, при которых в беседе участвуют 2 или более респондентов. Разговор записывается в аудио- или видеоформате. Запись подвергается обработке, после которой исследователь располагает полным текстом всего интервью (так называемый «транскрипт»). Транскрипт служит основой для составления аналитического отчета. Видеозапись используется с целью фиксации невербальных реакций респондентов. Эти невербальные реакции имеют большое значение при полном и доскональном анализе

* Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект «Технология анализа невербальных реакций респондентов в социологических исследованиях», № 16-33-00053).

интервью. В данной статье буду рассмотрены ключевые особенности в основном невербальной реакции респондентов, в роли которых выступают эксперты. [2]

Цель данной статьи – выявить особенности поведения экспертов (респондентов) в процессе экспертного интервью. Объектом исследования являются вербальные и невербальные каналы общения.

Для скрупулезного изучения темы невербального поведения необходимо прибегнуть к помощи первоисточников, где имеются экспериментально подтвержденные данные. К таковым можно отнести работы А. Кендона, Г. Крейндына, В. Лабунской, Д. Наварро, О. Фрая, У. Фризена и П. Экмана и других авторитетных практиков.

Для полного погружения в тему вербальной коммуникации стоит ознакомиться с трудами таких ученых, как Вишняков, С. А., Гнатюк, О. Л., Голуб, О. Ю., Почепцов, Г. Г., а также уделить внимание книге «Модели коммуникации: Вербальная коммуникация».

При анализе вербальной коммуникации необходимо всегда иметь в виду, что это общение личностей, обладающих определёнными намерениями, то есть диалог является активным, носит двусторонний. Именно это определяет необходимость внимания к собеседнику, согласованность, скоординированность с ним речи. В ином случае не будет соблюдено самое важное условие успешной вербальной коммуникации – понимание смысла слов собеседника, в итоговом значении – понимание, познание другой личности. [3]

Факт универсальной важности человеческих эмоций не подвергается сомнению, несущественно изменяются только правила их отображения в рамках разных социальных слоев. Этот факт играет важную роль в ходе данного исследования. И если с невербальными проявлениями эмоций, отображающимися в мимике, все предельно понятно, то с жестами все не так уж и однозначно — в разных культурах, сферах жизни они отличаются собственной спецификой. Часто человек заменяет одну эмоцию, которую не желает показывать, другой. Такое развитие событий П. Экман называет утечкой информации. [6] Умение понимать и считывать чужие и свои эмоции называется эмоциональным интеллектом. Установленный факт, что эмоции лучшим образом различают люди с развитым невербальным интеллектом, эмоционально подвижные, более ориентированные на окружающих, чем на себя.

Процесс экспертного или открытого интервью имеет ряд отличительных особенностей, в сравнении с массовым интервью или интервью в фокус-группе. Важную роль в современной социологии и журналистике играет фигура собеседника. Больше всего внимания, как правило, приковано к лицам, связанных так или иначе с политической системой, будь то представители государственной думы, или же лидеры политических партий, или люди, занимающие высокое положение в обществе, способные повлиять на политическую атмосферу в стране. [5]

Исходя из этих особенностей, был проведен своего рода эксперимент, который позволил на сравнительной теоретической базе выявить знаковые отличительные черты невербальной коммуникации у людей в процессе открытого интервью.

Для эксперимента были отобраны в качестве экспертов преподаватели вуза, связанные с политологией и понимающие текущую политическую обстановку. В процессе проведения с ними личной беседы происходила фиксация так называемых невербальных сообщений. Было установлено, что камеры необходимо сфокусировать на лице и верхней части туловища респондентов. В эксперименте использовались методы интервьюирования и наблюдения.

Качество социологической информации напрямую зависит от качества инструментария. Сдвигами в социологической информации, вызванными инструментарием, как правило, следует считать неискренние ответы, вызванные рядом причин: непрофессиональностью респондента и его страхом показать свое смущение, раздражение, гнев и другими эмоциями, что достаточно сильно изменяет реальную картину происходящего. Неискренние ответы могут быть результатом того, что исследователем неправильно был составлен необходимый инструментарий. По этой причине, прежде всего,

был разработан инструментарий, который способствовал процессу интервью, в него входили базовые вопросы, а также возможные отклонения от основного хода беседы и предполагаемые реакции на них. В качестве теоретического источника информации в данном случае использовался труд Лариной Т.И. «Возможности повышения качества инструментария в социологических опросах на основе оценки эмоциональных реакций респондентов по невербальным признакам». [4]

В ходе эксперимента, участниками которого стали 4 человека, происходил анализ невербальных реакций, возникавших у экспертов. А именно уверенности и неуверенности испытуемых (при условии, что таковые имелись), а также производилась оценка эмоций эксперта и его осознание компетенции в своих словах в процессе получения ответов на вопросы, непосредственно связанные с политической тематикой. Все реакции и проявления фиксировались на пленку для последующего досконального разбора.

К характерным составляющим реакции респондентов, опираясь на такие труды, как «Схема кодировки невербальных реакций респондентов», «Невербальные характеристики вероятных эмоциональных реакций при работе в эмпирических социологических исследованиях» авторов Пузановой Ж.В. и Лариной Т.И., были отнесены мимика, жесты, позы, наличие точки замирания.

Посредством проведенной работы удалось выявить ряд отличительных особенностей реакции экспертов, к которым можно отнести поднятие брови, сморщивание губ, манипуляции ручкой, постукивание пальцами по столу, пожимание плечами. Также необходимо выделить характерные невербальные проявления, свидетельствующие, что конкретный вопрос послужил причиной стресса, дискомфорта и раздражения. Сюда входит движение кадыка, облизывание губ, глубокий вдох, моторика пальцев руки, отклонение корпуса назад.

Наконец, существенным признаком появления трудностей при ответе на вопрос является присутствие точки ориентированного замирания, выраженной в продолжительной паузе до начала ответа и полным обездвиживанием на секунду, а также паралингвистические проявления – характерное движение кадыка и непровольное покашливание, не вызванное внешними раздражителями.

Все только что перечисленные признаки являются доказательством отсутствия уверенности эксперта при ответах на вопросы интервью, а значит, что качество полученной социологической информации в интервью с политическим уклоном при наличии данных признаков может оказаться низким, а ответы экспертов на предложенные вопросы могут быть негласно восприняты с достаточно критической оценкой.

Исходя из результатов эксперимента, следует, что невербальное взаимодействие в ходе проведения глубокого (открытого) интервью позволяет получить действительно гораздо больше информации о респонденте, его характерных особенностях, испытываемых эмоциях. Достоверность такой информации весьма велика, по причине того, что невербальное поведение крайне трудно контролировать, а в большинстве случаев не является возможным.

Наличие у экспертов признаков неуверенности и дискомфорта свидетельствует о возможно неграмотно составленном социологическом инструментарии или о неискренности респондента, что оказывает существенное влияние на возможной оценку информации со стороны специалистов.

Наряду с вербальными, невербальные средства по своему существу являются знаками, то есть они исполняют основные функции коммуникации – информационную, прагматическую и экспрессивную. Эти средства играют большую роль в процессе исследования и анализа экспертного мнения при социологическом сборе информации.

Изучение взаимодействия между собой вербальных и невербальных коммуникативных каналов общения ведется с давних пор, но, так уж выходит, что в большинстве случаев оказывается малоэффективным. Исследования, производимые в данной области, являются перспективными и представляют большой интерес для широкого круга

людей. В качестве примера можно привести то, как передача информации по невербальным каналам общения, происходящая одновременно с вербальной, может усиливать и изменять трактование слов: угроза, сказанная с веселой улыбкой, может восприниматься совершенно по-другому, а именно – как шутливое высказывание.

В заключение можно сказать, что как вербальные, так и невербальные особенности построения коммуникации играют важнейшую роль в процессе социологического исследования, а в частности в процессе экспертного или открытого интервью, и позволяют с достаточно высокой точностью производить оценку достоверности и качества полученной информации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вишняков, С. А. Теория вербальной коммуникации : монография / С. А. Вишняков. – Москва : Флинта : Наука, 2005.
- [2] Гнатюк, О. Л. Основы теории коммуникации : учебное пособие / О. Л. Гнатюк. – Москва : Кнорус, 2010.
- [3] Голуб, О. Ю. Теория коммуникации : учебник / О. Ю. Голуб, С. В. Тихонова. – Москва : Дашков и К., 2011.
- [4] Ларина, Т.И. Возможности повышения качества инструментария в социологических опросах на основе оценки эмоциональных реакций респондентов по невербальным признакам / Т.И. Ларина. – М., 2013.
- [5] Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук : Ваклер, 2006.
- [6] Экман П., Фризен У. Узнай лжеца по выражению лица. – СПб : Питер, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богдановская Валерия Игоревна – студентка 1 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: bogdanovskaya.valeria@yandex.ru. Научный руководитель – проф., д.с.н. Бронзино Л.Ю.

Борзунов Владимир Алексеевич – студент 3 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: metro.vovan@icloud.com. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Вакорина Людмила Юрьевна – соискатель факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: mk6@zdrav.mos.ru. Научный руководитель д. соц. н., проф. Пузанова Ж.В.

Вернер Александр Николаевич – студент 4 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: sasha13pro@rambler.ru. Научный руководитель – асс., к.с.н. Тертышников А.Г.

Замбатова Милана Заудиновна – студентка 1 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: milanazambatova@mail.ru. Научный руководитель – проф., д.с.н. Бронзино Л.Ю.

Захарова Светлана Валерьевна – студентка 1 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: rundmc13@yandex.ru. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Захарьян Дарья Александровна - аспирантка факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: daria.m@bk.ru. Научный руководитель д. соц. н., проф. Пузанова Ж.В.

Зеленская Дарья Максимовна – студентка 1 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: zedama@mail.ru. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Ильина Виктория Викторовна – студентка 4 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии РУДН, e-mail: vikavika1131@mail.ru. Научный руководитель – проф., д.с.н. Троцук И.В.

Карзевич Мария Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: karma95@bk.ru. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Коновалова Татьяна Сергеевна – студентка 3 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: tkonovalova96@gmail.com. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Кутилова Анастасия Александровна – студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: lady.kutilova133@mail.ru. Научный руководитель д. соц. н., проф. Пузанова Ж.В.

Ларионов Георгий Игоревич – студент 3 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: georgelarionov.w@gmail.com. Научные руководители – Искакова Е.Б. (ВЦИОМ), к.с.н., ст.преп. Неверов А.В. (РУДН).

Логинова Полина Викторовна – аспирантка факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: polina.v.rabinovich@gmail.com. Научный руководитель – д.с.н., доц. Троцук И.В.

Неунылова Анастасия Сергеевна - студента 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: nastenka15_94@mail.ru. Научный руководитель – асс., к.соц.н. Ларина Т.И.

Овчинников-Лысенко Егор Геннадьевич - студент 4 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: mello339@gmail.com. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Панкова Анастасия Викторовна – аспирантка факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: anjanstja@rambler.ru. Научный руководитель – д.с.н., доц. Троцук И.В.

Попова Наталья Александровна – студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: natasha16-04@yandex.ru. Научный руководитель – к.филос.н., доц. Подвойский Д.Г.

Сохадзе Кетеван Георгиевна – аспирантка факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: Ketisokhadze@gmail.com. Научный руководитель – д.с.н., доц. Троцук И.В.

Субботина Мария Владимировна – студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: tonus1995@mail.ru. Научный руководитель – д.с.н., доц. Троцук И.В.

Суховерова Дарья Вячеславовна – студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: prada93@mail.ru. Научный руководитель – д.с.н., доц. Троцук И.В.

Тупикова Вера Андреевна – студентка 4 курса факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: tupikovavera@gmail.com. Научный руководитель – асс., к.с.н. Ларина Т.И.

Ульянычев Максим Александрович – аспирант факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: Научный руководитель – к.соц. н., доц. Тюрина И.О.

Филатова Виктория Алексеевна - студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: victorybutler@yandex.ru. Научные руководители – к.с.н., доц. Киреев Е.Ю. (РГСУ), к.с.н., ст.преп. Неверов А.В. (РУДН).

Щербакова Дарья Андреевна – студентка 2 курса магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: shcherbakova.dasha@gmail.com. Научный руководитель — д.с.н., доц. Троцук И.В.

Юрош Татьяна Дмитриевна – аспирантка факультета гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии, e-mail: taniau93@mail.ru. Научный руководитель – д.с.н., доц. Троцук И.В.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ,
ПРАКТИКА**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.Н. Собанина*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 22.11.2017 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10. Тираж 100 экз. Заказ 1743

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41